

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Ван Исюань

**СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИЛЫХ И ДВОРОВЫХ
ПОСТРОЙКАХ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Научная специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Селиверстова Елена Ивановна

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ.....	16
1.1 Основы и принципы лингвокультурологии как науки	16
1.1.1. Языковая картина мира – базовое понятие лингвокультурологии.....	17
1.1.2. Паремиологическая картина мира как фрагмент языковой картины мира	24
1.2. Паремиологическое пространство языка: основные понятия и наблюдения ..	27
1.2.1. Представление о паремии в российской лингвистике	28
1.2.2. Трактовка паремии в китайской науке.....	32
1.2.3. Бинарные отношения как свойство паремиологического пространства языка и основа паремий	37
1.3. Стереотипные представления в отражении их единицами языка	42
1.4. Выводы по главе	49
ГЛАВА 2. ЖИЛЫЕ И ДВОРОВЫЕ ПОСТРОЙКИ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	52
2.1. Лексика с семантикой ‘жилые и дворовые постройки’ в русском и китайском языках: лексикографический аспект	52
2.2. Лингвокультурный потенциал русских паремий о жилых и дворовых постройках на фоне китайской паремии.....	61
2.2.1. Стереотипные представления о жилище в русских и китайских паремиях	62
2.2.1.1. Паремии как свидетельство традиций и правил возведения дома	62
2.2.1.2. Стереотипные представления о роли и функциях отдельных элементов жилого строения.....	67
2.2.1.3. Лингвокультурологический взгляд на границы между внутренним пространством жилища и внешним миром.....	77
2.2.1.4. Паремийные правила и рекомендации по содержанию дома	80
2.2.1.5. Выражение в паремиях отношения человека к жилищу	81
2.2.1.6. Паремии с компонентами-названиями помещений жилого строения.....	89

2.2.1.7. <i>Паремии с компонентами-названиями двора и надворных построек в русском и китайском языках</i>	93
2.2.2. <i>Образы жилых построек в паремиях как носители этномаркированных символических и оценочных смыслов</i>	101
2.2.3. <i>Роль зооморфной метафоры в паремийной трактовке жилища</i>	109
2.3. <i>Бинарные отношения между компонентами паремий о жилище как основа их содержания</i>	115
2.3.1. <i>Отношения тематической общности между частями паремийного бинорма</i>	115
2.3.2. <i>Отношения семантического контраста и синонимической близости между компонентами бинорма</i>	121
2.4. <i>Выводы по главе</i>	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	131
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ.....	144
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ	148
СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ	149
ПРИЛОЖЕНИЕ. Таблицы, демонстрирующие результаты анализа стереотипных представлений (разделы 2.2.1.1. – 2.2.1.3, 2.2.1.6. – 2.2.1.7.).....	150

ВВЕДЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено лингвокультурологическому изучению стереотипных представлений о жилище в русских поговорках на фоне китайского языка.

Поговорка служит объектом лингвокультурологии, поскольку отражает, наряду с другими единицами языка, особенности этномаркированной языковой картины мира, в которой запечатлевается социальная и бытовая жизнь, история, традиции, культура, ментальность носителей языка.

Поэтому поговорки, представляя своего рода энциклопедию русской жизни, служат перспективным материалом для исследований лингвострановедческого, лингвокультурологического, сопоставительного, когнитивного характера. В настоящее время этот материал привлекается при освещении различных фрагментов языковой картины мира представителей отдельных культур, при исследовании разнообразных культурных кодов – пищевого, костюмного, зооморфного, метеорологического и т.д. (см. работы О.Я. Абыякой, Ю.Д. Апресяна, Ю.Н. Караулова, В.Б. Касевича, М.Л. Ковшовой, Н.Н. Семеновича, Е.А. Юриной, В.Л. Моисеевой, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, Е.И. Селиверстовой, Е.С. Яковлевой и др.).

Поговорки, будучи весьма специфическими единицами, демонстрируют своеобразие в способности фиксировать стереотипные представления – как совпадающие у представителей разных культур, так и существенно различающиеся, свидетельствующие о разном видении окружающего мира, нередко – о принципиально иной оценке происходящего, а также поведения и поступков людей. Наряду с этим, поговорка обнаруживает специфику и в языковом оформлении: это незначительное по объему фольклорное произведение характеризуется особым ритмом, рифмованностью, яркой метафоричностью, лексической избыточностью, так называемыми, по В.И. Далю, «прикрасами» и т. д., составляющими в совокупности некий «эталон поговорочности», который при сравнении, в частности, китайских и русских поговорок обнаруживает заметное национальное своеобразие.

Все это делает весьма результативным и значимым изучение паремий двух и более языков в лингвокультурологическом аспекте – с целью выявления сходства и расхождений как в самих стереотипных представлениях и ментальных установках, репрезентируемых пословицами, так и в способах их репрезентации. Об этом свидетельствуют труды, построенные на материале двух и более языков: монография М.А. Бредиса, посвященная концепту «Деньги и денежные отношения» и основанная на материале шести языков; труды Е.И. Зиновьевой и ее паремиологической школы, работы Е.И. Селиверстовой, Е.К. Николаевой, И.В. Кузнецовой и др., обращенные к чешским, польским и другим славянским устойчивым выражениям, исследования Г.Ш. Хакимовой, Е.С. Абаевой, М.Ю. Романюка, Ю.А. Закировой и др., обращенные к различным сторонам жизни носителей разных языков (русского, английского, французского, немецкого, итальянского и т.д.) и составляющие особое направление в современной науке.

Актуальность данного исследования обусловлена, во-первых, его включённостью в проблематику антропометрической парадигмы лингвистических исследований, особенно в современную научную дисциплину – лингвокультурологию, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка.

Во-вторых, жилище как повседневное пространство, с древних времен до наших дней тесно связанное с человеческой жизнью, принадлежит к категории основных жизненно важных потребностей – не только как материальная собственность человека, но и существенная составляющая его духовной жизни. Изучение стереотипных представлений о жилище в русских и китайских паремиях позволяет выявить не только универсальное в видении мира, но и выделить этномаркированные представления о мире и человеке у носителей двух неблизких языков и культур.

В-третьих, паремии как особенные единицы, важные в аспекте концептуализации аксиологически отмеченных сущностей в картине мира носителей языка, должны учитываться при обучении иностранному языку, тем более что они представляют известные трудности при освоении. Как носитель

культурной информации паремии не всегда вербализуют ее эксплицитно, но всегда требуют соответствующего лингвокультурологического комментария, чтобы понять представленные в них имплицитно культурно-языковое содержание и ценности народов.

Новизна исследования определяется тем, что, во-первых, выбранный нами для исследования объект – паремии, в которых отражаются представления русских и китайцев о жилище, различного рода постройках и их частях – исследованию в лингвокультурологическом аспекте не подвергался; во-вторых, в русских и китайских паремиях наименования жилища вступают в разнообразные бинарные отношения, свидетельствующие о широком спектре ассоциативно-тематических связей и создающие убедительную картину особенностей жилища как строения и его функций; в-третьих, многие номинации жилища, будучи включенными в состав паремий, вносят оценочное звучание и в семантику русских и китайских изречений, в которых отражается различное отношение человека к своей материальной и духовной жизни, к социальным явлениям, и даже философское их осмысление. Оценочную составляющую значения этих слов не следует недооценивать – она определяет семантику всего выражения.

Жилище представляет собой основу жизни, это важнейшая составляющая народной культуры, определяемая естественно-географическими и социально-экономическими условиями жизни этноса, обычаями и традициями в создании жилых и дворовых построек. Не случайно поэтому в паремиях как единицах, отражающих особенности материальной жизни народа-носителя языка, хранящих народную мудрость, касающуюся различных вещей, значительное количество единиц «говорит» об избе, доме, дворе, прилегающем к дому, и других строениях: *Не красна изба углами, а красна пирогами; Дома и стены помогают; На двор зазывай, а со двора не спускай* и др. Здесь отражается не только опыт жизни предшествующих поколений, особенности русского жилища, составляемого не просто жилым домом (избой), а целым огороженным плетнем или забором двором, в котором имелись и другие строения хозяйственного назначения. В этом

проявились традиционные особенности жилых и дворовых построек, связанные с образом жизни народа и его обычаями.

В данной работе рассматриваются паремии, характеризующие дом и дворовые постройки и их части – их включение в состав паремий связано не только с отражением роли и функций построек в бытовой жизни человека: *Изба о четырех углах строится; Дом невелик, да и лежать не велит* – ‘о больших хлопотах, связанных с ведением хозяйства в доме’; *Наша горница с богом не спорится (не спорница)* – ‘о главном жилом помещении избы, дома’. Не менее значимо осмысление частей дома и хозяйства с точки зрения их важности (ср.: *Не замесить густо, как в амбаре пусто; пустой амбар* – символ отсутствия зерна, т.е. пропитания) – здесь, например, можно отметить особую роль *печи (Старому да малому место на печи; Хорошо на печи пахать, да заворачивать круто; Осердясь на блохи, да шубу в печь)*, и наделение их символическими значениями, их переосмысление (*В своем дворе и щепка бьет: двор* воспринимается как гарантия безопасности, защиты; *Есть в амбаре, будет и в кармане: амбар* – место, где хранятся припасы, символ обеспеченности, состоятельности; *стены* – символизируют сохранность и безопасность (*Дома и стены помогают*) и др.

Китайский язык также располагает значительным количеством пословиц, отражающих представление китайцев о своем жилище, его строении, роли в жизни этноса, об особых смыслах, которыми наделяются в культуре слова, подобные лексемам дом, колонна, тан, ши и т.д., например, 与人不睦, 劝人盖屋 (*Если ты в недобрых отношениях с другим, уговори его построить дом*); 一根柱子动, 根根房梁摇 (*Одна колонна приходит в движение, каждая матица трясется*); 心宽不在屋宽 (*Широта сердца не зависит от размера дома*) 亮堂屋, 黑卧房 (*Тан светлое, а ши тёмное* – речь идет об особых помещениях в китайском доме, что будет прокомментировано ниже) и др.

В качестве **объекта** исследования выступают русские и китайские паремии с компонентами – наименованиями жилища, его частей и различных помещений дома. **Предмет** исследования составляют стереотипные представления о жилище,

вербализованные в русских и китайских поговорках, их лингвокультурологический потенциал и степень возможного сходства и различий между единицами двух языков и выраженными в них стереотипными представлениями.

Гипотезу данного исследования составляет предположение, что изучение поговорок, освещающих особенности народного быта, связанного с важнейшей ценностью – жилищем, позволит получить не только этнографические сведения об устройстве традиционного русского дома, но и информацию о степени его важности в жизни человека, о различных векторах его осмысления, о круге ассоциативных связей, в которые включается жилище. Рассмотрение русских поговорок на фоне китайских позволяет как выявить общее в стереотипных представлениях о доме, его частях и придомной территории, так и отметить национально-маркированное видение жилища носителями разных культур: различия в номенклатуре деталей жилища и связанных с ними лингвокультурных установок, выражаемых в поговорках, в расставляемых акцентах и вербализованных связях жилища с другими сторонами жизни этноса, в использовании различных элементов образной системы языка, в структуре поговорок.

Цель работы – провести лингвокультурологическое исследование русских поговорок на фоне китайских, вербализующих представления о жилых и дворовых постройках русских и китайцев, определить и прокомментировать коннотативное, эталонно-символическое и аксиологическое содержание поговорок и их отдельных компонентов; выявить и систематизировать основные стереотипные представления и степень их универсальности либо, наоборот, национальную специфику в них, объясняемые различиями в историческом развитии, бытовой жизни и традициях, культуре и т.д.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. описать теоретическую базу исследования на основе анализа научной литературы по основным затрагиваемым проблемам;
2. определить состав лексических единиц, номинирующих жилище и его части в русском и китайском языках, характер их лексикографической разработки и степень их возможного участия в качестве компонентов в составе поговорок;

3. отобрать из русских и китайских паремиологических словарей единицы, репрезентирующие стереотипные представления о жилище;

4. провести лингвокультурологический анализ исследуемых паремий и предложить классификацию отобранных паремий с точки зрения отражающихся в них культурных установок и стереотипных представлений;

4. выделить основные семантические, коннотативные, символические смыслы, значимые для паремий, вербализующих представления о жилых и дворовых постройках;

5. определить общие для паремий двух языков и лакунарные для одного из них бинарные оппозиции, составляющие основу грамматической и образной структуры пословиц;

6. осуществить сопоставительный анализ образов жилых и дворовых построек, использованных в паремиях русского и китайского языков, с целью выявления их сходств и различий и установления причин проявления лакунарности в одном из языков.

Лингвокультурологический аспект рассмотрения в данном исследовании паремий, вербализующих стереотипные представления о жилище, прилегающей территории и расположенных на ней дворовых постройках, предполагает использование следующих **методов и приемов**: приём сплошной выборки из словаря «Пословицы русского народа», «Большой словарь китайских пословиц», «Большой словарь китайских поговорок» и частичной выборки единиц – из «Большого словаря русских пословиц»; описательный метод; историко-этимологический метод, метод компонентного анализа; методы семантического и лингвокультурологического анализа; сравнительно-сопоставительный метод; приёмы стилистической характеристики и количественных подсчетов.

Специфика сопоставительной лингвокультурологии, если следовать позиции В.В. Воробьева и Р.Х. Хайруллиной (2014), требует соблюдения в исследовании следующих принципов, которых мы и будем придерживаться:

лингвокультурологического, предполагающего учет единства языковой и внеязыковой сущности, т.е. факта культуры;

принципа «инаковости», который при сопоставительно-культурологическом подходе реализуется не через оценки «хорошо» – «плохо», а через трактовку этномаркированного материала языка как «демонстрирующего иной способ представления того, что присутствует как понятие в языке носителя другой культуры»;

принципа *экспланаторности* (от англ. *explane*), в соответствии с которым требуются объяснения выявленных культурных различий в семантике, мотивируемых глубинными различиями в мировосприятии и миропонимании народа и т.д. [Воробьев, Хайруллина 2014: 54].

Материалом для исследования послужили 629 русских единиц и 318 китайских паремий, извлеченных из следующих словарей пословиц: «Пословицы русского народа» В.И. Даля; «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой; «Большого словаря китайских пословиц» Уэнь Дуаньчэн; «Большого словаря китайских поговорок» Уэнь Дуаньчэн.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили:

– труды по лингвокультурологии: В.Н. Телия 1996, В.В. Красных 2002, В.В. Воробьев 2006, Е.И. Зиновьева 2016, С.Г. Тер-Минасова 2005, В.В. Колесов 2006, М.Л. Ковшова 2019, В.А. Маслова 2020, Чжао Айгуо 2006 и др.

– работы в области изучения языковой картины мира: А.А. Потебня 1989, В.Б. Касевич 1990, Г.В. Колшанский 1990, Э. Сепир и Б. Уорф 1993, Л. Вайсгербер 1993, Ю.Д. Апресян 1995, Е.С. Яковлева 1996, Н.Ю. Шведова 1999; З. Д. Попова, И.А. Стернин 2001; В.И. Карасик 2002, О.А. Корнилов 2003, Т.И. Воронцова 2003, Е.Д. Малёнова 2004, Н.Ф. Алефиренко 2011 и др.

– труды, посвященные изучению русских паремий: Г.Л. Пермяков 1988, Т.М. Николаева 1995; И.А. Подюков 1999, Е.В. Иванова 2002, Л.Б. Савенкова 2002, Н.Н. Семененко 2005, Н.Ф. Алефиренко 2008, В.М. Мокиенко 2010, Е.И. Зиновьева 2016, Н.А. Потапова 2016, Е.И. Селиверстова 2017, М.Л. Ковшова 2019 и др.

– труды, авторы которых уделили внимание китайским пословицам, в том числе – в сопоставительном аспекте: Ван Дечунь 1983, Ван Цинь 1990, Цюй Пу

1991, Ма Гофань 1998, Чжу Цзефань 2000, Чжоу Цзянь 2000, Вэнь Дуаньчжэн 2011 и др.

– труды, посвященные изучению концепта «жилище», включающего дом, его элементы и пространство вокруг дома: А.К. Байбурин 1983, Е.А. Потураева 2010, К.Ж. Джусупова 2013, Э.В. Герасименко 2014, А.А. Зайцева 2015, О.В. Копыльских 2016, Чжан Хун 2006, Лу Вэйцзе 2010, Со Кен Ран 2010 и др.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Значительный объем стереотипных представлений о жилых и дворовых постройках, выявленных на материале зафиксированных словарями устойчивых выражений, свидетельствует о важности жилища для носителей русской и китайской культур и языков.

2. Паремии являются свидетельством не только важности жилища как материальной собственности человека и существенной составляющей его духовной жизни, они подтверждают существование традиций и многочисленных правил возведения жилища и представлений о его деталях и функциях, а также «кодекса», связанного с его содержанием и отношением к нему человека.

3. Жилище составляет одну из бесспорных ценностей для человека, поэтому паремиями с компонентами-названиями жилища выражаются отношение к дому как к собственности, к его хозяину и различным элементам всего хозяйства – и в том числе оценочные смыслы. В паремиях должны обнаруживаться, помимо универсальных, общих для представителей двух культур стереотипных представлений, этномаркированные ценностные приоритеты, лакунарные в другом языке.

4. По свидетельству паремий, жилище является во многом социальной характеристикой человека, его материальной обеспеченности, статуса, отчасти – его характера.

5. Разнообразие паремийных биномов является важным показателем при изучении паремиологической картины мира. Изучение их содержательной стороны и количественных соотношений позволяет представить систему ассоциативных

связей, в которую включается жилище в языковом сознании, и способствует выявлению иерархии в системе материальных и духовных ценностей этноса.

6. Антропоцентричность как универсальная категория проявляется и в осмыслении и оценке человеком всех видов и типов «жилища». Наименования «жилища» животных и птиц концептуализируются в русских и китайских паремиях и участвуют в выражении определенных оценок и коннотаций.

7. В рассматриваемом фрагменте паремиологической картины мира значительная часть стереотипных представлений носителей русской и китайской культур совпадает. Выявленные не совпадающие представления объясняются различиями в развитии этноса, его истории и культуры, в традициях жилищного строительства, в критериях определения благосостояния человека и др.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут внести вклад в дальнейшее развитие теории лингвокультурологии и паремиологии, в изучение отдельных фрагментов русской и китайской языковых картин мира, национально-культурных особенностей семантики и функционирования русских пословиц и поговорок на фоне китайского языка.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов исследования в процессе преподавания русского и китайского языков, в теории и практике перевода, при чтении спецкурсов по проблемам межкультурной коммуникации, фразеологии и паремиологии лингвокультурологии, и лексикографии.

Структура и содержание работы: диссертация включает введение, две главы, заключение, список использованной литературы, словарей и источников материала, приложения.

Во введение определены актуальность, новизна, объект и предмет исследования, гипотеза, цель, задачи, методы и приемы исследования, материал, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена теоретическим основам исследования: в ней рассматриваются вопросы, связанные с антропоцентрической парадигмой, лингвокультурологическим направлением в современной науке, базовыми понятиями лингвокультурологии, раскрывается содержание используемых терминов «языковая картина мира», «паремиологическая картина мира», «паремиологическое пространство», «паремийный бином», «стереотипное представление» и др., освещаются проблема различного понимания паремий в российской лингвистике и дискуссионный для китайских ученых вопрос о статусе различных разрядов устойчивых единиц.

Во второй главе рассматриваются представления о жилых и дворовых постройках, отражающиеся в русских и китайских паремиях. Приводятся результаты анализа лексикографических источников, дается общая характеристика и классификация исследуемого материала. Выделены бинарные отношения между компонентами русских и китайских паремий о жилище. Основное внимание уделяется лингвокультурологическому анализу универсальных стереотипных представлений и национально маркированных представлений о возведении дома, о роли отдельных элементов жилища, о помещениях и интерьере русского и китайского жилища и о дворе и важных надворных постройках, составляющих определенные фрагменты языковых картин мира.

Заключение содержит обобщенные наблюдения.

В приложении представлены таблицы, демонстрирующие результаты анализа стереотипных представлений, рассмотренных в отдельных разделах работы.

Апробация результатов исследования

Результаты проведенного исследования обсуждались на аспирантских семинарах кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ и были представлены в виде докладов и сообщений на научных конференциях:

1. Национальная (Всероссийская) конференция по естественным и гуманитарным наукам с международным участием «Наука СПбГУ – 2020» (декабрь 2020, Санкт-Петербург);

2. XXVI международная научно-методическая конференция СПбГУПТД «Проблемы преподавания филологических дисциплин в новых образовательных условиях» (Апрель 2021, Санкт-Петербург);

3. Международная научно-практическая конференция «Наследие Петровской эпохи в современной русской паремиологии» в Костромском госуниверситете (сентябрь 2021, Кострома).

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 6 научных статьях, из которых 3 опубликованы в научных индексируемых журналах перечня, рекомендуемого ВАК РФ.

1. Селиверстова Е. И., Ван Исюань. Жилое строение как свидетельство материального достатка / бедности в русских поговорках на фоне китайских // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2021. – №3 (112). – С. 90–99 (ВАК).

2. Ван Исюань. Стереотипные представления о русской избе в зеркале пословиц // Научная мысль Кавказа. – 2022. – №1 (109). – С. 117–122 (ВАК).

3. Ван Исюань. Паремийные биномы как проявления стереотипных представлений (на материале русских и китайских паремий о жилище) // Современный ученый. – 2022. – №6. С. 168–173 (ВАК).

4. Ван Исюань. Палаты как эталон жилого помещения в русских поговорках // Сборник материалов Национальной конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием «Наука СПбГУ – 2020». – СПб.: Скифия-принт, 2021. – С. 1323–1324.

5. Ван Исюань Стереотипные представления о богатых жилых строениях, отразившиеся в русских поговорках // Проблемы преподавания филологических дисциплин в новых образовательных условиях: матер. докл. и сообщ. XXVI междунар. науч.-метод. конф. памяти Н. Т. Свидинской. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2021. – С. 542–546.

6. Ван Исюань. Дом, изба, берлога: прошлое и настоящее русских паремий о жилище // Наследие Петровской эпохи в современной русской паремиологии (в сопоставлении с европейской): монография / науч. ред. С. И. Николаев,

В. М. Мокиенко; отв. ред. А. Е. Якимов. – Кострома: Костромской государственный университет, 2021. – С. 152–158.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

1.1 Основы и принципы лингвокультурологии как науки

Проблема взаимосвязи и взаимоотношения языка и культуры изучается с начала XIX в. Широкое распространение в научном мире получили взгляды В. фон Гумбольдта о характере взаимосвязи между языком, культурой и нацией и о взаимодействии языка и культуры.

Суть его теории состояла в том, что, язык, во-первых, является необходимым звеном, соединяющим мир и человека; во-вторых, в языке воплощаются духовная и материальная культура, и, в-третьих, национальный характер каждой культуры, выраженный в языке, свидетельствует об особом восприятии окружающего мира, что проявляется во внутренней форме языка, выражающей специфический для каждого народа «народный дух» и культуру. В середине XX в. много теорий о взаимодействии языка и культуры возникло в российской лингвистике – в частности, идея о том, что «культура – это особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в системе его жизненных практик» [Телия 1996: 18]. Язык, будучи средством коммуникации, «вбирает в себя все, что связано с культурной компетенцией ее носителей. Это и позволяет вместе с языком передавать культурную информацию по горизонтали и по вертикали (следующим поколениям)» [Маслова 2020: 690].

Таким образом, возникновение лингвокультурологии и обретение ею статуса самостоятельной дисциплины – логичный результат развития лингвистической теории XIX – XX в. Так, В.В. Воробьев в своей работе определяет лингвокультурологию как «комплексную научную дисциплину, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающую этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и культурного содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 2006: 36].

В.В. Красных в своих работах указывает объекты исследования лингвокультурологии – это проявления, отражение и фиксация культуры в языке и дискурсе: она обращена к национальной картине мира, языковому сознанию и особенностям ментально-лингвального комплекса определенного народа [Красных 2002: 12].

Е.И. Зиновьева дает одно из наиболее полных определений лингвокультурологии как лингвистической науки, исследующей различные способы вербализации знаний о мире носителей определенного языка. Изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса позволяет «во всей полноте раскрыть значение анализируемых единиц, их оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка». При этом, как подчеркивает ученый, важно учитывать «информацию энциклопедического характера, коррелирующую с собственно языковым знанием, разработка принципов отбора которой является одной из проблем лингвокультурологии» [Зиновьева 2016: 12].

Будучи самостоятельной наукой, лингвокультурология располагает своим понятийным аппаратом. Одним из основополагающих понятий лингвокультурологии является понятие *языковой картины мира*.

1.1.1. Языковая картина мира – базовое понятие лингвокультурологии

Понятие *картина мира* было выдвинуто в конце XIX – начале XX в. Оно сформировалось в области физики и отражало реальные закономерности природы. Термин «картина мира» метафоричен, образно описывает взаимоотношение сознания человека с реальным миром. Это «смысловое моделирование мира в соответствии с логикой миропонимания и миропредставления» [Роль человеческого фактора 1988: 60]. Картина мира подразделяется на концептуальную и языковую картины мира, хотя концептуальная картина мира, несомненно, шире языковой. Человек начинает познавать мир с концептуальной картины мира благодаря языку, «в котором существует множество понятий в системе конвенциональных знаков» [Сухарева 2012: 112].

Языковая картина мира (ЯКМ) – базовое понятие современной лингвокультурологии – появилось в 60-х гг. XX века на основе работ И.Г. Гердера и В. Гумбольдта. В российском языкознании это направление развивалось в трудах А.А. Потебни 1989, Ф.И. Буслаева 1992, В.В. Виноградова 1996, Л.П. Якубинского 1986, Ю.Д. Апресяна 1995, З.Д. Поповой, И.А. Стернина 2001 и др.

Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубинных слоев картины мира человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры [Роль человеческого фактора 1988: 11].

Еще Э. Сепир и Б. Уорф, рассуждая о языке, писали, что «языки являются по существу культурными хранилищами обширных и самодостаточных сетей психических процессов» [Сепир 1993: 252-255], определяемых подсознанием носителей языка. Огромный вклад в развитие теории языковой картины мира внес Л. Вайсгербер, включая в конкретный язык, помимо совокупности языковых знаков, «совокупность понятийных мыслительных средств», которыми располагает языковой коллектив. Возможность родного языка видится ему в том, что «он (язык) содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» [Вайсгербер 1993: 50].

В пользу того, что язык есть продукт человеческого мышления и он не может формировать собственную картину мира без осознания существования объективной реальности, высказываются многие ученые. Так, Г.В. Колшанский пишет: язык «лишь фиксирует концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и деятельность в этом мире» [Колшанский 1990: 32]. ЯКМ не представляет собой какой-то «собственной» картины мира [Малёнова 2004: 54], это лишь отражение объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества» [Обрезков 2015: 124].

З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают классификационную сторону языковой картины мира (ЯКМ), видя в ней «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин 2001: 68].

Языковая картина мира, таким образом, существует на основе реальности мира, но является не объективной реальностью, а результатом ее восприятия. «Любое толкование понятия ЯКМ не может претендовать на абсолютную истинность, поскольку это не объективно существующая реальность, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач» [Корнилов 2003: 4].

Язык отражает реальность окружающего мира сквозь призму этномаркированного восприятия и является важным свидетельством выражаемых человеком мыслей. Он «пронизывает все формы общественного бытия, духовной культуры и общественного сознания, соединяя разнообразные способы общения, аккумулируя, таким образом, фундаментальные культурно-исторические ценности человечества» [Ясин 2012: 477].

Ценность языка как хранилища национальных образа мыслей и культуры неоспорима. Известный специалист в области изучения русской ментальности в категориях языка, процессов насыщения языковых знаков культурным смыслом, автор монографии «Язык и ментальность в языке и тексте» (СПб., 2006) и многих других, В.В. Колесов подчеркивал важность языка как «основного и главного элемента, способного выразить особенности народной ментальности»: «Языковая модель ментальности отражает основную установку русской философии, интуитивно осознавшей “словесное достоинство” русской ментальности, основанной на логическом развертывании основных концептов народной культуры, которые заложены в генотипе и существуют на уровне подсознания» [Колесов 2006: 11]. При этом менталитет рассматривался им как «присущее всем общенациональное проявление неких глубинных представлений о мире, не имеющее, впрочем, каких-либо расовых предрасположений» [там же].

Сегодня особенно акцентируется роль языка в аспекте его связи с мышлением: «Систематизированные знания, совокупные процессы осмысления, понятия и их особенности зависят от того, к какому языку они относятся и реализуются через носителя конкретной языковой культуры» [Сухарева 2012: 112].

Следует отметить, что в языковой картине мира активно проявляется ценностное доминирование, в ней «запечатлеваются результат видения мира человеком с помощью языка и который ориентирует человека на определенное отношение к миру и ориентации в нем» [Роль человеческого фактора 1988: 69]. Познание окружающего мира взаимодействует с представлением о ценности, и в сознании человека складывается ценностная ориентация и особый взгляд на предметы и явления реальности. «В ценностной картине мира, – пишет В.И. Карасик, – существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик 2002: 167]. Не случайно освещение аксиологических доминант, отражающихся в языке, представляется важным для лингвистов, разрабатывающих модели ценностной языковой картины мира [Андреева 2006, Джимбеева 2016, Ломакина 2018, Ломакина, Мокиенко 2021 и др.].

В современном научном исследовании понятие *картина мира* включает научную и наивную картину мира. С одной стороны, речь идет о наивной картине мира, поскольку язык изменяется медленно и «его семантика отражает в значительной степени пережиточную картину мира» [Касевич 1990: 100]. ЯКМ имеет «донаучный характер», но «наивные представления не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека. Они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир» [Апресян 1995: 351].

В отличие от характеристики научной картины мира, языковая картина мира «далека от того, чтобы объективно отражать окружающую действительность» [Обрезков 2015: 121]. Она во многом даже «антинаучна и алогична, более того, в

большой степени мифологична, однако ей нельзя отказать в образности, метафоричности и некой житейской мудрости» [там же: 121]. Научная и языковая картина мира являются результатом деятельности противопоставляемых сообществ – деятельности ученых и деятельности «рядовых носителей (и создателей) того или иного языка» [Соколова 2010: 84]. Различия языковой и научной картин мира проявляются и в отличиях естественного языка от языка науки. Если язык науки характеризуют однозначность, точность, ясность, отсутствие эмоциональной окраски, то естественный язык отличается многозначностью слов, эмоциональностью, неясностью грамматических построений, субъективностью отражаемого языком жизненного опыта [Ртищева 2012: 118].

С другой стороны, ученые считают, что ЯКМ содержит не только наивное знание, но и научное. Обиходные понятия отстают от научных и даже противопоставлены им, однако «эксплицитная научная картина вырастает из несформулированной наивной картины мира благодаря уточнениям и спецификации тех же основных языковых моделей, которые явились источником наивной, имплицитной картины мира» [Солончак 2014: 150]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, взаимодействию научной и языковой картин мира необходимо придавать большое значение, поскольку «наука изначально пользуется тем или иным естественным языком» и, наоборот, в современном мире с развитием технологий и повышением уровня знаний и культуры человека, «многие понятия научной картины мира достаточно активно употребляются в обыденной речи» [Алефиренко 2011: 12]. «Историческая практика человечества неизбежно приводит ко все более широкому вторжению научных знаний в сферу бытовых представлений, отпечатываемых в фактах языка, или к расширению сферы этих бытовых представлений за счет научных понятий» [Апресян 1995: 299].

Определение языковой картины мира как выработанной многовековым опытом народа и осуществляемой средствами языковой номинации дано Н.Ю. Шведовой, которая видит в ней изображение «целостного и многочастного мира, <...> представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную

жизнедеятельность, и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [Шведова 1999: 15].

В последние годы главные подходы к изучению ЯКМ в лингвистических трудах представлены такими направлениями, как *когнитивное* [Попова 2002; Воронцова 2003; Братчикова 2006 и др.] и *лингвокультурологическое* направление – оно основано на сопоставлении фактов языка и культуры [Кравцов 2008; Скорнякова 2010 и др.]. Языковая картина мира рассматривается и с лексико-семантических и фразеологических позиций [Апресян 1995, Копылова 2010, Яковлев 2017 и др.]. Когнитивный подход к ЯКМ основан на движении в ходе анализа «от мыслительных процессов к их отражению в языке и речи», а лингвокультурологический подход реализует иной вектор – «от культуры к ее отражению в языке и речи» [там же]. Лингвокультурологический подход к изучению языковой картины мира часто связывает ее с понятиями менталитета и национального сознания.

В данной работе мы изучаем ЯКМ с лингвокультурологической точки зрения, основываясь на материале русских и китайских паремий и учитывая специфику национальных культур и ментальности народов.

Язык каждой нации отражает то, как носители одного языка и культуры видят и понимают мир: различается как естественный мир вокруг представителей разных этносов, так и их отражение этого мира в языке. Языковая картина мира национальна, это «специфичная для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» [Яковлева 1996: 47]. «Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов» [Тер-Минасова 2005: 40]. На характер восприятия окружающего мира влияют историческая культура, географическая среда, социально-политические и экономические факторы. «Каждый язык имеет как специфические, так и универсальные способы концептуализации окружающей нас реальной действительности» [Саушева 2017: 170].

Трактовка языковой картины мира как «отраженного в языке менталитета народа» [Соседова 2013: 277] легла в основу сопоставительного изучения фрагментов двух или нескольких национально-маркированных ЯКМ. Рассматриваемые при этом единицы, вербализующие своеобразное ментальное пространство национального языка» [Буланова 2010: 15], могут быть весьма разнообразными – это слова, фразеологизмы, тексты, концепты, связанные между собой в речевых дискурсивных практиках как семантически, так и формально.

Таким образом, изучение языковой картины мира создало в лингвокультурологии прочную основу для научных исследований, которую мы можем представить в виде следующих положений:

1) ЯКМ основана на реальности мира и воспроизводит ее, пусть и в измененном виде.

2) Это модель мира, которая вытекает из коллективного опыта говорящего сообщества.

3) «Ненаучная» картина мира содержит достаточно глубокие знания о мире и о тех представлениях и установках, которыми руководствуются носители языка и культуры и которые передаются от поколения к поколению.

4) Отражение действительности языком осуществляется через описание отдельных фрагментов ЯКМ.

5) Особенности этномаркированного мировидения и ментальности народа можно выявить через изучение языковых единиц.

6) ЯКМ отражает ценностные ориентации, связанные с мироощущением и мировидением носителей языка.

7) Сопоставительное изучение отдельных фрагментов языковой картины мира разных народов позволяет выявить точки схождения, говорящие об универсальности мироздания и представлений о нем, и расхождения как в самих стереотипных представлениях и ментальных установках, так и в способах их репрезентации.

1.1.2. Паремиологическая картина мира как фрагмент языковой картины мира

Паремиологическая картина мира (ПКМ) является частью языковой картины мира, вытекающей из восприятия реальности. Под влиянием исторических событий, окружающей среды, культуры, мифологических сюжетов в паремиологической картине мира находят отражение особенности мышления, психологии, нравственности каждого этноса. ПКМ «отражает информацию культурно-значимого характера и комплекс стереотипных представлений народа о мире» [Серегина 2012: 106]. Она представляет собой наиболее специфичный национально и культурно маркированный фрагмент ЯКМ, в котором «дух народа», «особенности его мировидения и ценностные приоритеты, нравственный и эстетический опыт и знания этноса, ключевые правила этикета отражаются наиболее выразительно» [Кумахова 2011: 7].

Паремии – это изречения, в сжатом виде представляющие взгляды социума на человека (*Коли ума нет, беда неловка; Разум шире морей, знание выше гор; Разум, совесть да честь – лучшее, что у человека есть*) и его отношения с другими людьми (*Незванный гость хуже татарина; Хорошему человеку везде хорошо, а худому везде худо; Кого уважают, того и почитают*), на семью и работу (*Каковы предки, таковы и детки; Работа не волк, в лес не убежит; Хорошо на печи пахать, да заворачивать круто*), на самые разные стороны жизни (*Лучше поздно, чем никогда; Не было бы счастья, да несчастье помогло; Без труда не вытащишь и рыбку из пруда; Всякий дом хозяином держится*). ПКМ отражает социокультурный опыт этноса, это «своего рода упаковка этого опыта» [Бредис 2017: 119]. «Компрессию социального и культурного опыта этноса» видит в пословичной картине мира и М. А. Серегина [Серегина 2012: 107].

Как справедливо отмечает Е.Л. Калмыкова, ПКМ отражает национальные особенности мировосприятия каждой нации. В ней отражаются, с одной стороны, «определенные черты исторического развития каждого народа, особенные характеристики народной материальной и духовной культуры (поверья, мифы, обычаи, обряды, национальная психология, стереотипы мышления)» [Калмыкова

2010: 286]. С другой стороны, особенностями мировосприятия объясняется специфика различной категоризации одной и той же объективной действительности.

К настоящему времени паремиологическая картина мира удостоилась внимания многих исследователей. Так, в монографии Е.В. Ивановой рассматриваются различные аспекты когнитивного подхода к анализу пословиц как основной составляющей пословичной картины мира [Иванова 2002]. Д.Б. Кумахова обращается в своей диссертации к вопросам оценочной категоризации, проявляющейся в паремиологической картине мира [Кумахова 2011]. В трудах Н.Н. Семененко ПКМ характеризуется как «специфическое лингвоментальное образование», включающее отражение этнокультурных стереотипов, фиксирующих *содержательную* сторону ценностей этноса [Семененко 2019]. В коллективной монографии «Паремиология без границ» освещаются некоторые подходы к реконструкции ПКМ – на основе анализа материалов паремиографических сборников, анализа художественных и публицистических текстов и т. д. [Паремиология без... 2020] и др.

Исследователи отмечают, что ПКМ является не только результатом непосредственного восприятия окружающей действительности, но и его последующего переосмысления [Ширяева 2017: 9]. ПКМ определенной лингвокультурной общности оформлена «в идеализированную модель, предполагающую практическую целесообразность определенных действий и их соответствие принятой шкале ценностей» [Кумахова 2011: 5]. Отсюда и акцентируемая учеными аксиологическая ценность представляемой совокупностью паремий пословичной картины мира.

Ценность – это «социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о целях, к достижению которых следует стремиться» [Добренков 2007: 64]. Являясь своеобразным «регистратором» опыта определенного культурного общества, пословичный массив представляет собой уникальный исследовательский материал для изучения национальных ценностей. При этом дидактичность как несомненная особенность паремий предполагает некие

руководства к тому, как достичь аксиологически важных для данного культурного общества целей. Благодаря «аксиологически заряженным» [Байрамова 2008: 300] паремиям, пословичная и ценностная картины мира имеют область пересечения. ПКМ в целом представляет собой «аксиологическую модель мира» [Серегина 2012: 107].

С одной стороны, «границы ПКМ обуславливаются ценностным отношением к миру» [Кумахова 2011: 5]. Ценностное отношение основано на объективной реальности окружающего мира человеком, поэтому ценностное отношение объективно, но вместе с тем и субъективно (духовно), поскольку то, что «существует в сознании субъекта, и отражает то, как он сам относится к действительности» [Хабибулин 2011: 174]. Объекты ценностного отношения разнообразны: это как абстрактные концепты (*истина, правда, ложь, справедливость, благо* и др.) так и конкретные предметы и явления – в самом широком смысле: *земля, жилище, деньги, мужчина, женщина, семья* и др. Неслучайно именно они представлены достаточно широко в паремиологическом фонде. Исследование содержательной и количественной сторон определенного объекта с позиций ценностного отношения, вербализованного в паремиях, представляется эффективным и перспективным для получения информации о том, насколько высока «степень паремиологической концептуализации ценностного смысла материальных / идеальных объектов», какие из ценностей – согласно паремиологической картине мира – являются доминантными [Ничипорчик 2015: 7]. Разрабатывая теорию оценки и ценностного отношения, воплощенного в языковых знаках, Е.В. Ничипорчик определяет оценку как сопрягаемую с квалификацией предмета «с точки зрения удовлетворения/неудовлетворения потребностей, желаний, интересов вкусов человека, соответствия / несоответствия социальным нормам и представлениям» [Ничипорчик 2015: 37].

Таким образом, оценка выступает в качестве фактора, способствующего формированию паремиологической картины мира, имеющей аксиологический характер. Оценочность как дифференциальный признак паремий может быть представлена и эксплицитно (ср. *Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь;*

Не с богатством жить, а с человеком; С милым рай и в шалаше; и др.) и имплицитно (*Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати; Дерево держится корнями, а человек – друзьями; Дело мастер боится и др.*).

Перейдем к характеристике анализируемых нами языковых единиц, определению их статуса и функций, различиям в их трактовке в российской и китайской лингвистиках.

1.2. Паремиологическое пространство языка: основные понятия и наблюдения

По происхождению слово *паремия* связано с религиозной деятельностью и церковной литературой; ср: «избранные места для чтения из Ветхого Завета», <...>. «Из греч. <...> «притча, пословица» [Фасмер. 3: 206]. Согласно толковому словарю, *паремии* – «места из Св. писания, читаемые на вечерии по входе», а *паремийник* – «книга, содержащая праздничные паремии» [Д. 3: 15]. В XIX веке изучение паремий уже входит в круг исследовательских интересов русских лингвистов – И.М. Снегирева, В.И. Даля, И.Е. Тимошенко, П.К. Симони и др. В XX веке слово *паремия* получает полноценное толкование в лингвистических словарях.

В Китае упоминание устойчивых выражений обнаруживается в памятниках доциньской эпохи (до 221 г. до н.э.), в конце династии Западная Хань (202 г. до н.э. – 8 г. н.э.). Путь к изучению паремий начинается с книги «Сы Мин Юэ Лин» (四民月令), своеобразного произведения с описанием повседневной сельскохозяйственной деятельности.

В настоящее время паремиология развивается весьма активно – в российской науке благодаря трудам Н.Ф. Алефиренко, В.М. Мокиенко, Г.Л. Пермякова, В.П. Жукова, Е.В. Ивановой, М.А. Черкасского, Е.И. Зиновьевой, М.Л. Ковшовой, Е.И. Селиверстовой, Н.Н. Семеновича и др.

В Китае с середины XX в. начинается целенаправленное изучение пословиц такими паремиологами, как Чжу Цзефань 朱泽凡, Ма Гофань 马国凡, Вэнь Дуаньчжэн 温端政, Цюй Пу 屈朴, Ван Дечунь 王德春, Хан Джулин 韩卓林, Чжан

Цинчан 张清泉 и др., работы Вэнь Дуаньчжэн 温端政 составляют солидную теоретическую базу для развития китайской паремиологии.

Необходимо отметить, что в русском языке *паремия* является родовым понятием, в узком же смысле паремия относится только к пословице и поговорке (Ахманова 1957, Алексеева и Давыдочева 2020 и др.), или рассматривается как синоним пословицы (Потапова 2016 и др.). В широком понимании *паремия* представляет собой систему нравочучений (Даль 1882), включает не только пословицы и поговорки, но и языковые афоризмы и крылатые выражения (Зайкина 2018, Натхо 2009 и др.). В отличие от русской лингвистической традиции, в современном китайском языке нет специального лингвистического родового понятия, которое соответствует *паремии*, однако в китайской фразеологии существует несколько разновидностей языковых единиц, которые фиксируют народную мудрость и человеческий опыт: *чэньюй (成语)*, *яньюй (谚语)*, *суюй (俗语)*, *сехоуюй (歇后语)*, *гуаньюньюй (惯用语)*. Вэнь Дуаньчжэн отмечает, что именно такие языковые единицы «имеют относительно стабильные структуры, созданные народами и распространённые в их устной речи» ¹ [Вэнь Дуаньчжэн, 2011: 5].

1.2.1. Представление о паремии в российской лингвистике

Дидактичность представляет собой наиболее значительную особенность русских паремий, что очевидно как из данных словарей, так и из их интерпретаций современными лингвистами (см., в частности: Николаева 1995; Подюков 1999; Савенкова 2002; Семененко 2012; Селиверстова 2017 и др.).

Паремии участвуют в «моделировании человеческого поведения» [Кулькова 2011: 14]. Их поучительность проявляется не только в основном содержании – они указывают на моральные нормы поведения, но также и в сопровождающих его оценочных ориентирах, например: *Не красна изба углами, а красна пирогами* (нередко – похвала); *Живет в избе, а кашляет по-горничному* (ирония, насмешка); *Воровством каменных палат не наживешь* (неодобрение, осуждение); *Хлеба ни*

¹ Здесь и далее перевод автора – Ван Исюань

куска, так и в тереме тоска (ирония) и др. Стоит отметить, что паремии не определяют абсолютно однозначно что-либо как «хорошее и плохое», а высвечивают «стереотипную природу явления, закономерность (для говорящих) его облика, сути, результата связанного с ним события и т. д» [Семененко 2019: 36].

С одной стороны, паремии представляют собой обобщение богатого опыта различных этносов, это «мысль, утверждение, проверенное временем и человеческим опытом» [Подюков 1999:152]. С другой стороны, паремиологическая единица (ПЕ) имеет превентивную предупредительную функцию, что отражается не только в семантике паремий, но и в синтаксической структуре. Наиболее явно интенция рекомендации проявляется в ПЕ с грамматической структурой отрицательного предложения и формой глагольного императива: например, *Не хвались печью в нетопленной избе; Из избы сору не выноси, а в уголок копи* (т. е. не разноси семейных вестей); *Не будь в людях приметлив, будь дома приветлив; У воров не бывает каменных домов* и т.д.

Идейная сущность паремии выражается в сжатом и кратком виде, получившем у Е.И. Селиверстовой терминологическое наименование «паремийный конденсат» [Селиверстова 2017: 6]. Эта формула содержания единицы «не только известна носителям языка и служит знаком паремийности, как и другие паремийные маркеры, но и охватывает, как правило, несколько ПЕ» [там же: 264]. С одной стороны, благодаря краткой «внешности» и сжатости (коненсированности) содержания, паремии легче понимаются и запоминаются говорящими, передаются из поколения в поколение – именно этим обеспечивается общеизвестность и общеупотребительность ПЕ, их востребованность в повседневном общении.

С другой стороны, паремия содержит глубокие национальные идеологические коннотации, это «отражение сложной формы человеческого мышления», такой род афористического суждения, где представляются «в образно-символическом моделировании и оценочном комментарии типическая жизненная ситуация или сущностные отношения между людьми» [Подюков 1999: 152]. Компоненты ПЕ отражают «культурную память», содержат этнолингвомаркеры,

отражающие «национальное своеобразие и могут не иметь прямых аналогов в другом языке» [Ломакина 2010: 217]. Национально-маркированное содержание паремий разных языков открывает широкие перспективы для исследования паремиологической единицы с лингвокультурологической и лингвокогнитивной точек зрения.

С помощью паремии формируются и сохраняются «стереотипные оценки и рекомендации относительно типичных жизненных ситуаций» [Семененко 2011: 11]. ПЕ обладает такими свойствами, как «клишированность, афористичность и сентенциозность» [Черкасский 1978: 36]. Они не только доносят до сознания каждого нового поколения стереотипные представления о важных национально-маркированных аспектах морали и нравственности, но и «убеждают нас в практической значимости той или иной ценности» [Семененко 2020: 220].

Паремия отличается от других высказываний особыми ритмом и рифмой; рифмопара – *рифмованный бином* [Селиверстова 2009: 63] – может служить основой паремии. Ритмо-рифмованная организация в паремии тесно связана с семантическими отношениями. Хотя ПЕ, как стереотипные формы мышления «чаще всего и оформляются с помощью языковых стереотипов – логических, орнаментально-жанровых, сюжетных, тематических» [Селиверстова 2017: 232], удачное рифмо-ритмическое оформление единицы усиливает звучание паремии и облегчает ее запоминание.

Таким образом, паремия обладает *краткостью, устойчивостью, ритмичностью, обобщённостью, дидактичностью (рекомендательной силой), оценочностью, общеизвестностью, общеупотребительностью* – все её особенности в совокупности оправдывают тот научный интерес, который проявляется к ним при обращении к особенностям языкового сознания, стереотипным представлениям и системе оценочных ориентаций определенного этноса.

Итак, пословица представляется весьма информативной и перспективной паремиологической единицей при изучении языковой картины мира. В настоящей работе мы используем слово *паремия* как синоним термина *пословица*, хотя два

основных вида единиц, называемых *паремиями* – *пословица* и *поговорка* – нередко вызывают необходимость их разграничения, особенно в части их синтаксических особенностей. Эти два типа языковых единиц близки друг другу, но связаны с трудностями при формировании критериев отбора в ходе составления паремиологических словарей. Трудность в разграничении связана с тем, что, во-первых, «весь паремиологический фонд русского языка является, по сути, зоной суперпереходности, в которой крайне затруднительна классификация как самих видов паремий, так и разного рода проявлений системности по отношению к ним» [Семененко 2005: 206]. Во-вторых, «пословицы в контексте часто приобретают вид поговорок и указывают на определенную модель поведения» [Селиверстова 2017: 36]. Сам же народ-носитель языка – практически «никогда четко их не разграничивал» [Пословицы, поговорки, загадки... 1986: 6].

В многочисленных работах, авторы которых стремились к решению проблемы разграничения пословиц и поговорок, сформированы, наконец, критерии, основанные на целом ряде особенностей, характеризующих русскую пословицу и отсутствующих у поговорки. В основе разграничения пословиц и поговорок лежит ряд критериев, что мы попытались отразить в нижеследующей Таблице 1.

Таблица 1. Особенности, характеризующие пословицу и поговорку

Критерий	Пословица	Поговорка
Семантический критерий	Притча, суждение, поучение, нравоучение; дидактичность (В.И. Даль, С.Г. Гаврин, Е.А. Демиденко)	Не несёт нравоучительного смысла, лишена дидактичности, конкретна по содержанию (В.И. Даль, С.Г. Гаврин, Е.А. Демиденко)
	Прямой и переносной план (В.П. Жуков)	Буквальный план (В.П. Жуков)
	Законченное суждение, завершенность мысли (М.А. Рыбникова)	Часть/ элемент суждения, отсутствие полноценного смысла (И.М. Снегирев,

		Е.А. Демиденко, М.А. Рыбникова)
	Обобщённость (Т.А. Наймушина)	Некоторая степень обобщенности (Т.А. Наймушина)
	Образность (Т.А. Наймушина)	Безобразность (Т.А. Наймушина)
Синтаксический критерий	Синтаксическая законченность, замкнутые и законченные предложения; грамматическая завершенность (Е.А. Демиденко, В.П. Жуков, Г.Л. Пермяков)	Незамкнутые, грамматически не завершенные предложения (Г.Л. Пермяков)

Представленный перечень характерных черт языковых единиц двух типов позволяет достаточно последовательно производить разграничение, однако в лексикографической практике мы и поныне сталкиваемся с некоторым расширительным пониманием пословицы, вызванным объективными причинами – наличием зоны переходности между пословицей и поговоркой и наличием такого разряда промежуточных единиц, как пословично-поговорочные выражения.

Мы в данной работе придерживаемся определения пословицы, данного М.А. Бредисом: «общеупотребительное краткое обобщение человеческого опыта, стандартизированное для типичных жизненных ситуаций и выраженное в речи законченным устойчивым предложением, чаще всего с переносным смыслом» [Бредис 2017: 86].

1.2.2. Трактовка паремии в китайской науке

В современном китайском языке мы не обнаруживаем специального термина, соответствующего *паремии*, некоторые китайские исследователи переводят слово *паремия* как *суянь* («поговорка-пословица»), т. е. общее (родовое) название, сочетавшее наименование *суюй* (поговорки) и *яньюй* (пословицы).

При проведении сравнительного анализа выражений русского и китайского языков некоторые китайские исследователи пользуются термином *суюй* как соответствующим русскому «поговорка». Нам, однако, представляется, что такой перевод, облегчающий учащимся понимание универсальности лингвистических терминов обоих языков, все же нивелирует явные различия между языковыми единицами, которые называют терминами *суюй* и *поговорка* в русской и китайской лингвистических традициях.

В широком смысле *суюй* является родовым термином, включающим *яньюй*, *сехоуюй* и *гуаньюньюй* (Вэнь Дуаньчжэн, Чжоу Цзянь 2000, Ма Гофан, У Чжанькунь 1998, Цюй Пу 1991, Ван Цинь 1990 и др.).

Иероглиф *су* (俗) обозначает: ‘1. Обычай, этикет, привычки, давно сформировавшиеся в обществе. Факты, определяемые и формируемые народом в результате многолетней практики. 2. Популярное, распространённое и знакомое. 3. Вульгарное. 4. Людской мир, противопоставляемый мирам небожителей и будд’ [БСКЯ. 17: 56]. По мнению Цюй Пу, «*суюй* является образцовым привычным выражением, который отличается популярностью и разговорностью» [Цюй Пу 1991: 15].

В узком смысле *суюй* является видовым термином, имеющим свои особенности – так считают исследователи Ван Дечунь 1983, Нин Джу 1985, Ван Цзе 1992, Сюй Цзунцай 1994 и др. По мнению Ван Цинь, *суюй* в узком значении можно рассматривать как единицы одного ранга с такими устойчивыми выражениями, как *чэньюй* (фразеологическое четырехсловное словосочетание), *яньюй* (пословица), *сехоуюй* (недоговорка, двучастное изречение, состоящее из иносказания и его раскрытия) и *гуаньюньюй* (привычное словосочетание)» [Ван Цинь, 1990:109]. В предисловии к словарю «Китайские *суюй*» его составители Ван Цзе, Сюй Цзяньхуа, Дяо Юйминь подробно анализируют особенности *суюй*, указывая, что в узком понимании *суюй* – «это простое и образное высказывание фиксированной формы, выражающее житейскую мудрость. *Суюй* популярны в мире простых людей, обычно употребляющих метафоры, преувеличения для описания жизненных обстоятельств». Авторы подчеркивают важную особенность

суюй – описательность; цель употребления *суюй* состоит в том, чтобы «говорить о вещах или явлениях живо, без глубокого смысла, в основном изображать человеческий мир» [Ван Цзе, Сюй Цзяньхуа, Дяо Юйминь 1992: 3].

Китайский народ не видит принципиальной разницы между *суюй* и *яньюй* в повседневной жизни, причиной этого смешения является наличие общих черт: во-первых, большинство *яньюй* и *суюй* представляют собой предложения. Во-вторых, они распространены в устной форме в речи простых людей, поэтому их отличают понятность и общеупотребительность. В-третьих, *суюй* и *яньюй* изображают повседневную жизнь народа, содержат узнаваемые образы. В-четвертых, в качестве народных устных произведений, передаваемых из поколения в поколение, они анонимны – в этом их существенная особенность.

Ван Дечунь стал первым лингвистом, который четко обозначил различие между *яньюй* и *суюй*. В своей монографии «Исследование лексикологии» он отмечает, что *яньюй* представляет собой квинтэссенцию опыта социальной человеческой жизни – с глубоким смыслом, а значение *суюй* доходчиво (общедоступно)» [Ван Дечунь 1983: 65].

Яньюй – «простое и банальное выражение, которое суммирует проверенный жизненный опыт и объяснения правды и сути дела» [Нин Чжу, 1985: 24]. *Яньюй* обладает пояснительным характером, это «короткое и ритмичное выражение, которое обобщает знания, опыт и мудрость в различных социальных практиках, учит людей понимать мир и просвещает жизнь» [У Чжанькунь, Гао Бин 2005: 19].

В отличие от *суюй*, «коренной характеристикой *яньюй* является информативность» [Вэнь Дуаньчжэн 2000: 12]. По определению Вэнь Дуаньчжэн, *яньюй* – это разговорные изречения с целью передачи знаний. Функции *яньюй* не ограничиваются поучением и наставлением, в ее основные функции входит передача знаний [Вэнь Дуаньчжэн 2005: 162]. Например, со времён древнего Китая сельское хозяйство было одним из источников национального благополучия, поэтому, по сведениям о китайских *яньюй*, выражения, посвященные проблемам сельского хозяйства, составляют бóльшую часть (около 20%): «вся информация и правила, которые связаны с сельским хозяйством, в том числе о почве, удобрениях,

семенах, водном хозяйстве, посевах, борьбе с вредителями, <...> методах посадки и т. д. могут содержаться в *яньюй*» [Гао Бин 2005: 64].

Более того, Вэнь Дуаньчжэн также отмечает семантические особенности, отражающиеся в *яньюй* – такие, как сведения профессионального характера и национально-специфическая информация [Вэнь Дуаньчжэн 2005: 162]. Например, в нашем случае, выражение 盖房挫前不挫后 букв. *При строительстве дома надо строить его вперёд, а не назад*, содержит практический совет, так как при этом будет лучше освещение; ср. также: 砌屋莫砌门朝北, 冬天冷来夏天热 букв. *При строительстве дома дверь не должна выходить на север, потому что зимой будет холодно, а летом жарко*.

Кроме *суюй* и *яньюй*, следует уделить внимание еще одной языковой единице – *сехоуюй* (歇后语), которая вполне обоснованно включается в китайские поговорки: «это языковая форма с яркими национальными особенностями» [Ван Инь 2020: 31]. В *сехоуюй* кристаллизуется опыт людей, накапливаемый в ходе длительной социальной практики, концентрируется мудрость и проявляется талант китайской нации. Языковая структура *сехоуюй* «уникальна и совершенна, содержание яркое и живое» [там же]. Их отличает богатое культурное содержание, глубокий юмор, риторические особенности.

Сехоуюй – наиболее специфическая из всех китайских устойчивых единиц: эта форма встречается только в китайском языке. Выражение состоит из двух частей: первая часть называется «иньцзы» – это вступительная часть, вторая часть – «чжуши», т.е. толкование; обе части разделены знаком тире, например: 纸糊的房子 – 不容人 букв. *Дом из бумаги – в нем нельзя жить человеку* (т.е. непрочный дом); 老太太住高楼 – 上下两难 *Бабушка живёт в высоком здании – вверх и вниз трудно ходить* (о затруднительном положении). Первая часть, как правило, образная, она предваряет вторую часть – абстрактное поясняющее выражение, в котором «содержится ключевой смысл всего предложения» [Вэнь Дуаньчжэн 1985: 17]. Исследователь Ван Инь отмечает, что при переходе от первой части ко второй в *сехоуюй* совершается скачок от «перцептивного» к «рациональному», от

«реального» к «когнитивному». В этом процессе метафорически выражен смысл, раскрывается глубокая философия» [Ван Инь 2020: 35].

При употреблении *сехоуой* можно опустить его вторую часть, оставив только вводную, что не мешает слушателю понять его смысл, восстановив недостающее. Данное явление свидетельствует о популярности и общепонятности выражения *сехоуой*.

Таким образом, термин *китайская паремия* мы считаем родовым по отношению к оборотам *суюй* (в узком понимании), *яньюй* и *сехоуой*. Попробуем суммировать все сказанное выше и отметить особенности, характеризующие *суюй*, *яньюй* и *сехоуой*.

Таблица 2. Особенности, характеризующие *суюй*, *яньюй* и *сехоуой*

суюй (в узком смысле)	яньюй	сехоуой
В форме предложения (в отличие от <i>чэньюй</i> и <i>гуаньюньюй</i>)		
Общепонятность		
Популярность		
Образность		
Анонимность		
Разговорность		
Устойчивость		
Не обязательно замкнутые предложения, Синтаксическая структура не обязательно полная	Замкнутые и законченные предложения	Предложения состоят из двух частей, для разделения используется тире
Описательность	Пояснительность;	В первой части используется образное и описательное

	информативность / кумулятивная функция; поучительность; обобщённость;	выражение, во второй части используется абстрактное и поясняющее выражение (носитель основного смысла)
Эмоциональность. В основном имеет отрицательную окраску.	Нейтральность	Эмоциональность; юмор, ирония, преувеличение

Паремии отражают особенности этномаркированной языковой картины мира. Их краткость, выразительность и устойчивость делают их широкоупотребительными, а совокупность единиц представляет собой убедительный материал для раскрытия мировидения каждого народа. Дидактичность, обобщённость, оценочность этих выражений позволяют выявить специфику национальных менталитетов и ценностные ориентации представителей определенной культуры. Образность, метафоричность, ритмичность – это способы выражения смысла, внешнее языковое проявление национальной языковой культуры и особенностей фиксации знания. Изучение паремий одного языка на фоне аналогичных единиц другого языка имеет большое значение в сфере межкультурной коммуникации.

1.2.3. Бинарные отношения как свойство паремиологического пространства языка и основа паремий

Обращение ученых к компонентам паремиологических единиц (ПЕ) объясняется тем, что пословица как единица народного происхождения оперирует привычными для носителя языка образами, вербализуемыми с помощью определенного набора лексем. Так, Е.В. Иванова отмечает, что в ПЕ отдельные компоненты или лексические фрагменты вербализуют «отрезки смысла, которые имеют значение не только для описания одной пословицы или группы пословиц, но и для реконструкции фрагментов и всей пословичной картины мира в целом»

[Иванова 2002: 56]. Компоненты паремии указывают на принадлежность ее к определенной тематической сфере. Так, ПЕ разных языков, включающие компоненты с семантикой ‘деньги’, говорят об отношении говорящих к деньгам, о скупости и щедрости, об экономности и мотовстве [Бредис 2012: 234-238], о пользе и вреде большого и малого количества денег. Отдельное направление исследования составляют работы Гриченко 2019, Воробьевой 2014, Никитиной 2014, Зиновьевой и Цао Цзяци 2020, Кузнецовой 2008, чье внимание направлено на ПЕ с компонентами, принадлежащими одной тематической группе – фитонимами, соматизмами, астионимами и др.

Лексический состав ПЕ во многом определяет ее значение, если речь идет о безобразных единицах, составляющие которых выражают смысл прямо: *Кончил дело – гуляй смело!* – выражение, предписывающее отдыхать после завершения работы. Однако специфика ПЕ проявляется в способности выражать переносные смыслы – как всем своим лексическим составом и пропозициональной структурой (*Цыплят по осени считают* – ‘порицание слишком раннего прогнозирования конечных результатов’), так и отдельными составляющими: ср. ПЕ *На борзом коне жениться не ездят*, где сочетание *на борзом коне* имеет значение ‘в спешке, слишком быстро’.

Компоненты паремии нередко используют образы, приобретающие символическое значение. Так, в ПЕ *Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву* образы животных противопоставлены как символизирующие хищника (сильного) и жертву (слабого) (см. подробнее: [Селиверстова 2009]. При этом важный для реализации идеи ПЕ контраст базируется именно на сочетании двух компонентов, поскольку вне ПЕ *кобыла* не ассоциируется с признаком слабости и беспомощности, с жертвенностью.

Анализ ПЕ с лингвокультурологической точки зрения позволяет выявить в формировании семантики ПЕ роль отдельных компонентов, за которыми стоят предметы реального мира. Так, в русских и китайских ПЕ с компонентом-зоонимом [Сюй Х. 2012] обнаруживаются расхождения в символических смыслах, которыми наделяют представителей фауны носители разных культур. Если образ черной

собаки, которой не стать белой, присутствует в обеих культурах и указывает на невозможность исправления плохого человека (*Черного кобеля не отмоешь добела*; кит. «Черной собаке не стать белой, врагу не стать другом») [Селиверстова, Цэн Кунь-цзяо 2013: 453], то трактовку собаки как неблагодарной находим только в китайской ПЕ (букв. «Спаси утопающую собаку, и позже она укусит тебя»), а в русском языке эта идея выражена иначе: *Выкорми змейку на свою шейку* [там же: 455].

Г.Л. Пермяков предложил важную для изучения природы ПЕ идею наличия в ней компонентов, называющих противопоставленные друг другу «обобщенные сущности» – «большое – малое», «сильное – слабое», «светлое – темное», «друг – враг» и др. [Пермяков 1988: 109–116]. Они имеются в ПЕ любого из языков, но вербализуются в каждом из них особым образом – с привлечением национально-маркированных средств. «Один и тот же образ, выражаемый либо одним опорным словом, либо двумя (в этом случае, как правило, налицо противопоставление выражаемых ими понятий) может использоваться в разных пословицах для разных целей» [Благова 2000: 122].

Изучение отношений между словами – компонентами ПЕ актуально, поскольку проливает свет на природу пословицы как единицы с логической структурой, ведь повторяющиеся в различных ПЕ пары компонентов отнюдь не случайны. Это, по Е.И. Селиверстовой, признак стабильности *паремнологического пространства*, под которым понимается система пословиц, «связанных различными типами отношений и обнаруживающих разной степени общность и различия на разных уровнях (лексическом, семантическом, синтаксическом)» [Селиверстова 2017: 6]. Сюда включаются и обобщенные паремийные идеи, и более дробные единицы: повторяющиеся фрагменты, типичные пары компонентов – паремийные биномы, структурные модели единиц [там же]. Назовем основные признаки паремийного бинорма и покажем актуальность данного подхода к рассматриваемым нами пословицам:

1. Биномы – это «сочетания (комбинации) двух компонентов в составе ПЕ, называющих предметы и явления окружающего мира», знакомых и понятных

говорящему и позволяющих устанавливать между ними определенные связи и зависимости [Селиверстова 2022: 117]. Это видно, например, в следующих ПЕ: *Родная хижина милее каменных палат* – бином «хижина – палаты»; *В избе светло, а на дворе светлее* – бином «изба – двор» и т.д.

2. Биномы – стабильные фрагменты паремиологического пространства, «устойчивые пары компонентов, неоднократно встречающиеся в паремиологическом пространстве и осмысляемые именно в паре» [Селиверстова 2022: 115]. Например, биномы *изба – печь* многократно встречаются в ПЕ: *Ходи, изба, ходи, печь, хозяину негде лечь! Курна изба, да печь тепла; Добрая то речь, что в избе есть печь; Не хвались печью в нетопленной избе* и др.

3. Один компонент может стать в ПЕ частью биномов с различными «вторыми частями»: *Из избы сору не выноси; Избу ставят – Бога славят; Коли изба крива – хозяйка плоха; Изба не без крыши.*

Возможность рассматривать типичные пары компонентов в паремиях приводит к выявлению их парадигматических отношений. В ПЕ слова-компоненты вступают в бинарные отношения, свидетельствующие о широком спектре ассоциативно-тематических связей. С одной стороны «весьма разнообразны биномы, составленные словами, связанными вне паремии отношениями тематической общности, нередко принадлежащими одной лексико-семантической группе» [Селиверстова 2017: 242], например, наименования жилища и его части: *Хоть дом худ, да крыша крепка; Мужик в семье, что матица в избе; Хоромина хороша, да окошки кривы; По избе ходит, а дверей не найдет* и др. С другой стороны, бытовые представления, формируемые повседневной жизнью «способствовали образованию биномов с семантическими отношениями» [Селиверстова 2017: 240], например, «жилище – человек»: *Дом красится хозяином; не купи дом, а купи соседа; 选房不如选邻 (Выбор соседа важнее выбора дома)* и др.

В паремиологическом пространстве функционируют разнообразные семантические связи, мы обращаем внимание на отношения семантического контраста и синонимической близости между компонентами бинома. «Биномы с

антонимическими отношениями между частями формируются на основе специфической пословичной избирательности» [Селиверстова 2017: 214]. Здесь можно выделить следующие подгруппы: 1) абсолютные антонимы, имеющие альтернативные отношения, например: *Счастье с несчастьем смешалось – ничего не осталось*; *Ученье – свет, а неученье – тьма*; *Лучше своё отдать, нежели чужое взять*; *Недруг поддакивает, а друг спорит* и др. 2) относительные антонимы, между которыми остается семантический “пробел”, например: *Старость не радость, а молодость не корысть*; *Глупый осудит, а умный рассудит*; *Богатому – как хочется, а бедному – как можется*; *Счастье пучит, беда крючит* и др. 3) семантические оппозиции, создающие в паремиях контраст, но не являющиеся в строгом смысле антонимами и в качестве таковых не обнаруживающиеся, в словарях антонимов; «их можно считать оппозидами (коррелятами), характерными для фольклорного текста» [Никитина 1993: 81]. Например: *Бог с рожью, а черт с костром*; *Родная хижина милее каменных палат*; *На дворе молотится, так в избе не колотится*; *Ум истиною просветляется, сердце любовью согревается*; *Красны боярские палаты, а у мужиков избы на боку* и др.

Пословичная избирательность также проявляется в отношении синонимической близости, в отличие от традиционного подхода изучения синонимов – слова с тождественным или близким значением, т.е. языковая синонимия, синонимические отношения между компонентами паремий “гибкие”, снисходительность и богатство словоупотребления делает их более образными и выразительными в паремиях, это позволяет проследить коннотативные элементы сознания этноса и ценностное отношение, например, равноценность, усиление эмоции и др. Например, *Бедность крадет, а нужда лжет*; *Хозяин весел – и гости радостны*; *Знать не знаю, ведать не ведаю*; *Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится* и др.

Таким образом, повторяющиеся комбинации компонентов в паремиях не являются окказиональным явлениям, они тесно связаны с восприятием этносом окружающего мира. Если составляющие бином лексемы представляют собой две

связанные опорные точки, то ПЕ связывают их линейными отношениями, образуя в целом ассоциативную сеть с паремиологическими характеристиками, т.е. она не ограничивается словарным уровнем, (но не исключает пересечения с ним) и в большой степени подвержена влиянию экстралингвистических факторов, таких как культура, обычаи, история и т. д. Поэтому значительное внимание, уделяемое паремийным бинамам и их парадигматическим отношениям (тематической общности, сематическому контрасту, синонимической близости) оправдано: оно создает дополнительные условия для изучения ПКМ и выявления пословичных идей, ассоциативных связей и стереотипных представлений.

Бинарные отношения являются важным показателем при изучении паремиологической картины мира. Биномы в ПЕ «выражают ценные для культуры установки и наблюдения, фиксируют связи и зависимости» [Селиверстова 2022: 115]. Изучение содержательной и количественной стороны паремийных бинамов способствует выявлению иерархии в системе материальных и духовных ценностей этноса. Например, в словарях «Пословицы русского народа» и «Большой словарь русских пословиц» компонент *изба* выступает в составе бинамов в 72 ПЕ, среди которых наиболее представительные – бинарные пары «изба – печь», «изба – угол» (по 8 ПЕ), затем «изба – двор» (7 ПЕ), «изба – тепло» (6 ПЕ) и т. д.

1.3. Стереотипные представления в отражении их единицами языка

В ходе лингвокультурологических исследований ученые оперируют такими важными понятиями, как *лингвокультурема*, *лингвокультурный код*, *прецедентный феномен*, *концепт*, *стереотип/ стереотипные представления*, *символ*, *эталон*, *лингвокультурная установка* и т.д. В данной работе мы будем пользоваться преимущественно термином «стереотипное представление».

Слово *стереотип* пришло из греческого языка – *στέρεός* «твёрдый» + *τύπος* «отпечаток». Данная этимология подтверждает то, как в современной науке используется этот термин: это нечто достаточно стабильное, трудноизменяемое, часто некий закрепленный за чем-либо или последовательно ассоциируемый с чем-либо образ. Термин *стереотип* активно используется в гуманитарных науках – в социологии, политике, психологии, этнографии, когнитологии, языкознании и др.

Появился ряд более точных терминов и их интерпретаций, адаптированных к различным научным дисциплинам: социальный стереотип, психологический стереотип, этнический, этнокультурный, культурный, языковой, ментальный и др. виды стереотипов.

Согласно данным двуязычного словаря, русскому слову *стереотип* соответствуют в китайском, во-первых, 刻板印象 (букв. штампованное/шаблонное впечатление) и, во-вторых, 思维定势 (букв. определенный ход мысли, мыслительная тенденция, тенденциозность). Первое из словосочетаний содержит негативную коннотацию. Входящее в него слово 刻板 (букв. штампованное/шаблонное) часто используется при описании характера или поведения человека жесткого, негибкого. С помощью словосочетания 刻板印象 выражается устойчивое отношение к чему-либо или представление (концепция), сложившееся и удерживаемое в сознании после получения впечатления о каком-то предмете или ситуации – не всегда, возможно, точное. Это понятие «штампованное/шаблонное впечатление» часто упоминается при изучении культурных стереотипов в межкультурной коммуникации. При этом отмечается, что эти стереотипы необходимо знать, понимать и – в отдельных случаях – их избегать (Ван Яньлинь 2021, Чжао Ченсин 2017, Чжао Айгуо 2001, Ху Вэньчжун 1999 и др.). Стереотипы могут существенно снизить эффективность межкультурного общения, «спровоцировав недопонимание, завышенные ожидания, неверные интерпретации, неадекватные реакции, конфликты и даже полный отказ от коммуникации» [Сорокина 2013: 120].

По сравнению с первым второй термин – 思维定势 (букв. определенный ход мысли) – относительно нейтрален и широко употребляется в разных научных дисциплинах: в соответствии с накопленным опытом, уроками мыслительной деятельности и сложившимися в ходе многократного употребления законами мышления формируется относительно устойчивая и стереотипная линия, способ, программа и образ мысли [Фэн Чжунлянь 2010: 17]. Таким образом, 思维定势

означает стабильный процесс мышления, неизменный ход мысли, а 刻板印象 – результат мышления, остающееся надолго шаблонное, стереотипное впечатление.

В последние годы изучение стереотипов в лингвокультурологии активно развивается: лингвисты стремятся преодолеть негативное восприятие термина, подчеркивая взаимосвязь языка, нации, культуры и стереотипов, поскольку у каждого народа существуют собственные стереотипные представления – «как относительно самих себя, относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства» [Маслова 2001: 64]. Центральную роль играет стереотип в народном мышлении и общественной жизни: «принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в конкретном обществе» [Семашко 2014: 176].

Стереотип тесно связан с наивной картиной мира нации, является ключевым фрагментом языковой картины мира (ЯКМ), это «многогранное явление», которое состоит из «ментального содержания, из его вербального воплощения, языковой реализации смыслового образа при минимальной затрате когнитивных и поведенческих усилий для достижения определенной коммуникативной цели» [Холомеенко 2021: 1901]. Именно поэтому в современной лингвистике одним из подходов к исследованию ЯКМ является «реконструкция стереотипов восприятия отдельных предметов и явлений ЯКМ, отображающих типизированное представление большинства носителей языка об этих предметах и явлениях» [Перевалова 2014: 27].

В исследовании стереотипа в лингвокультурологии обращается внимание на взаимоотношение языковых и ментальных стереотипов. С точки зрения лингвистики, язык не только служит для хранения знаний и передачи информации, но и выполняет, как уже говорилось, общественные функции, в том числе стереотипную [Алефиренко 2014: 13]. С другой стороны, стереотипы определяются как «устойчивые, повторяющиеся, а не возникающие случайно сообщения, которые закрепляются в коллективной памяти на уровне конкретики,

соответствующей лексемам» [Бартминьский 2009: 13]. Стереотипы находят выражение «в этническом языке, в его лексике, в паремиологическом фонде национального языка и в других продуктах устного народного творчества» [Семашко 2014: 176].

В современной лингвистике выделяют два аспекта понимания языкового стереотипа: с одной стороны, языковые стереотипы – это только устойчивая внешняя форма, которую мы называем «стереотипной языковой единицей» – это, среди прочих, готовые устойчивые языковые формулы (например, в русском языке «будьте добры!», «приятного аппетита!»), а также выражения с фиксированной формой, к каковым относятся «идиомы, паремии, языковые метафоры и устойчивые стилистические фигуры» [Алефиренко 2014: 13].

С другой стороны, языковые стереотипы предусматривают «семантическую стереотипизацию», которая ярко выражена в устойчивых языковых выражениях, например, в паремиях, идиомах, фразеологизмах, крылатых выражениях, языковых штампах и др. [Бартминьский 1997:12]. Она «помогает уменьшить количество семантических значений фраз, лексем, что в значительной мере облегчает коммуниканту выбор точного средства для передачи нужной информации» [там же]. При данном понимании языковой стереотип рассматривается как «суждение или несколько суждений, относящихся к определённом объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [Бартминьский 2005]. Это «обобщенное суждение», которое используется для описания наблюдаемых событий повседневной жизни [Швец 2016: 354].

При изучении ПЕ понятие «семантическая стереотипизация» сближается с термином Е.И. Селиверстовой «пословичный конденсат», под которым имеется в виду «двухкомпонентное/ трехкомпонентное безобразное выражение, отражающее в конденсированном (от *condensatus* – лат. ‘уплотненный, сгущенный’) виде значение пословицы» [Селиверстова 2017: 141]. Например, ПЕ *Бабы города не*

стоят; Бабы города (хоромы) недолго стоят; Бабы сени нигде не стоят; Бабий огород недолголетен и др. объединяет пословичный конденсат «Бабые (созданное женщиной) недолговечно».

Все чаще исследователи обращаются к изучению ментальных стереотипов, заключенному в них содержанию. Сюда относятся «национально маркированные явления», содержащие «культурные коды и ментальные установки коллектива, в сознании которого они зародились» [Холомеевко 2021: 1901]. Ментальный стереотип рассматривается как когнитивная категория, получающая устойчивое речевое воплощение посредством языковых единиц различного категориального статуса [Семененко 2015: 85].

В.В. Красных видит в стереотипе некоторое «представление фрагмента окружающей действительности, фиксированную ментальную “картинку”, являющуюся результатом отражения в сознании личности фрагмента реального мира» [Красных 2015: 177–178]. Термином «устойчивая мыслительная картинка» пользуются и Е.И. Зиновьева и Е.К. Рохлина, связывая ее со стереотипным представлением, отмеченным в национальном языковом сознании; она соответствует «мировосприятию данного фрагмента ЯКМ представителями лингвокультурного сообщества» [Зиновьева 2016: 136].

Таким образом, изучение паремиологических единиц – эффективный способ извлечения и обобщения информации не только о фактических условиях существования предмета или явления реальной действительности, его признаках и параметрах, но и о существующих стереотипах, поскольку, с одной стороны, паремиологическая картина мира – а это своего рода составляющая общей ЯКМ – содержит «стереотипные представления народа о мире и его социокультурный опыт, представляя собой компактное вместилище опыта, своего рода упаковку этого опыта [Бредис 2017: 119]. С другой стороны, с помощью паремий формируются «стереотипные оценки и рекомендации относительно типичных жизненных ситуаций» [Семененко 2011: 11], так как ПЕ не только передают от поколения к поколению, внедряя в сознание, стереотипные представления о

важных для культуры аспектах морали и нравственности, «убеждают нас в практической значимости той или иной ценности» [Семененко 2020: 220].

Итак, выделяя *стереотипное представлений* в поговорке, мы исходим из того, что это типичное представление большинства носителей языка и культуры об окружающем мире, оформленная вербально ментальная единица, включающая сеть ассоциаций и «валентных связей» предмета, явления, ситуации (по В.В. Красных). Этот образ-представление, стоящее за языковой единицей, является национально-культурно-маркированным, относительно стабильным (шаблонным) в сознании говорящих и отражает отношение носителей культуры, их оценки предметов, поступков, явлений, расстановку приоритетов и т.д.

В лингвистике выделяются три основных компонента структуры стереотипа: когнитивный/ рациональный, эмоциональный/ оценочный и конативный (Сорокина 2013, Щекотихина 2008 и др.). Информация в устойчивых выражениях, квалифицируемая как стереотипные представления, различается по содержанию.

Это, во-первых, типичная познавательная информация о предметах окружающего мира, тесно связанных с историей, социально-культурой и географической средой и др. Например, изба является жилым помещением русского народа – *Изба жилком (жильем, жилым местом) пахнет*; функция бани видится в оздоровлении: *Баня парит – здоровье дарит; Вылечился Ваня – помогла ему баня; Баня любую болезнь из тела гонит*. В процессе строительства домов у русских крыша и углы являются основополагающими: *Изба не без крыши; Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится* и др. В сознании же китайского народа *качество дома определяется матицей* (房子看的是椽柱). Согласно китайскому опыту и традициям домостроения, часть открытого пространства необходимо оставлять перед домом, это связано с географической средой, даосской мыслью и фэн-шуй: *宅前无余地子孙稀* (Если перед домом мало просторной ровной земли, детям и внукам будет мало).

Во-вторых, в паремиях воплощаются национальные ценностные ориентиры, экспрессивно-эмоциональные оценки, выражаемые в ПЕ имплицитно и эксплицитно. Следует отметить, что стереотипы могут быть «не только

позитивными и негативными, но и нейтральными» [Гришаева, Цурикова 2006]. Например, *Родная хижина милее каменных палат; Всего дорожке честь сытая, да изба крытая; Хороши хоромы, да нет обороны; Стоит изба безугольна, живут в ней люди безумны; Баня – мать вторая. 金屋银窝不如自己的狗窝 (Своя собачья конура лучше золотого и серебряного гнезда); 心安茅屋稳 (Когда живешь со спокойной совестью, то и в хижине испытываешь ощущения покоя, удовлетворения)* и др.

В-третьих, в ПЕ отражается круг ассоциаций, совокупность которых нередко очерчивает границы концепта. Это проявляется в форме «паремийных биномов» (термин Е.И. Селиверстовой) – устойчивых пар компонентов, отражающих функции, особенности, внешние признаки предмета/ явления; например, *изба – тепло: Курна изба, да печь тепла; тепло в избе, как сам Бог живет; 白屋 – 朱门: 朱门生饿殍, 白屋出公卿 (Дети из домов с красными дверями умрут от голода, а молодые поколения семей, живущих в белых домах, станут высокопоставленными чиновниками); 贫居白屋灾须少, 富住朱门病也多 (Бедные люди живут в белом доме, но у них меньше проблем, а богатые живут в хоромах с красными воротами, но больше страдают от болезней)*. В паремийных биномах «дают о себе знать стереотипы языкового сознания, проявляющиеся в постоянстве сформировавшихся ассоциаций» [Селиверстова 2017: 208].

При сопоставительно-лингвокультурологическом исследовании стереотипных представлений следует, прежде всего, уточнить актуальность исследуемого объекта для обоих народов, так как «в языке закрепляются не все, а лишь активные для человека и его жизнедеятельности явления и предметы, причем то, что актуально для одного народа, может быть неактуально для другого» [Петрова, 2013: 156]. Стереотипные представления об одних и тех же объектах в разных культурах могут быть аналогичными, однако, совпадая в целом, эти «стереотипы могут различаться деталями, имеющими большое значение для успешного общения» [Чеканова 2017: 265].

1.4. Выводы по главе

Изучение научных трудов, связанных с темой диссертационного исследования, позволяет сделать обобщение освещенных в них теоретических проблем следующим образом.

Лингвокультурология как самостоятельная научная дисциплина вполне определилась в своих основных научных подходах и задачах, ориентированных на изучение проявлений в языке культуры определенного этноса и национального сознания.

Являясь базовым понятием лингвокультурологии, языковая картина мира опирается в качестве объективной основы на реальность окружающего мира и является результатом его восприятия. Картина мира делится на научную картину мира и противопоставляемую ей наивную картину мира. Языковой картине мира, даже если считать ее наивной, нельзя отказать в научной важности: она нужна как отражающая объективно наблюдаемые и подтверждаемые носителями языка и культуры явления и факты.

В языковой картине мира активно проявляется иерархическая система ценностей – через эксплицитно или имплицитно выражаемые языковыми единицами смыслы, правила и рекомендации, регулирующие человеческую жизнь в разных ее сферах.

Паремиологическая картина мира является частью языковой картины мира, но весьма специфической, поскольку выражаемые паремиями установки и фиксируемые стереотипные представления, закрепленные временем и опытом, выступают как готовые суждения, квалифицирующие модели поведения человека и типичные ситуации, и также выносящие на суд говорящего сообщества свойства и черты характера носителей лингвокультуры.

Разноаспектное изучение устойчивых единиц привело к разработке достаточно детальных их классификаций в русской и китайской лингвистике, выявлению специфики отдельных разрядов паремий и принципиальных отличий всей системы единиц русского языка на фоне китайского. Паремии представляют собой показательный материал для изучения особенностей языкового сознания

этноса, стереотипных представлений и оценочных предпочтений. Под *паремией* в данной работе понимается законченное высказывание, обладающее рядом особенностей – таких, как краткость, устойчивость, общезвестность, ритмичность, обобщённость, дидактичность, оценочность, общеупотребительность. Слово *паремия* используется нами – в соответствии с подходом некоторых ученых (в частности, В.М. Мокиенко) – как синоним термина *пословица*, термин *китайская паремия* мы считаем родовым по отношению к оборотам *суюй* (в узком понимании), *яньюй* и *сехоуей*; в работе попадают в поле нашего зрения все эти типы устойчивых оборотов.

Изучение паремиологических единиц – эффективный способ извлечения и обобщения информации о накапливаемых стереотипах каждого народа – когнитивных, оценочных, конативных. Основной рабочей единицей в предпринимаемом исследовании является *стереотипное представление*, отражаемое не одной, а, как правило, несколькими паремиями: это устойчивые запечатлевшие предметы, явления и ситуации «мыслительные картинки» (термин Е.И. Зиновьевой и Е.К. Рохлиной), закреплённые в коллективном сознании и имеющие национально-маркированный характер.

Паремийные биномы рассматриваются в пословичном материале как реализующие многочисленные и весьма разнообразные ассоциативные связи, отражающие, с одной стороны, существующие в реальном мире пересечения и связи предметов и явлений, с другой стороны, – сложившиеся в национальной традиции частотные образы и эталоны, символизирующие некоторые обобщенные сущности. Биномы составляют смысловую основу паремий и формируют целую систему, скрепляющую паремиологическое пространство языка.

Обращение к определенному фрагменту паремийной картины мира, рассматриваемому на фоне другого языка, позволяет увидеть проявления национального мировидения, особенности выражаемых в ПЕ идей, формирующихся под влиянием условий бытовой жизни и производственной деятельности этноса, его духовной истории, фольклора и культуры.

Жилище, будучи одним из важнейших приобретений в жизни человека, условием его физического существования, представлено в значительном количестве паремий русского и китайского языков, что создает солидную базу для проведения лингвокультурологического исследования и выявления имеющихся сходств и различий во взглядах на него носителей двух языков и культур.

Теоретические положения данной главы служат базой для осуществляемого во второй главе работы исследования.

ГЛАВА 2. ЖИЛЫЕ И ДВОРОВЫЕ ПОСТРОЙКИ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

2.1. Лексика с семантикой ‘жилые и дворовые постройки’ в русском и китайском языках: лексикографический аспект

Согласно сведениям этимологического словаря, слово *жилище* заимствовано из старославянского: оно образовано от слова *жило* – «дом» (встречается также в диалектах), в свою очередь образованного от глагола *жити* [Крылов 2005: 134]. В толковом словаре лексема *жилище* – ‘помещение, в котором живут’ [ОШ 2006: 466]; это ‘помещение для жилья: дом, квартира’ [СРЯ.1: 485]. В древнерусском языке существительное *дом* впервые упоминается в XI в. как имеющее два основных значения – ‘любое здание для жилья или учреждения’, а также ‘семья или живущие вместе люди’ [Семёнова 2003: 57].

Лексема *дом* представляет собой центральное из общих наименований русского жилища. В современном русском языке слово *дом* сохраняет как свои исторические значения – ‘1. Жилое (или для учреждения) здание. 2. Свое жильё, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство’ [СРЯ.1: 425], – так и иные значения, приобретенные в процессе употребления: ‘3. Место, где живут люди, объединённые общими интересами, условиями существования. 4. Учреждение, заведение, обслуживающее какие-н. общественные нужды. 5. Династия’ [там же].

Общие наименования русского и китайского жилища можно разделить на три группы в зависимости от наличия/ отсутствия оценочных элементов – положительных или отрицательных – в семантике слова и их проявлений в словарных дефинициях.

1. К первой группе можно отнести слова *дом*, *изба* и *хата*, без какой-либо оценки номинирующие традиционное крестьянское жилище, имеющее, однако, некоторые собственные характеристики: *изба* – ‘деревянный крестьянский дом’ [СРЯ.1: 634]. Основным материалом при постройке избы являлось дерево. Этот материал обеспечивает защиту от ветра и сохранение тепла, а также создает в избе некий минимальный интерьер. Для придания дому тепла в нем имелась печь, а

согласно этимологическому словарю, первоначальное значение слово *изба* – ‘отапливаемое помещение’ [Крылов 2005: 156].

В отличие от избы, *хата* характерна для Украины, Белоруссии и юга и бывает не только рубленая, но также плетнёвая, глинобитная и пр.

В китайском языке слова, нейтрально номинирующие жилище, разделяются на односложные и двусложные (из одного или двух слогов) и многосложные (из нескольких слогов). Понятие «жилище» в китайском языке представлено как односложное – оно обозначено иероглифом 房 (fáng), состоящим из двух детерминативов: 户 (屋子 комнаты) и 方 (旁側 вокруг), что первоначально обозначало ‘正室左右的房屋’ (жилые комнаты вокруг основной комнаты) [ССКЯ: 359; перевод наш – В. И.]. В толковом словаре современного китайского языка 房 (fáng) трактуется как ‘用于住人的建筑物’ (‘строение для проживания человека’) [там же]; его синонимы – 屋 (wū), 宅 (zhái) [Ченг Ронг 2010: 435] и различные их двусложные сочетания 房屋 (fáng wū), 屋宅 (wū zhái), 屋舍 (wū shè).

2. Вторую группу в русском языке составляют слова *хоромы, палаты, терем*, выступающие в роли символов жилья богатого, благополучного человека, т.е. характеризующие жилье по шкале качества как добротное, дающие позитивную оценку. Слово *хоромы*, как указывает словарь, является устаревшим и обозначает ‘большой жилой деревянный дом, обычно состоявший из отдельных строений, объединенных сенями и переходами. (Разг.) Богатый большой дом, просторное помещение’ [СРЯ.4: 620]. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой о слове хоромы говорится: ‘В старину на Руси: большой жилой дом богатого владельца (первонач. Вообще жилой дом)’ [ОШ: 867]. В толковом словаре Д.Н. Ушакова *хоромы* – это ‘жилая деревянная постройка. Большой дом, обычно со значительным числом внутренних помещений (устар., теперь ирон., шутл.)’ [ТССРЯ: 739].

Палатами на Руси называли богатые (деревянные или каменные) царские и боярские хоромы, и это слово сохранилось в качестве названий построек в Московском Кремле. Толковые словари трактуют это слово следующим образом:

палата – ‘большое богатое здание, помещение (устар.). Каменные палаты’ [ОШ: 489]. В толковом словаре В.И. Даля указывается и на собственников такого жилища и материал, использованный для его строительства; это ‘дворец, великолепное жилое здание государя, вельможи, особ. каменное’ [ТСЖВЯ.3: 6]. Согласно данным историко-этимологического словаря П.Я. Черных, слово *палата* возводится к ср.-греч. *παλάτιον* от лат. *Palātium* (‘дворец’) и имени собственному *Палатинский холм*, который «со времён Августа стал резиденцией римских императоров» [Черных.1: 616].

По данным этимологического словаря М. Фасмера, слово *терем* считается ранним заимствованием из греч. *τέρεμνον*, *τέραμνον* ‘дом, жилище’, хотя не исключается и родство со славянским – ср. **termъ* и греч. слово **τέραβνον*, а также с латинским *trabs*, *trabēs* ‘брус’ и словами других языков (монг. *terme*, калм. *termə* ‘стена, решетка стены’ [Фасмер.4: 47]. В толковом словаре В.И. Даля *терем* – ‘(тюрьма, Thurm и пр.) поднятое, высокое жилое здание или часть его; отдельный терем, теремок: замок боярский, одинокий домик, в виде башни или на подрубе’; терем, дворец, барский дом, жилище владельца внутри кремля’. Терем связывался с хоромами просторными, теплыми сенями, ‘для прислуги и оберегу’, а нередко и переходами, будучи отнесен далее от хором; ‘мезонин, вышка или чердачок’ [ТСЖВЯ.4: 410]. Таким образом, в русском языке, помимо значения ‘жилище’ слово *терем* получает семантическую детализацию в виде оттенков ‘высокое’, ‘многоэтажное’, ‘одиночное’, ‘часть барского дома, дворца, хором’. Характерное архитектурное отличие терема от других построек в Древней Руси состоит в том, что это ‘дом в виде башни’ [СРЯ.4: 357]. Согласно текстам фольклорных жанров – сказкам, песням и т.д., в нарядном тереме, верхней отдельной надстройке, жили молодые незамужние девицы².

² В русской народной «сказке о Василисе, золотой косе, непокрытой красе, и об Иване Горохе»: *У царя было два сына и красавица дочь. Двадцать лет жила она в светлом тереме; любовались на нее царь с царицею... царица-краса называлась Василиса, золотая коса; никуда она из терема не ходила, вольным воздухом царица не дышала. Ср. также в русской песне: Живет моя отрада в высоком терему, а в терем тот высокий нет хода никому.*

В китайском языке лексика с семантикой ‘жилище богатого человека’ представлена односложными словами – 邸 (dǐ), 楼 (lóu), 殿 (diàn), 宫 (gōng) – и двусложными: 馆邸 (guǎn dǐ), 馆第 (guǎn dì), 宫殿 (gōng diàn). Лексика 邸 (dǐ) – ‘高级官员的住所’ (резиденция высших должностных лиц) [ССКЯ: 269 – зд. и далее перевод данных китайских словарей наш – В. И.]. Слово 楼 (lóu) – ‘指两层或两层以上的房屋’ (дом с двумя и более этажами, многоэтажный дом) [ССКЯ: 759]. Часто употребляется с прилагательным *высокое*: 高楼 (gāo lóu). 殿 (diàn) – ‘高大房屋的通称’ (букв. общепринятое наименование высоких домов) [ССКЯ: 276]. 宫 (gōng) – ‘本义: 古代对房屋、居室的通称, (秦、汉以后才特指帝王之宫)’ (этимологический комментарий: общепринятое наименование для домов и спален в древние времена; после династий Цинь и Хань оно стало относиться конкретно к дворцу императора) [ССКЯ: 483].

3. Составляющие третью группу слова *хижина, хибара, шалаш, лачуга, угол* относятся к жилищу бедняка – убогому, жалкому, в плохом состоянии. В лексикографических источниках качество такого жилого строения акцентируется определениями *бедный, убогий, небольшой, плохой, легкий, скромный, темный* и т.д. (СРЯ 1988, ТСЖВЯ 1995, Ефремова 2000, ОШ 2006 и др.). Такие постройки строятся из жердей, кольев, покрываются ветками, соломой, травой и т. п. Кроме того, сюда можно отнести и лексему *угол* – слово многозначное, но в рамках данной работы нас интересует его значение, связанное с представлением о жилище: перен. ‘дом’. *Угол* – 4. ‘вообще пристанище, место, где можно жить’ [ОШ: 824]. В словаре русского языка *угол* – это 5. ‘жилище, пристанище (обычно в сочетаниях свой угол, собственный угол, иметь угол и т. п.)’ [СРЯ.4: 459]. Однако в паремике компонент *угол* нередко ассоциируется, как мы покажем ниже, именно с жильем низкого качества, едва пригодном для проживания.

В китайском языке лексика с семантикой ‘бедное жилище’ составляет следующие синонимические ряды – 寒舍 (hán shě), 草屋 (cǎo wū), 白屋 (bái wū). Слова 寒舍 (hán shě) – ‘1. убогая хижина. 2. уничижит. мой дом, моя семья’ [БРКС]. Первоначальное значение 寒 (hán) – холодный; в современном языке также:

‘бедный; скромный, незначительный, пустяковый; убогий, бедный, скудный; *уничиж.* мой’ [БРКС]. 草屋 (cǎo wū) – ‘тростниковая хижина’ [БРКС]. 白屋 (bái wū) – белый дом, перен. ‘特指贫穷人家的房子’ (‘дом бедного, нищего человека’) [ССКЯ: 138]. Представление о том, что простые люди живут в строениях без цветовой отделки и украшений, реализовалось во фразеологизме 白屋朱门 (bái wū zhū mén) – белый дом и красные ворота (обр. в знач.: ‘жилище бедняка и хоромы богача: богатые и бедные’) [Синьхуа 2015: 79].

Кроме того, «жилище» животных и в русском, и в китайском языках используется как номинация неблагоустроенного, тесного жилья человека – например, *конура* – ‘1. Будка для собаки. 2. *перен.*; обычно чья или какая. разг. Тесное, темное, грязное помещение, жилье’ [СРЯ.2: 95]. *Берлога* – ‘1. Логово медведя. *перен.* разг. Жилище человека (обычно с оттенком иронии или шутливости). 2. перен. разг. Запущенное, убогое и тесное жилище’ [Ефремова: 89]. *Нора* – ‘1. Жилище животного углубление под землёй с ходом (ходами) наружу. 2. *перен.* Тёмное, неблагоустроенное жилище’ [ОШ: 421]. *Свинарник* – ‘1. Специальное здание для содержания свиней. 2. *разг. неодобр.* О грязном, неопрятном помещении’ [СРЯ.4: 49]. *Гнездо* – ‘1. Место, устраиваемое или приспособляемое птицами для кладки яиц и высиживания птенцов. Место, приспособленное животными или насекомыми для зимовки. *перен.*; с определением. Место жительства, домашний очаг. *перен.*; с определением. Притон, тайное пристанище’ [СРЯ.1: 320]. Ср.: *свить* (себе) *гнездо* – 1) устроить уютное жилище; завести семью. 2) *перен.* утвердиться, укорениться в ком-, чем-л.

Кит. 狗窝 (gǒu wō) букв. ‘конура’ – ‘1. 饲养狗的场所. 2. 简陋破烂的住所. 3. 用来形容脏乱的地方. 4. 把家称为狗窝表达对家的依恋及思念, 也可为温馨的住所’ (1. Место, где разводят собак; 2. Ветхое жилище; 3. Слово используется для описания грязного места; 4. Называя дом конурой, выражают привязанность к дому и тоску по нему; также в значении: теплый дом) [ССКЯ: 654. Перевод – В. И.]. 猪圈 (zhū juàn) – ‘1. 养猪的地方. 2. 形容脏乱的屋子’ (1. Место, где выращивают свиней 2. грязный дом) [ССКЯ: 1760]. Т.е. для носителя

китайской культуры слово 狗窝 (gǒu wō) в 4-м значении может выступать в позитивно-оценочном смысле.

В группу названий частей русского и китайского жилища как строения можно отнести также слова, встретившиеся нам в составе пословиц: *крыша (кровля)* – кит. 房顶 (fáng dǐng), *стена* – кит. 墙 (qiáng), *окно* – кит. 窗 (chuāng), *дверь* – кит. 门 (mén), *порог* – кит. 门槛 (mén kǎn), *крыльцо* – кит. 台阶 (tái jiē), *потолок* – кит. 天花板 (tiān huā bǎn), *матица (матка, матница)* – кит. 房梁 (fáng liáng), *пол* – кит. 地 (dì), *угол* – кит. 角 (jiǎo), *труба* – 烟囱 (yān cōng), *колонна* – кит. 柱子 (zhù zi) – многие из них служат границей между внутренним, домашним, и внешним пространством и рассматриваются исследователями как принадлежность жилища [Байбурин 1983; Герасименко 2014, Копыльских 2016].

Для слова *крыша* (кит. 房顶) в русском и китайском языках имеется общее значение – ‘верхняя, покрывающая часть строения’ [Кузнецов 1998: 476, ССКЯ: 378], предназначенная для защиты строения от атмосферных осадков (ср. также *кровля*). В русском языке *крыша* служит также обозначением дома, жилища, крова. Ср.: (жить) *под одной крышей* с кем-н. (*перен.*: ‘в одном доме с кем-н.’).

В китайском языке идиома для описания жизни обитателей одного дома звучит так: 住在同一屋檐下 (букв. жить под одним карнизом).

В жилой застройке важная роль у китайцев отводится колоннам (柱子 zhù zi). При строительстве дома колонны служат опорой, что подтверждается многочисленными устойчивыми единицами. В древнем Китае колонны выступали и как носитель философского смысла, служили символами: «Установи в доме полые колонны, проводящие “ци” между Землей (полом) и Небом (потолком), и будешь жить в гармонии»; с «ци» в китайской культуре связано представление о жизненной силе, составляющей часть любого живого существа [Будко 2000: 249].

В группе наименований помещений дома можно выделить две подгруппы: названия жилых и нежилых помещений. К первым относятся *горница* и *светлица (светёлка)*. *Горница* – ‘устар. Чистая половина крестьянской избы’ [СРЯ.1: 335], ее жилая часть. Это место сбора семьи за общим столом, место приема гостей и

шумных празднеств; ср.: *Пошла изба по горнице, сени по полатам* ('о гульбе, содоме'). *Светлица* – 'Светлая парадная комната (обычно в верхней части дома)' [Ефремова 2000: 627]. Обычно в светлице женщина занималась рукоделием³.

Наименования нежилых помещений в русском языке включают следующие слова: *сени* – 'Помещение между жилой частью дома и крыльцом в деревенских избах и старинных городских домах' [СРЯ.4: 77]; *чулан* – 'подсобное помещение в жилом доме, обычно служащее кладовой' [СРЯ.4: 693]; *клеть* – 'особое помещение при избе или отдельная нежилая постройка для хранения имущества, кладовая' [СРЯ.2: 57].

В китайском жилище внутреннее пространство разделено на несколько частей. Передняя часть дома – тан (堂 táng) – располагается с севера на юг, не используется как спальня, обычно является местом для встречи гостей, церемоний и ритуалов, в ней устраивают алтарь для поклонения предкам. Задняя часть – ши (室 shì) – это комната, где спит хозяин дома, его личная спальня. Фразеологизм 登堂入室 (подняться в тан, потом войти в ши) означает «проникновение в святилище, постижение сокровенных тайн [учения], достижение вершин (знания, мастерства)». Расположение этих помещений выглядит так: 堂 (táng) впереди, а 室 (shì) позади, а 室 (shì) – более уединенное помещение.

К обязательным элементам традиционного русского жилища крестьянина относилась *печь*. *Печь* – это центральное понятие в сфере материальной и духовной культуры восточных славян, технологическое устройство, которое обеспечивало «слияние природы и культуры» [Леви-Стросс 1969: 229]. Над печью часто устраивались *полати* – 'Настил из досок для спанья, устраиваемый в избе под потолком между печью и противоположной ей стеной' [СРЯ.3: 255]. Ср. шутливую поговорку *уехать с печи на полати [на хлебной лопате]* – 'Прикам.

³ Компонент *светлица* входит в состав многих загадок – другого фольклорного жанра, например: «Не в темницу, а в светлицу/ Запирал мороз девицу./ До весны девице/ Не открыть светлицы» и др.

Ирон. Отменить поездку в силу каких-л. обстоятельств, никуда не уехать' [БСРП], а также выражение *с печи на полати на кривой лопате* – 'сомнение в возможности осуществления какой-л. поездки, визита'.

Из обязательных предметов мебели в крестьянской избе обычно имелись *лавки* (ср.: *лавка* – 'в старом русском жилище и крестьянской избе: широкая доска для сидения и лежания, укрепленная неподвижно вдоль стены' [СРЯ.2: 158-159]) и *стол*, имевший для человека особое значение: это не только предмет мебели, но и 'еда, пища, трапеза'. Они, безусловно, отражаются в поговорках, но, являясь частью внутреннего убранства дома, нами не рассматриваются.

Лексика, связанная с внутренним устройством китайского дома, включает такие слова, как *зао 灶* (zào) и *кан 炕* (kàng). В деревенском быту важными признавались приготовление пищи и обогрев, получившие название 灶 (zào). Слово *зао 灶* (zào) состоит из следующих ключей – китайского иероглифа 火 (огонь) и 土 (земля), т. е. сделано из земли и используется для разведения огня. Китайский фразеологизм 另起炉灶 (букв. сложить другой очаг/печь) – имеет значение 'начать все заново, начать с нуля, изыскать иной путь' [Синьхуа 2015: 636], т.е. 灶 (zào), таким образом, символизирует источник (начало) всех жизненно важных дел.

Кан 炕 (kàng) – обогреваемая лежанка в северокитайском доме, она расположена под окнами южной стены и занимает большую часть площади помещения. «Обычно она застилается циновками, сплетенными из тростника. На 炕 (kàng) члены семьи не только спят, но и едят, работают, отдыхают и принимают гостей» [Лу Вэйцзе, Соловьев 2010: 21].

Двор – неотъемлемая часть русского крестьянского жилища. Это '1. участок земли при доме, огороженный забором или стенами зданий. 2. крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками; отдельное крестьянское хозяйство. 3. помещение, постройка для скота, хозяйственного инвентаря и т.п.' [СРЯ.1: 370]. В одном значении *двор* обозначает нечто, относящееся к дому, но, поскольку это нежилая часть, он выступает как символ внешнего мира, а потому «может быть

опасным для домочадцев» [Славянские древности 2: 31]. «Восприятие двора как “не своего”, чужого пространства связано с представлением о том, что вне стен дома, в том числе и во дворе, человеку угрожают опасные духи-демоны, души умерших, проходящие мимо люди с «дурным» глазом и т. д.» [там же: 32].

Если для дома границами служат стены, то для двора – *забор*. Традиционно это ‘стена, обычно деревянная, отделяющая или ограждающая что-л.; ограда’. [СРЯ.2: 495]. Он защищает «(реально и символически) дом и двор от внешних опасностей, от вторжения злых сил» [Славянские древности 2: 232].

Иероглиф 院 (yuàn) состоит из ключей китайского иероглифа 阝 и 完. 阝 связан с ‘землей и архитектурой’, 完 означает ‘полностью’, их сочетание 院 (yuàn) указывает на то, что забор окружает дом полностью. В современном китайском языке 院 (yuàn) – ‘открытое пространство, окруженное стенами или забором перед домом и позади него’ [ССКЯ: 1656]. Один из типов традиционной китайской застройки называется 四合院 (sì hé yuàn), что дословно означает «четыре и общий двор», т.е. четыре здания фасадами внутрь представляют стороны прямоугольного двора [ССКЯ: 1242]. Имеется и другое наименование ограждения – 篱笆 (lí bā) – ‘заграждение из бамбука, тростника, камня или веток. Обычно окружает дома, выполняет защитную функцию’ [ССКЯ: 826].

Дворовое пространство делится на несколько пространств, занимаемых основными надворными постройками, выполняющими особые функции.

Так, в русском языке *овин* – это ‘строение для сушки снопов перед молотьюбой’ [СРЯ.2: 583], а *амбар* – строение для хранения зернового хлеба, муки, а иногда и других товаров [ТСЖВЯ.1: 44]. Аналогично представлена его функция и в другом словаре: ‘Холодное строение для хранения зерна, муки и т. п., а также вещей, товаров’ [СРЯ.1: 34].

Такое неотапливаемое дворовое строение для хранения чего-л. в китайском языке называется 仓 (cāng), первоначальное значение слова 仓 (cāng) – зернохранилище, которое расширительно понимается как здание, в котором хранятся любые вещи [ССКЯ: 205].

Хлев – ‘1. Помещение для скота (коров, телят, овец), а также для крупной домашней птицы. 2. *перен.* О грязном помещении, грязи в доме (разг. неодобр.) ’ [ОШ: 863].

Баня занимает значительное место в русской культуре, это, с одной стороны, – ‘специальное помещение, где моются и парятся’, а с другой, – ‘сам процесс мытья в таком помещении’ [СРЯ.1: 60]. Традиционно баня рубится из дерева; в народных верованиях это ‘нечистое место, где обитали демонические существа; локус, где совершались некоторые семейные обряды и гадания’ [Славянские древности 1: 138].

В китайских поговорках не встречается слово, обозначающее ‘помещение для мытья в собственном доме’ – поэтому его нет и в составе поговорок. В китайском языке понятие ‘помещение для мытья’ номинируется как 澡堂 – общественная баня.

Таким образом, в понятие жилого, т.е. активно обживаемого и используемого человеком, пространства входит не только сам дом – основное жилое строение, специально для этого предназначенное, но также и отдельные детали здания, и иные строения, и дворовая территория с соответствующими постройками.

2.2. Лингвокультурный потенциал русских поговорок о жилых и дворовых постройках на фоне китайской поговорки

Жилые и дворовые постройки не только называют места пребывания человека, в которых он присутствует постоянно или часто в своей повседневной жизни. Они рассматриваются и оцениваются носителями языка и культуры с разных позиций и далеко не однозначно. Обращение к лингвокультурологическому потенциалу поговорок, говорящих о жилище, позволяет увидеть спектр ассоциаций и представлений, связываемых с ним носителями языка и культуры, а сопоставление аналогичной информации двух языков раскрывает смысловое своеобразие поговорок и особенности ценностного восприятия жилища русскими и китайцами. При этом отражаемые в ПЕ смыслы позволяют говорить о разных направлениях мысли носителей языка и культуры, связываемых с жилищем и отражающих его восприятие. Основные два разряда представлений выделяются на

том основании, что в одних содержатся сведения о жилище как строении, возводимом по определенным правилам и дающем некоторую информацию о его хозяевах, а в других ПЕ представления о жилище указывают на его роль и функции в семейных и общественных отношениях, о правилах его содержания и отношении к нему.

2.2.1. Стереотипные представления о жилище в русских и китайских паремиях

В понятии дома происходит «слияние материального, социального, личностного начала» [Зайцева 2015: 1], что становится очевидным при анализе паремий, содержащих разноаспектные характеристики жилища выражающих различные наблюдения и стереотипные представления носителей языка и культуры и лингвокультурные установки, прескрипции и оценки.

2.2.1.1. Паремии как свидетельство традиций и правил возведения дома

Значительная часть русских паремий отражает представления о жилище как строении. В паремиях как единицах народного происхождения речь идет преимущественно о типичном крестьянском доме; это в основном ПЕ, содержащие компоненты *дом, изба, хата* и некоторые другие *房, 屋, 宅*. Приведем последовательно основные представления и лингвокультурные установки, связанные с традициями, условиями и особенностями возведения жилища, материалом, инструментом и проч.

1. В ПЕ, затрагивающих тему строительства жилища, говорится о ***дереве как основном материале при постройке избы***. Именно этим объясняется преимущественное использование глагола *рубить*, если речь идет именно о процессе строительства; *рубить* – ‘строить что-л. из дерева, бревен’ [СРЯ.3: 735]: *Не для лета изба рубится, для зимы; Не бравшись за топор, избы не срубишь*. Здесь упоминается и один из главных ***инструментов***, используемых при строительстве деревянного дома, – *топор*.

В китайских ПЕ, связанных со строительством дома, показана важность материала для возведения, но упоминается не только дерево (鲁班无木难造屋 –

Мастер Лу Бань⁴ испытывает затруднения со строительством дома без дерева), но и кирпич: 一块砖垒不成墙, 一根椽子盖不成房 – Из одного кирпича не сделать стены, из одного деревянного столба не построить дом; 一根木头做不成梁, 一块砖头砌不成墙 (Из куса дерева не сделать балку, а из одного кирпича не сделать стену) и др.

2. Традиционное **русское жилище** было **четырёхугольным⁵** – именно такая структура являлась «маркером правильно организованного, “своего”, христианского пространства и считалась присущей мирозданию вообще [Славянские древности. 2: 342]. ПЕ прямо указывают на то, что четыре угла являются основой строения жилища, без них дома не бывает: *Четыре угла дома на построение; Без углов дом не строится; Плотник без топора, что изба без угла; Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится.* Важность соблюдения проверенного временем метода (*Без четырех углов изба не рубится*) распространяется в переносном смысле и на поведение человека – с одной стороны, речь идет о необходимости соблюдения правил для гарантированного получения результата деятельности, а с другой – выражение иногда используют при винопитии и шутливом обыгрывании неоднократно поднимаемых тостов.

3. **Добротный дом должен возводиться умелым мастером**, в то время как для хлева – служебного помещения – особое мастерство не требуется: *Хлев рубить – бери дурака, а избу рубить – бери рубака (рубак – хороший плотник; от глагола рубить).* В русских ПЕ часто подчеркивается важность мастерства, и это касается разных трудовых процессов; ср.: *Без мастерства воевать – победы не видать; Мастерства за плечами не носят, а с ним добро; Мастер золотые руки в ученье делают.*

4. Помимо технической стороны процесса строительства, в русских паремиях отразились и иные представления – в частности, о **строительстве дома как весьма трудоемком занятии, требующем серьезных усилий: И малый дом большим**

⁴ Лу Бань – великий китайский ремесленник-инженер эпохи Чуньцю (около 770 года до н.э.).

⁵ Хотя существует и тип строения, называемого «пятистенком». *Пятистенок* – ‘Большая изба, разделенная на две части капитальной стеной’ [СРЯ.3: 573].

трудом ставится; И малый дом большим трудом ставится; Себя покоить – дома не построить. В выражении этой идеи обращает на себя внимание русская ПЕ с типичной структурой – *Дом построить – не шапку на голову надеть*, в которой трудность совершаемого дела сопоставляется с иным, примитивным, доступным каждому; ср. ПЕ *Жизнь прожить – не поле перейти; Жизнь прожить – не мутовку облизать* и др.

5. Отмечены в ПЕ и **финансовые затраты, связанные со строительством дома**, – иногда **непомерные**: *Дом поставит – все продать*. Не исключено, что именно об этом говорит поговорка *Долговато на дому, закладывать* ('отдавать в заклад') *придётся жене*, в шуточной форме допускающая возможность попасть в долговую яму (*долговато* – происходит от слова *долг, долги*) из-за больших трат на строительство дома.

С русскими солидарны и китайцы, считающие строительство дома трудной задачей, требующей времени и терпения: *筑墙盖房, 提起害怕* (букв. *Возводить стены и строить дом – страшное дело*) и др.

6. С одной стороны, в русских ПЕ лучшим подарком другу признается дом, жилище (*Чем врагу яму рыть – построй дом другу*), с другой же – **разумным является решение** не заниматься трудоемким делом строительства самому, а **купить** уже построенный, **готовый дом**: *Дурак дом построил, а умница купил*.

Негативное отношение к процессу строительства, связанному с большими трудностями, проявляется и в своеобразной по значению китайской ПЕ *与人不睦, 劝人盖屋* (*Если ты в недобрых отношениях с другим, уговори его построить дом*), где решение строить дом рассматривается как проявление неосмотрительности, недооценки трудностей.

7. **Строительство дома, избы требует продолжительного каждодневного труда, а не пустых разговоров**, о чем свидетельствуют поговорки, акцентирующие недостижимость желаемого результата, если все действия сводятся к бурному, шумному обсуждению (обещаниям и планам) – при отсутствии конкретных действий. Этот мотив особенно часто встречается в русских ПЕ: *С голосу изба не встанет; Горлом изба не рубится; Криком изба не рубится, шумом*

дело не спорится. Ср. ПЕ о бесполезности попыток решить любое дело разговорами: *Криком дело не спорится*. В целом для носителей русского языка и культуры весьма характерно негативное отношение к словам, замещающим реальные дела. Ср.: *Будь скор не на обещания, а на исполнение; Лучше сделать, не обещав, чем обещав – не сделать; На словах как на гусях, а на деле как на балалайке; На словах Волгу переплывет, а на деле ни через лужу; На словах города строит, а на деле ничего не стоит* и др.

Ср. китайскую эквивалентную ПЕ 嘴上盖不起房子 (*Ртом дом не построишь*). В целом для русской и китайской ментальности характерно противопоставление праздных разговоров реальным действиям, требуемым для получения результата; ср.: *Горлом (Глоткой) не много навоюешь; 光说不做假把式 (Ничего не получится, если только болтать и не делать)*.

8. В паремиях отмечается и **важность места, на котором следует** (или, наоборот, не следует) **строить жилище**: *На пойме изба не ставится* (пойма – ‘низкое место, заливаемое во время половодья’ [ОШ 2006: 548]); *Под капель избы не ставят* – дому вредна лишняя влага, поэтому, по традиции и поверью, избу не ставят там, где на нее может постоянно капать. ***Хорош дом, стоящий на высоком и, следовательно, сухом месте*** – таким удачным домом не зазорно хвалиться: *Избой на горе похвалишься, в море ладьей не маешься*.

9. **Желательным является расположение дома недалеко от проложенной дороги** – для удобства подъезда и подвоза: *Дороги к избе не приставишь*.

Согласно традициям китайской архитектуры дом не должен быть обращенным на север (做屋不朝北) – нужно обязательно ориентировать дом на юг для лучшего освещения и тепла зимой, такой дом дороже денег: *宁丢家财万贯, 不舍房屋面南* – букв. *Лучше потеряю десять тысяч связок монет* (гипербола – ‘об огромном богатстве’), *чем брошу свой дом, обращенный на юг*.

10. **Сосед** в системе ценностных координат в русской культуре занимает весьма значительное место – **это важный фактор, который необходимо**

учитывать при выборе местоположения дома. Сосед чуть ли не важнее самого жилища – *Не купи избу, купи соседа; Не дом покупай, а соседа.*

Близкий взгляд на живущих рядом высказывают и китайские ПЕ: 选房不如选邻 (*Лучше выбрать соседа, чем выбрать дом*); 非宅是卜, 唯邻是卜 (*Не дом угадай, а угадай соседа*).

С другой стороны, кому, как не соседу, хорошо видно качество чужого жилища – некоторые проблемы (неполадки) заметны именно со стороны: *Про свой дом иди спрашивать к соседу.*

11. Противоречивость паремии проявляется в том, что пословица способна выражать и смысл, прямо противоположный тому, что содержится в иных изречениях. Так, ПЕ *Моя изба/ хатка с краю, ничего не знаю* указывает на то, что отдельный **дом – это способ избежать конфликтов**. Речь в ПЕ не столько о местоположении дома «с краю» (деревни, села) – в некотором отношении весьма удачном, но её также следует рассматривать как комментарий к безразличному отношению человека к общественным интересам, к чужим проблемам, нежеланию оказать кому-либо помощь. С другой стороны, этому представлению противоречит см. также ПЕ *моя хата с краю – первым врага встречаю*.

12. Дом строился с перспективой жить в нем круглый год, поэтому **способность жилища хранить тепло – одна из важных его характеристик**: *Маленький домик – тёплый уголок, средненький умок – век проживёшь*. Не случайно весьма значительное количество паремий касается места и функций печи в крестьянском доме. В русской ПЕ теплая изба сравнивается с местом, угодным Богу: *Тепло в избе, как сам Бог живет; Чтоб варево уварилось, изба теплом поскопилась* – ‘В избе стало теплее (ср. глагол *скопить*) от приготовления пищи на печи’. Тепло в доме способно влиять на атмосферу в семье и настроение хозяев: *Избушка тепленька, а хозяйюшка добренька*.

С теплом ассоциируется дом и в китайских ПЕ: 房大房小, 暖和就好 (*Не так важен размер дома, достаточно, чтобы было тепло*); 只要房子暖, 不怕屋子小 (*Хотя жилище маленькое, тепла в доме достаточно*).

13. В русских ПЕ подчеркивается, что *размер жилища не так важен; жить можно и в тесном доме – И тесен дом, да просторен он; В тесноте люди живут, а на просторе волка гоняют.*

В представлении китайцев, с одной стороны, просторное жилище ценится – это престижно и улучшает репутацию человека: *住房讲宽敞, 吃饭讲排场 (Дом должен быть просторным, еда должна быть роскошной); 房子宽敞出贵人 (В просторном доме будет знатный человек).*

С другой стороны, *в сравнении с материальной обеспеченностью, выражающейся в наличии хорошего дома, психологическое состояние человека представляется более важным: 房子宽, 路子宽, 不如心胸宽; 吃得好, 穿得好, 不如心境好 (Широкий дом и широкая дорога не так хороши, как широкое сердце; хорошая еда и достойная одежда не так важны, как хорошее настроение).*

Значительное количество ПЕ, содержащих компоненты-названия отдельных составляющих дома (*крыша, окно, дверь, крыльцо* и др.) свидетельствует об их важности и вовлечении в процесс передачи наблюдений и обобщений, сделанных говорящими.

2.2.1.2. Стереотипные представления о роли и функциях отдельных элементов жилого строения

Элементы жилища как строения выполняют конструктивные функции и обозначают границы дома. С этой точки зрения А.К. Байбурин выделяет отдельные типы границ дома: первые определяют внешний статус жилища (*крыша/кровля, стена, фундамент, угол, карниз*); вторые относятся к внутреннему строению дома (*матица, пол, потолок, колонна*); третьи определяют границы, связывающие внутреннее пространство дома с внешним миром (*дверь, окно, порог, крыльцо, труба*) [Байбурин 1983: 133].

Практически все элементы строения названы в поговорках и участвуют в отражении определенных представлений. Важность частей жилища подчеркивается, например, в ПЕ *Изба не без крыши; Дома и стены помогают; Без окна хранина – тюрьма; Без углов дом не строится* и др. Об этом говорят и

китайские паремии: 无梁不成屋 (*Без матицы дом не строится*); 一根柱子动, 根根房梁摇 (*Одна колонна движется, каждая матица трясётся*) – в переносном смысле ‘о влиянии одной ключевой детали на целое’; 房有基, 船有舵 (*У дома есть фундамент, а у корабля есть руль*) и т.д. В данной части работы мы остановимся на том, в передаче каких пословичных идей и отражении каких стереотипных представлений участвуют в составе ПЕ подобные компоненты, номинирующие обязательные и важные части, многие из которых имеют не только строительно-функциональное значение. Им приписывается в системе народных представлений «экстраконструктивное содержание» [Байбурин 1983: 133-134].

КРЫША/ КРОВЛЯ

Наличие определенных элементов строения и их качество определяют и оценку жилища в целом. Верхней границей русского и китайского жилища является крыша/ кровля, и в первую очередь в русских и китайских ПЕ вербализуется представление о **(1) важности крыши как обязательной части жилого строения**: *Изба не без крыши; Всякая избушка своей кровлей (крышей) крыта; Хоть худ дом, да крыша крепка*. Крыша упоминается и в китайских ПЕ: 搭房子铺屋顶 (*Построить дом и построить крышу*) и др. Добротность крыши – один из критериев при оценке жилища и гарант семейного благополучия: *Купи шубу шитую, а избу крытую. Крыша – от глагола крыть* (‘Делать над чем-л покрытие, крышу’ [СРЯ.2: 141]). Свидетельством высокой оценки, данной крыше, является расположение ее в одном ряду с таким компонентом, как *честь* (*Всего дороже честь сытая, да изба крытая*), являющимся приоритетом в системе ценностных ориентиров членов социума. В сущности, паремия указывает на важность двух вещей – наличия еды, т.е. сытости, и жилища.

Крыша осмысливается как граница между верхом (небом) и низом (миром человека, крестьянина), широко упоминается в ПЕ **(2) основная функция крыши – защиты дома от непогоды и укрытия от ветра и дождя и сохранения тепла**: *Крив* [от *крыть*, ‘крыша, покрытие’] *да ухитка – шуба избе* (*ухитка – от ухичивать, ‘услонить, уготовить к зиме; уконопатить мохом, обвалить кругом навозом, землей,*

защитить от стужи' [Д.4: 539]); *Ветер взбесится, и с бобыльей избы крышу сорвёт* – т.е. приведет избу в непригодное состояние.

Поэтому важной представляется и идея (3) **о необходимости своевременного ремонта крыши**: *Пока дождь не пошел – любая крыша хороша; В дождь крыши не кроют, а в ведро и сама не каплет.*

В ПЕ негативно оценивается ленивый хозяин, у которого крыша дома протекает: *Не то беда, что крыша худа, а то горе, что починить лень; У ленивого и крыша течёт, и печь не печёт.*

Китайские ПЕ также содержат рекомендацию регулярно заботиться о состоянии крыши для обеспечения ее защитной функции: 晴天修屋顶, 下雨不补漏 (Ремонтируй крышу в солнечные дни, а не устраняй протечки во время дождя) и др.

Крыша должна быть надежной, стойкой (4), поскольку соломенная крыша легко возгорается и поэтому не гарантирует долгой службы. Ср. рус. ПЕ *Норовистый муж, что соломенная крыша, одна искра – и порушен дом.*

В русских и китайских ПЕ отразился еще один критерий оценки качества крыши – *На хорошей крыше трава не растёт*, т.е. (5) **крыша должна находиться в надлежащем состоянии**, ее не латают любым подручным материалом (соломой, землей и проч.). Ср. китайское изречение 屋顶瓦松一命亡, 老少搬家不用想 (Когда на крыше растет трава, и пожилым и детям нужно быстро переселиться) и др.

Крыша в русском языке также **символизирует дом в целом и близость домочадцев (6)** – ср. фразеологизм *жить под одной крышей*. Интересно, что в паремиях эта метафора приобретает разные смыслы: с одной стороны, под одной крышей раньше могла жить одна большая семья, включая и семьи взрослых детей – и в этом была ее сила: *Семья сильна, когда над ней крыша одна*. С другой стороны, у каждой семьи своя крыша над головой, свой мир и образ жизни, свои особенности и проблемы: *Под каждой крышей – свои мыши*; ср.: *В каждой избушке свои погремушки*.

Большинство жилых строений китайского крестьянина – это одноэтажные дома с низким карнизом. Компонент *карниз* участвует в образовании идиомы *под одним карнизом* (жить), аналогичной русскому выражению и используемому для указания на людей, живущих вместе, в одном доме. Интересно, что в китайской лингвокультуре фраза *под карнизом* относится также к теме «сферы влияния и авторитеты» – она входит в состав достаточно употребительной ПЕ 人在屋檐下不得不低头 (*Человек не может не склонить голову [проходя] под карнизом*), что метафорически обозначает подчинение вышестоящим; речь идет о непреодолимых обстоятельствах, вынуждающих покориться.

ТРУБА

Здесь, вероятно, есть смысл упомянуть и трубу, занимающую промежуточное положение: часть ее располагается внутри дома, а вторая часть выводится наружу; это ‘пустой столб над печью для выхода дыма’ – связующее звено между внутренним пространством жилища и внешним миром. К трубе практически нет требований по качеству – акцент делается в ПЕ на **(1) функции выводить дым наружу**: *И из кривой трубы дым прямо идет*; кит. 烟囱歪斜不怕, 只要烟出得去 (*Не бойся кривых труб, пока дым идет*); 灶门口点火, 烟囱口冒烟 (*Огонь в печи, дым из трубы*) – подчеркивается причинно-следственная связь между огнем и дымом (ср. рус. *Нет дыма без огня*).

Труба важна (2), поскольку без нее невозможно топить печь и, следовательно, готовить еду и согревать жилище. В ПЕ *Жена – что на хату труба, муж – что на церкви глава* сопоставляются верхние детали строений и подчеркивается их важность для каждого из них.

Отражается в пословице и такая особенность домово́й трубы, как ее **чернота от сажи внутри (3)**: *Кому-нибудь у печи топить, а иному и трубы чистить*. Шутливо-ироничная ПЕ *Брось грязное дело – пойдём трубы чистить* предлагает сменить одно не слишком приятное занятие, при котором, вероятно, пачкаются руки и одежда на другое, которое ничуть не лучше первого, поскольку говорящим о труде трубочиста хорошо известно.

В китайской паремике (4) *грязь в трубе символизирует несчастье*: 自钻烟囱自染身 (*Забраться в трубу и стать черным*), т.е. человек сам виноват в своих несчастьях; 每家烟囱没有黑 (*В каждой семье не может не быть черной трубы*), т.е. в каждой семье свои проблемы или несчастье.

СТЕНЫ

Вертикальными границами жилища являются стены. Можно заметить, что во многих русских и китайских ПЕ подчеркивается в отношении стен (1) *функция барьера, ограждения, защиты*; ср.: жить, быть, чувствовать себя как за <каменной> стеной – ‘в полной безопасности, под покровительством, под надёжной защитой’. *Находиться позади стены* – значит ‘быть защищенным от опасностей внешнего мира’. Стены позволяют скрываться от посторонних глаз; ср.: *За стеной не видеть*.

Стена как преграда, прочный заслон представлена и в китайских ПЕ: 墙高万丈, 挡的是不来之客 (*Стена настолько высока, что не пропускает незваных гостей*); 多个朋友多条路, 多个冤家多道墙 (*Несколько друзей – несколько путей, несколько врагов – несколько стен*). Выражение указывает на ряд зависимостей: ‘чем больше друзей, тем больше выбор; чем больше выбор возможностей; чем больше врагов, тем больше бед и хлопот’; 邻居高打墙 (*Строишь высокие стены между соседями*) – говорится о необходимости построить высокие стены, чтобы отделиться от соседей, нужно соблюдать определенную дистанцию, чтобы максимально избежать конфликтов и др.

Русские ПЕ отражают представление говорящих (2) *о твердости и прочности стен*. В ПЕ *Пьян-пьян, а в стену лбом не ударит* показана ситуация, подводящая к выводу о бесполезности «противостояния» крепкой стены и человеческого лба. Образная реализация идеи в пословице *Лбом стены не пробьешь* указывает на непосильность решаемой (поставленной) задачи.

В ПЕ *В родном доме (Дома) и стены помогают; Дома и четыре стены лечат* указывается не столько на основополагающее значение стен для жилища и их защитную функцию, сколько на отношение человека к собственному дому, в котором уже одно то, что это (3) *свой, привычный дом, позволяет человеку*

чувствовать себя увереннее. Выражение *родные стены* уже подразумевает выигрышную позицию говорящего, питающий его источник, опору.

Однако в паремиях обоих языков содержится и предупреждение о том, что **(4) стены не могут гарантировать сохранности секретов и** сокрытия от других людей домашних **проблем**: *И у стен есть (бывают) уши; В стене лишние сучки (глаза, уши, соглядатаи) есть.* Китайские выражения достаточно разнообразны: 隔墙须有耳, 壁外岂无人 (*У стены есть уши, за стеной обязательно кто-то есть*); 天下没有不透风的墙 (*Нет ветронепроницаемых стен в мире*); 墙有缝, 壁有耳 (*В стене есть щели и уши*); 墙打百板也透风 (*Сотни досок, прибитых к стене, все равно будут пропускать воздух*) – сочетание гиперболы (*сотни досок*) и метафоры (*пропускать воздух*) делают изречение очень выразительным.

Как говорится в китайских ПЕ, стена представляет собой **(5) результат труда**, осуществить который можно только путем применения коллективной силы: 大石头离开小石头砌不成墙 (*Из больших камней не построить стену, не прибегая к маленьким камням*).

В паремиях зафиксированы и **(6) отдельные правила, которых придерживались при возведении стен**: 土多好打墙 (*Чем больше почвы, тем легче возведение стен*); 一块青砖难砌墙 (*Из одного кирпича сложно построить стену*) и др. Невнимательность к мелочам может привести к большим бедствиям 虫子多了树空, 窟窿多了墙坏 (*Насекомых больше – деревья будут полыми, дыр больше – стены ломаются*); 拔了一颗钉子, 倒了一堵墙 (*Вытащил один гвоздь и сбил целую стену*).

ФУНДАМЕНТ/ ОСНОВА

Многочисленные китайские ПЕ подчеркивают отдельные параметры: **(1) глубина и ширина фундамента жилища важны для возведения стен** – 多深的地基, 多高的墙 (*Насколько глубок фундамент, настолько высока стена*) – перен. ‘Хороший фундамент создает основу для дальнейшего развития’. 宽打地脚窄垒墙 (*Копать фундамент следует широко, а строить стену узко*); 软处好起土,

硬处好打墙 (Мягкие места [почвы] лучше подходят для копки фундамента, твердые – для возведения стен).

Основополагающая роль фундамента при возведении здания отразилась и в следующих китайских ПЕ: 房有基, 船有舵 (У дома есть фундамент, а у корабля есть руль); 不怕楼房高, 只要根基牢 (Не нужно беспокоиться о высоте здания, лишь бы фундамент прочный). Указывая на **(2) неразрывную связь между надежностью фундамента и качеством жилища**, поговорки служат в переносном смысле и подтверждением необходимости закладывать прочную основу в начале дела, мероприятия, чтобы идти дальше с гарантированным успехом.

МАТИЦА

Ещё одна важная часть строения – это матица. Слово произведено от слова *мать* и выступает в значении ‘Балка, поддерживающая потолок (в деревянных постройках)’ [СРЯ.2: 237], её главные функции – несущая и опорная. Ср.: *Мужик в семье, что матица в избе*. Русские ассоциируют с матицей главу семьи, имеющего абсолютное право на принятие решений в доме, в семье: *Через матицу не плюнешь*, т. е. без согласия главы семьи ничего не сделаешь⁶.

(1) Решающая роль матицы при строении жилища акцентируется и в многочисленных китайских ПЕ: 无梁不成屋 (Без матицы не построить дом); 立屋要好梁柱 (Строительство дома требует хорошей матицы); 做屋要靠梁 (О качестве дома можно судить по матице); 买屋要看梁, 娶妻要看娘 (Покупка дома зависит от [состояния] матицы, женитьба зависит от матери) и др.

Метафорическое восприятие матицы отразилось в следующих иронических китайских поговорках: 朽木当不了梁 (Гнилое дерево не может быть матицей); 杉木尾子做不了正梁 (Хвосты [концы веток] кедра невозможно использовать в качестве матицы). **(2) Строгий подход к вопросу о пригодности материала для матицы** ассоциируется с критериями оценки способности или неспособности человека взять на себя большую ответственность, стать лидером. Ср. ПЕ с

⁶ Матица встречается и в русских загадках: *Все кишки в одном горшке, одна кишка поперек горшка* (матица); *Сто молодых на одном изголовье спят* (накат на матице) и др.

компонентом *колонна 腐木不可以为柱，卑人不可以为主* (*Гнилое дерево не может быть колонной, а подлый человек не может быть лидером*). Представление о важности коллектива отразилось в метафорической ПЕ *一根木头做不成梁，一块砖头砌不成墙* (*Одно дерево не может составить матицу, из одного кирпича нельзя построить стену*)⁷. Относясь к верхней границе жилища и выполняя опорную функцию, **(3) матица в сознании китайцев получает метафорическое прочтение ‘руководитель, старший’**, что отражается в ПЕ, порицающих недостойное поведение представителей верхушки власти, влияющее и на подчинённых: *上梁不正下梁歪* (*Когда верхняя матица сгибается, нижние тоже искривляются*), т.е. **(4) некачественная (подпортившаяся) матица портит все строение, менее значимые его детали**. Первоначально данная ПЕ говорила о строгом отношении к выбору матицы при возведении древних построек, в настоящее же время она чаще относится к отклонениям от нормы в сфере общественных отношений, к ситуациям, связанным с влиянием старших по положению на подчиненных. Ср. рус. *Рыба гниёт с головы*.

СТОЛЬ, КОЛОННА, ОПОРА

Вертикальными опорами при строительстве дома служат столбы. Ср. ПЕ об их важности: *Без столбов и забор не стойт, а подпора сена не просит* – компоненты *подпора* и *столб* выполняют близкую функцию, они гарантируют устойчивость тому, что строится человеком.

(1) Основные требования, предъявляемые к столбам, это прочность, надёжность: Стена крепка, столбы худы; Забор хорош, столбы гнилы. Как видно, эти ПЕ могут использоваться и в прямом значении, отмечая важность качественного столба, и в переносном смысле, указывая на погрешности, несоответствие по характеристикам основных, принципиально важных позиций в каком-либо деле. В словаре «Пословицы русского народа» последние 2 ПЕ

⁷ В русских ПЕ эта идея многократно выражена иными образными средствами: *Артелью города берут; Одна головня и в печи гаснет, а две и в поле дымятся; Один палец – не кулак; Одна пчела не много меду натаскает* и др.

помещены в раздел «Сущность – наружность», где представлены единицы, говорящие о частом несоответствии видимости реальному положению вещей.

Колонны (столбы, опоры) играют определяющую роль при возведении жилища и в китайской культуре: 石看纹理山看路, 房子看的是椽柱 (*Качество камня определяется его текстурой, удобство подъема на гору зависит от дороги, а качество дома определяется его колоннами*). Если матица рассматривается как горизонтальная опора, то колонны – как вертикальная: 一梁拄一柱 (*Одна матица соответствует одной колонне*), 一根柱子动, 根根房梁摇 (*Одна колона приходит в движение, каждая матица трясется*). **(2) Достоинство колонны в ее неподвижности, прочности, прямизне:** 不拔之柱 (букв. ‘Неподвижная колонна, прочная основа чего-л.’); 柱石之坚 (‘твёрдый как колонна’); 柱正不怕壁歪 (‘Колонна прямая не боится стены кривой’) и др.

КРЫЛЬЦО

Интересно, что крыльцо – ‘наружный вход в дом; каменная или дощатая площадка перед домом, со ступенями’ [Д.2:205] практически не освещается в паремиях с точки зрения его важности и функций (*Чесалась свинья и о боярские крыльца*), но прочно ассоциируется с **(1) возможностью приема гостей**. Наличие двух входов в дом – парадного, переднего и заднего – позволяет отразить представление о желанных гостях и нежелательных: *Не всякий гость к переднему крыльцу (в передний угол)*. Паремия *С переднего крыльца – отказ, а с заднего – милости просим* может характеризовать **(2) лицемера, двуличного человека**. Сочетание же двух образов в ПЕ *Переднее крыльцо круто, заднее крыльцо положе* указывает на возможность не прямого, а тайного, окольного пути, который может быть использован для достижения цели; ср. фразеологизм *зайти (забежать) с заднего крыльца* – ‘таясь, тайком’ [ФСРЛЯ 2008: 328].

В китайской культуре образ крыльца символизирует **(3) неловкую ситуацию**. ПЕ 下不了台阶 (букв. *Нельзя спуститься с крыльца*) метафорически указывает на состояние человека, чувствующего себя неловко, поскольку он не знает, как поступить, и стесняется этого. Аналогичным образом ПЕ 有台阶不上

(*Есть крыльцо, но не подняться*) характеризует ситуацию, когда человек не видит способа выйти достойно из смущающего его положения.

УГОЛ

Традиционный деревянный дом был обычно прямоугольной формы и, следовательно, не обходился без углов – это строго соблюдаемый принцип: *Плотник без топора, что изба без угла – одно без другого существовать не может; Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится (не рубится)* – речь здесь идет о внешних углах здания, что, однако, предполагает и наличие внутренних углов, также значимых в обустройстве жилища.

В китайском материале паремии с компонентом *угол* нами не обнаружены.

Внутреннее устройство дома предполагает и наличие такой обязательной «детали», как потолок.

ПОТОЛОК

Русская ПЕ *Крышей покрыто, да потолка нет* иронизирует над домом, в котором – при соблюдении внешнего благополучия – отсутствует необходимая деталь, а следовательно, он непригоден для проживания: **(1) дома без потолка не бывает.** Важность потолка также подчеркивается в других ПЕ *Всяк береги свой потолок; Всякий дом потолком крыт* и др. **(2) Свой потолок обозначает ‘свой дом’**, в своём доме у хозяина есть все права: *Свой потолок, кого захотел, того и потолок* и др. Ср.: *Под чужой потолок подведут и другое имя дадут* и др. Выражение *под одним потолком (жить)* синонимично в русском языке обороту *под одной крышей*, т.е. жить в одном доме, единой семьей: *Под одним потолком жить, не руками разводит* – паремия намекает на трудности, которые неизбежны, если жить большой семьей.

В китайской паремике такая деталь строения, как потолок, не отразилась. Однако, как мы уже упоминали, значение ‘жить вместе, одним домом, одной семьей’ передается у китайцев фразеологизмом *жить под одним карнизом*.

Как видим, паремиологически представленный дом показан достаточно подробно – как со стороны важности в жизни человека жилища в целом, так и в отношении функций деталей жилища как строения.

2.2.1.3. Лингвокультурологический взгляд на границы между внутренним пространством жилища и внешним миром

Русская изба, с ее хорошо продуманным и организованным пространством, строилась по определенным канонам, предполагавшим наличие дверей и окон. **(1) Закрытая дверь позволяет отграничить жизнь внутри от происходящего снаружи**, скрыться от посторонних глаз, сохранить приватность семейной жизни: *В отперты двери лезут звери; Не всякому верь, закрывай (запирай) крепче (покрепче) дверь; Не хлопай дверью, в которую собираешься войти; шутл. Двери закроем, сопли распустим, никого не пустим* и др.

За закрытыми дверями **(2) семья может вести откровенные разговоры**, допустимые в узком кругу людей: 关起门来说话 (Говори, когда дверь закрыта); 关起门来是一家人 (Закрыв дверь – мы остаемся своей семьей).

С другой стороны, закрытые **двери**, предоставляя хозяевам возможность уединения, **(3) не могут обеспечить абсолютную безопасность и неразглашение личных секретов**: *Не бойся дверей, а бойся щелей; 门里说话, 要防门外有人 (Разговаривая внутри [закрыв двери], остерегайтесь людей снаружи); 门有缝, 窗有耳 (У двери есть щели, а у окна есть уши)*. Особенно это касается распространения плохих новостей: *好事不出门, 恶事行千里 (Хорошие вести остаются по эту сторону дверей (не просачиваются наружу), а плохие быстро разлетаются)*.

Китайская поговорка выражает важную мысль о том, что **(4) следует проявлять заботу о благополучии живущих в доме**: *好事不出自家门, 肥水怎流外人 (букв. Хорошее не должно выходить за двери [покидать внутреннее пространство дома], удобрения не должны литься на чужие поля)*, т.е. не следует упускать свое добро, отдавая его чужим – помогать надо своим. При этом в ПЕ даже перечисляются те жизненно важные вещи, которыми следует озаботиться, когда открываются двери: *开了大门七件事: 柴米油盐酱醋茶 (Дверь открывается – семь вещей, о которых нужно позаботиться: дрова, рис, масло, соль, соус, уксус, чай)*, т.е. с началом нового дня живущие в доме озабочены пропитанием.

ОКНО

Назначение окна в паремике отражается в нескольких направлениях: это **(1) возможность осуществления контакта с внешним миром** – в окно можно заглядывать (*Не велят в окно заглядывать, а в двери не пускают*), а можно из него выглядывать на улицу: *В окно всего света не оглянешь; Хорошо медведя в окно дразнить; Такая красава, что в окно глянет – конь прянет; на двор выйдет – три дня собаки лают.*

В русском языке паремии отражают **(2) традицию подавать на хлеб бедствующим и нищим через окно**, тем самым совершая угодное Богу дело (*В окно подать – Богу подать*), которое может быть вознаграждено: *Подай в окно – Бог в подворотню подаст; Бог даст и в окно (окошко) подаст.* Ср. также ПЕ об ответной реакции на оказанную помощь, проявленную доброту: *Кинь в окно крошки, в дверь придёт лепешка. Стоять под окном, просить под окном* – выражения с семантикой ‘просить на жизнь, просить Христа ради’, т.е. связанные с нищенством, с незавидной долей: *Под одним окном выпросит, под другим съест.* Этим и определяется смысл, выраженный в преферативной пословице *Лучше подать в окно, чем стоять под окном. Подать в окно* – ‘подать милостыню, поделиться куском хлеба’. Ср. ПЕ *Миру в окно не подашь*; мир, т.е. народ, не просит, не принимает подаяния.

(3) Окно также является источником слухов, поскольку общение может осуществляться и через окно: *Молва в окно влезет.*

Китайская ПЕ 两耳不闻窗外事 (*Не слышно, что происходит за окном*) говорит о том, что слишком занятой или увлеченный человек не замечает происходящего снаружи – за окнами; это положительная характеристика ситуации свободы от постороннего влияния.

ПОРОГ

Многочисленные русские ПЕ отражают представления о **(1) значимости порога как своеобразного барьера, отделяющего дом от внешнего мира**: *переступаешь порог – значит, покидаешь дом, свое обжитое, защищенное*

внутреннее пространство: *Только ты за порог, а черт поперёк; Мёртвый у порога не стоит, а своё возьмёт.*

Порог – начало дома, поэтому **(2) дорогого гостя встречают на пороге/ у порога** (*Честно величать, так на пороге встречать; честно – ‘с честью, почестями’*). И наоборот: как гласят русские ПЕ, **(3) указать порог – значит, выгнать**, выставить кого-либо за дверь (*Вот тебе порог, а вот тебе семь дорог! Вон тебе Бог, а вот порог! Поставлю на порог да укажу семь дорог*). Есть и более радикальный вариант выпроваживания нежелательного визитера – *Плюнь ему на порог, чтоб к крыльцу не знать было дорог*; после такого «напутствия» вряд ли возможны новые визиты этого человека.

Паремия *От порога до Бога, от Бога – до порога* обозначает во всем доме, указывает, вероятно, на небольшое расстояние между входом в дом, пересечением порога, и Красным углом, где располагаются иконы, Божьи лики.

(4) Высокий порог в доме китайцев **символизирует богатство** – такое представление в китайской культуре подтверждается ПЕ 门槛高过人, 宅院聚宝盆 (*Свой порог выше других, дом станет неиссякаемым сосудом с драгоценностями*), т. е. неиссякаемым источником богатства, золотым дном; рогом изобилия. Китайское идиоматическое выражение 门槛高 (**высокий порог**) также часто используется, когда говорят о **(5) высоких требованиях** при поступлении в школу, университет, при приеме на работу. Русские ПЕ, содержащие данные элемент, указывают на отсутствие входа или доступа к чему-либо. Ср.: *Высокие пороги на мои ноги; Такой порог, что насилу ноги переволок; Пьяному и до порога нужна подмога.*

Существующие в русской культуре некоторые обычаи, связанные с порогом, отражаются в ПЕ. Так, семантика культурно маркированного запрета обнаруживается в паремиях *Через порог не здороваются, не беседуют; Через порог руки не подают; На пороге не стоят* и др. Это связано с осмыслением **(6) порога как «символической межи» между жилищем и внешним миром**; это

«граница для нечистой силы и в то же время место пребывания нечисти» [Энциклопедия славянской культуры... 2013: 653].

ЗАПОР, ЗАМОК

Запор и замок служат для обеспечения безопасности, сохранности дома и его содержимого; эта важная их функция отражается в таких русских пословицах, как Запор да замок – святое дело; Запор мал великим городам владеет; Без запора и забора не уйдёшь от вора; Крепки запоры, да ловки и воры и др.

Необычна в русском языке каламбурная поговорка об убогом жилище, в которой перечисляемые отдельные составляющие – горница, подклеть, крыльцо, кровля, сени и др. – сопровождаются указанием на не подобающий им локус, что нарушает все каноны традиционной постройки: *Посреди пустого двора горница под жильем, подклеть под небылыми сеньми, крыльцо в помойной яме, печь в заходе, красное окно в кровле, на подволоке погреб, а вокруг двора соседняя крыша*. В результате создается некая «небывальщина» по принципу указания на невероятное (ср. ФЕ на турецкую Пасху, на русский байрам, когда рак на горе свистнет, дырка от бублика, от жилетки рукава и др.). Такое изречение может служить отрицательной характеристикой беспорядочной, безобразной, необъяснимой организации чьего-либо жилого пространства.

2.2.1.4. Паремийные правила и рекомендации по содержанию дома

Как свидетельствуют поговорки, мало построить дом – надо содержать его в порядке. *Ведение домашнего хозяйства требует серьезных усилий и временных затрат: Дом невелик, [а (да)] лежать (сидеть, посидеть, стоять) не велит; Дом вести – не рукавом трясти. За ним нужен постоянный присмотр (Дом приглядом стоит), а если беречь усилия, то хорошего дома у хозяина не будет: Всегда себя покоишь, так дому не устроишь и т.д.*

Русские ПЕ *негативно оценивают поведение людей, которые не следят за порядком в доме – Горе тому, кто непорядком живет в дому; Порядком стоит дом, непорядком – содом; Без ухажей не дам, а булдырь (булдырь – ‘неровное, дурное место в поле, бедное растительностью’ [Д.1: 142]).*

Китайские ПЕ также содержат **рекомендации поддерживать в доме порядок, производить уборку**: 屋里屋外勤打扫 (Надо часто делать уборку внутри и снаружи дома); 房子靠打扫, 美人靠打扮 (Дом зависит от уборки, красота зависит от наряда). Речь не только о ежедневной уборке внутри дома, но и о ремонте постройки целиком: 三年不经匠, 屋里走了样 (Три года без ремонта, дом не в форме).

В представлении носителей китайского языка **содержание дома в чистоте полезно для здоровья**: 无事勤扫屋, 强如上药铺 (Уборка дома в свободное время лучше похода в аптеку). В пословице отразилась и интересная китайская традиция – перед Новым годом очищать дом от пыли и «невезения», что помогает людям отогнать злых духов и предотвратить бедствия, а также привлечь в дом (приветствовать в доме) удачу и счастье; ср. ПЕ 腊月二十四, 掸尘扫房子 (Двадцать четвёртое декабря по лунному календарю – день вытирания пыли и подметания дома).

В восприятии русских и китайцев **признаком поддерживаемого в доме порядка является чистота пола**: Мыть полы – не жалеть спины; Кто пол мыть, а мы воду лить; 扫地如清心 (Подмести пол, как чистое сердце); 不动笤帚地不光 (Не использовать веник – не иметь чистого пола); 客来扫地不算勤 (Если хозяин подметает пол только перед приходом гостей, его не назовешь трудолюбивым). В чистом доме спать можно было и на полу: На полу спать не стыдно; В безлапочной избе и на полу ляжешь и др.

2.2.1.5. Выражение в паремиях отношения человека к жилищу

Жилище является важнейшей частью культуры народа, условием его существования. Дом, в котором проживает семья – нередко это несколько поколений, – и все происходящее в нем готовит ребенка к его будущей самостоятельной жизнедеятельности. Многочисленные пословицы позволяют составить представление о ценности жилища в концептуальной и языковой

картинах мира⁸. Один из признаков, указывающих на важность дома, это выраженное к нему отношение как к помещению, включаемому в личную сферу субъекта(ов). Жилище является само по себе «ценностью как имущество и вместилищем ценностей – семьи, любви, уюта от очага, душевного тепла, покоя, родства и близости поколений, родителей и детей» [Правовская 2012: 124].

Когда речь идет о том, что каждый человек располагает каким-либо жилищем, безусловно, имеется в виду не конкретный вид дома (строения) – *изба, терем, шалаши, пещера, обитель, угол* и др., а именно крыша над головой, т.е. пристанище, в большей или меньшей степени постоянное и пригодное для проживания.

Хотя мы не обнаружили паремий, прямо, коротко и недвусмысленно выражающих идею о наличии у каждого человека своего жилища – это подразумевается и поддерживается иносказательными выражениями, – многие изречения, посвященные жилью, свидетельствуют именно об этом. Неважен социальный статус владельца – *Богатый строит себе дом годами, а бедный – днями, но дом, жилище*, будь то сооруженное на скорую руку бедняком или же построенное в соответствии с особыми запросами богача и потому небыстро, *должно быть у каждого*. Изба – традиционный дом крестьянина – предназначена именно для проживания: *Изба жиллом (жилым местом, жильем) пахнет*.

Дом занимает важное место в системе традиционных ценностей русских и китайцев, нуждающихся в нем в своей повседневной жизни. Жилище связано с представлением об уюте и тепле, об отдыхе, о дружной семье и приветливой хозяйке. Наличие жилища составляет норму жизни, в то время как «бездомье» человека признается асоциальным, это нарушение правил и установлений общества [Ильин 2005: 25]. Поэтому не удивительно, что в паремиях отражается мысль о *необходимости дорожить домом и любить его: Ищи добра (оброк) на стороне, а дом люби по старине!* Дом воспринимается как точка опоры в жизни крестьянской семьи: *Дом – корень, а сторона – похвальба. Дорого жилище любого*

⁸ Одним из показательных ценностных параметров концепта *дом* является, по мнению Э.В. Герасименко, объем деривационного гнезда лексемы, включающего 122 производных 1, 2 и 3 ступени [Герасименко 2014: 339].

качества: Двор, что город, изба, что терем – простая изба не хуже терема, а двор чуть ли не приравнивается к городу.

В русской паремике немало единиц, подчеркивающих **пренебрежение к качеству своего жилища** – его главным достоинством является уже сам факт наличия: *Хоть худенькая избушка, а свой уголок; Жилья с локоток, а житья с ноготок; Свой уголок – свой простор; Хоть худ дом, да крыша крепка.* Следует испытывать чувство удовлетворения именно от того, чем человек располагает: *Чем хата богата, тем и рада.*

В выражении *Своя хатка – родная матка* ценность жилища подчеркивается за счет использования пословичного клишированного фрагмента с оценочной семантикой – ср. *отец родной (Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной; Мать наша – гречневая каша: не перцу чета, не прорвет живота).*

Расстаться с домом можно только в случае крайней нужды. В ПЕ *Лучше дому лишиться, чем с богатым браниться* ценность жилища подчеркивается через выражение идеи о готовности пойти на крайние меры – вплоть до утраты собственного дома, в стремлении любой ценой избежать нежелательного конфликта с богачом.

В представлении китайцев **дом – знак материального благополучия**, поэтому, по признанию пословицы, человек должен работать, прилагать усилия, чтобы защитить, сохранить свое имущество: *猪困长肉, 人困卖屋 (Свиньи едят, спят и толстеют, а если человек спит и ленится – его дом продаётся, т.е. он лишится своего жилища – самого ценного, что у него есть).*

Согласно сформировавшимся представлениям, **домовая постройка должна быть пристойной, добротной в целом, а не только выглядеть хорошо внешне** (ср. ироничное *Дом для фасада строится*), иначе говорящими подчеркивается контраст между внешним видом жилища и возможностью проживания в нем: *Красно глядеть, а жить негде.* Осуждается носителями русского языка и похвальба мнимым благополучием, когда состояние дома это не подтверждает: *Ни кола, ни двора, а верей точеные (верей – ‘столб, на который навешивается створка ворот’*

[Кузнецов 1998: 119]), *Голытьба, голытьба, а подворотня решетчатая* – налицо несоответствие отдельных деталей всей постройке – выражение, возможно, используется, чтобы уличить лгущего либо указать на неоправданное расточительство. Следует отметить входящую в ряд паремий идиому *ни кола ни двора*, указывающую на отсутствие у человека имущества и в первую очередь – собственного жилища: *Ни кола, ни вола, ни села, ни двора, ни мила живота, ни образа, чтобы помолиться, ни хлеба, чтобы подавиться, ни ножа, чем зарезаться. Двор* – по метонимическому принципу – используется как номинация территории вокруг дома и, таким образом, и самого дома. Полное отсутствие имущества логически подводит к отсутствию смысла жить в таких условиях. Ср. также ПЕ о полном отсутствии необходимого для жизни в большом по размеру жилище: *В большом доме чего нехватишься, того (всего) нет*. Интересно, что вариантная замена одного компонента существенно меняет смысл целого: с одной стороны, можно понимать ПЕ как сетование по поводу значительного количества вещей и большого пространства, которое приходится осматривать, чтобы их отыскать. С другой стороны, это может быть шутливо-ироничной оценкой жилища, чьи размеры и вид контрастируют с отсутствием внутреннего убранства и плохо организованным хозяйством.

В китайской культуре четко разграничиваются *тан 堂* и *ши 室* и существует установка, что в хорошем доме в каждой из комнат светло и просторно, потому ироничная ПЕ *亮堂屋, 黑卧房* (букв. *Тан светлое, а ши тёмное*) основана на контрасте впечатления, производимого жилищем, поскольку *тан* – это помещение и для приема гостей, и его реального состояния, т.е. речь идет лишь о видимости благополучия.

Отрицательно оценивается в русских пословицах старый, ветхий дом: К старому дому легче щепку кинуть (бросить); Держись друга старого, а дома нового и др.

Помимо материального благополучия, китайцы ценят ***психологический комфорт, покой***: ПЕ *叹气一口, 宅低三尺* (*Вздых, дом на три фута ниже*) советует относиться к жизни позитивно, иначе можно лишиться благополучия и достояния

– дома. А ПЕ 心宽不在屋宽 (*Широта сердца не зависит от размера дома*) указывает на то, что человеку не самые комфортные условия проживания не мешают быть добросердечным и доброжелательным.

Согласно поверьям русского народа, *в доме живёт домовой* – ‘сказочное существо, обитающее в доме, злой или добрый дух дома’ [ОШ: 174], ПЕ *Купил дом и с домовыми; Дом домом, а домовой даром*. Славянская мифология относила домового к разряду существ, которые обеспечивают «нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие» [Славянские древности.2: 120].

Жилище требует постоянных затрат и заботы – и это помимо иных хлопот и труда для обеспечения семьи: *Дом – яма: никогда не наполнишь; Дом невелик/, да стоять (лежать) не велит*. Поэтому совсем не случаен намек на возможность утратить благополучие в доме, да и сам дом: *Сведем домок в один уголок; Сведен так домок, что не нужен и замок* – так как запирать будет нечего; *Сведем домок в орехову скорлупу*.

Состояние жилища и благополучие дома зависит от хозяина. Об этом говорят как плачевное состояние заброшенных домов в реальной жизни, так и многочисленные поговорки: *Без хозяина дом сирота (сир и вдов)* – интересно, как к жилищу применяется система родственных связей и отношений человека. Однако не только факт наличия хозяина определяет состояние дома, но также и порядок в хозяйстве указывает на те или иные качества хозяина дома, его рачительность: *Хозяин добр – и дом хорош; хозяин худ – и в доме тож; Всякий дом добрым хозяином хорош (красится, славится)* и др. Об этом говорят и поговорки, нелестно отзывающиеся о плохих хозяйках, не следящих за своим жилищем, что ведет к его порче и разорению: *Худая матка всему дому смятка; Бабы умы разоряют дома; Коли изба крива – хозяйка плоха*. Именно *от главы семьи*, каковым считается мужчина, *зависит долговечность жилища: Всякий дом – по большу голову стоит*.

Китайская ПЕ 房子、儿子、孙子, 累死老子 (*Дом, сын, внук, усталый старик*) имеет философский смысл: с одной стороны, это указание на последовательность жизненных этапов и важных приоритетов. С другой стороны, она отражает представление, согласно которому *представитель старшего поколения готовит*

дом для потомков, в первую очередь – для сына. Это и своего рода жалоба на то, что все эти заботы, включая строительство дома и его сохранение, сопряжены с трудностями и вызывают ощущение усталости.

Всякий дом хозяином (хозяйкой) держится (стоит); Дом хозяином велик; Всякий дом большею частью прост, а горшок большухой (прост – в значении сердечной простоты, радушия); большак – ‘главный в каком-либо коллективе, старший в доме, в семье). ПЕ *Не по дому господин (хозяин), а дом по господину (хозяину)* говорит о том, что по жилищу видно, каким хозяином – хорошим или плохим – является его хозяин, что дом хорош настолько, насколько это угодно его владельцу. С другой стороны, паремия допускает и иную идею – *Не дом хозяина красит, а хозяин дом* – о том, что, возможно, не так важен сам дом, каким бы он ни был, а именно хозяин, его гостеприимство и внимание.

Китайская ПЕ 家无主, 屋倒竖 также отмечает значимость хозяина для дома: «Когда дома нет хозяина, все в доме вверх дном». Данная ПЕ относится к паремиям, побуждающим заботиться о домашнем хозяйстве.

Паремии, упоминающие представительниц женского пола, в большей степени говорят о ведении хозяйства, нежели о сохранении жилища, так как именно женщины занимались в основном хозяйством в доме – об этом говорит и ПЕ *Мужик да собака во дворе, а баба и кошка в избе. Женщина, которая не занимается работой по дому, что ведет к утрате благосостояния*, получает в ПЕ негативную оценку: *Добрая жена дом сбережет, а худая рукавом растрясет*. Китайский аналог – 懒媳妇爱打扮自己, 勤媳妇爱打扫屋子 (*Ленивая жена любит наряжаться, прилежная жена любит убираться в доме*).

В русских паремиях, связанных с домом, широко представлена концептуальная оппозиция «своё – чужое», участвующая в выражении культурных установок. *Свое жилище*, будучи главным бытовым пространством, привычным человеку, предстаёт в ПЕ как более *близкое и дорогое его сердцу*: *Своя-то избушка, как милая подружка; Своя хатка – родная матка* и др.

Свой дом – это не только стены и крыша жилой постройки, он также *обеспечивает ощущение свободы выбора, действия и независимости* – *В своём*

дому неведомо никому; Свой домик – свой простор; В своём доме что хочу – ворочу; Всяк хозяин в своём доме большой; Всяк царствует в доме своём и др. В ПЕ используется оценочное слово, чтобы обратить внимание на положительную оценку своего дома – *Хорошо тому, кто в своём доме*.

В ПЕ выражается установка **«Свой дом предпочтительнее чужого»**: *Всякому свой дом лучше чужого; В гостях хорошо, а дома лучше* и др.

В домах других людей **нужно соблюдать правила хозяев**, ограничивая собственную свободу, **не следовать своим привычкам** (*В чужом доме не указывают; В чужом доме не разонравишься; В чужом доме воля не своя; В чужом доме – не хозяин* и др.) и **не высказывать критических замечаний** (*В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив*). ПЕ **отрицательно оценивают пребывание**, а особенно **проживание в чужом доме**: *Худо тому, кто живёт в чужом доме*.

Интересно возможное прочтение поговорки *Свой дом – не чужой: из него не уйдёшь* – по логике построения ПЕ подобного типа возможен следующий ее смысл: «из него нет нужды уходить» или «из него, увы, уйти нельзя – некуда». Здесь хороша видна семантическая неопределенность поговорки, допускающей ее трактовку с разных сторон.

В поговорках *В людях Илья, а дома свинья; В людях Ананья, дома каналья* отражается тот факт, что человек по-разному ведет себя в людях и у себя дома, позволяет **в личном пространстве проявляться негативным сторонам своего характера**.

Жилое пространство является местом основного времяпрепровождения. Здесь протекает частная жизнь, и, согласно китайской ПЕ, **вмешательство чужих людей недопустимо**: *各家自扫门前雪，莫管他家屋上霜* (*Всякая семья подметает снег у своих ворот, не надо касаться покрытого инеем чужого дома*).

Поскольку в доме проживала целая семья – иногда очень большая, охватывающая несколько поколений, ср. кит. *大家住大房* (*Большая семья живёт в большом доме*), в русских и китайских ПЕ отражается восприятие **дома как символа семьи**. В поговорке отражаются разнообразные отношения между членами семьи – между мужем и женой (*Жениным добром не сведешь дом; Без мужа голова*

не покрыта, без жены дом не крыт; Когда жениться скорее, так в доме будет спорее и др.), родителями и детьми: *Изба детьми весела; Дом без детей – могила, дом с детьми – базар; 家无子女房空 (Детей в доме нет – дом пустой).*

Паремии вербализуют мысль о том, что **в каждом доме (и в семье) свои проблемы** (*В каждой избешке свои бедушки*), **в них не стоит посвящать посторонних** во избежание нежелательных пересудов, сплетен: *Не выноси из избы сору, так меньше будет вздору; Из избы в избу сор не носят.* Ср. кит. 家丑不可外扬 (*Семейные неурядицы нельзя распространять за пределы дома*). В китайской ПЕ 一人有福, 带挈一屋 (*Если одному человеку сопутствует удача, он может принести пользу всему дому*), слово 屋 (дом) обозначает здесь всю проживающую в доме семью.

Самой распространенной русской ПЕ об избе является выражение *Не красна изба углами, а красна пирогами*: оценка дома определяется не только его убранством и другими знаками благополучия, но и тем, насколько хозяин гостеприимен. *Пироги* – весьма востребованная в русской паремике единица пищевого кода, выступающая здесь как символ радушия и умений хозяйки. ПЕ может служить и своего рода извинением за посредственность хозяйского жилища и одновременно – приглашением гостей к столу.

Дом, изба, хата символизируют, в частности, и **гостеприимство**; ср.: *Гость в дом, а бог в доме; Твой дом, твои и гости; Просим на избу: красному гостю красное место* и т. д. В представлении носителей китайской культуры приглашение благородных гостей к себе принесёт удачу в дом – 贵人上宅, 柴长三千, 米长八百 (*Приходит благородный муж в дом, дрова вырастают до трех метров в длину, а рис – до восьмисот катти*). Образ благородного мужа трактовался Конфуцием как образ человека, руководствующегося в своих поступках не личной выгодой, а общественным благом, чувством долга и человеколюбием (см. об этом подробнее: [Конфуций “Лунь юй”: 1998]).

Таким образом, в ПЕ проявляется устойчивость образа дома: приведенные паремии говорят о важности для носителей культуры дома как символа безопасности, свободы, устойчивости, благополучия, семьи и гостеприимства.

2.2.1.6. Паремии с компонентами-названиями помещений жилого строения

Типичный для России деревенский дом состоял из помещения, отапливаемого печью, и холодных сеней.

СЕНИ

Сени служили своеобразным тамбуром между улицей и теплым помещением и имели хозяйственное назначение; ср. загадку о дверях, открывавшихся из избы в сени: *По сеням и так и сяк, а в избу никак; По сеням ходит, а в избу не идёт.*

ПЕ *Выходила замуж на сени, а попала под сени* вербализует идею о неудачном замужестве, так как сени, будучи частью дома, рассматриваются как **показатель материального богатства мужчины**. С другой стороны, сени – хозяйственное помещение, противопоставляемое жилому помещению избы, его «надсенной», чистой, теплой части. ПЕ поэтому указывает и на отношение к замужней женщине, оказавшейся в незавидном положении.

Внутреннее устройство избы было простым и функциональным. Как описается в энциклопедии «Русская изба», основное пространство избы отводилось под духовую печь, которая располагалась у входа, справа или слева от дверей. Это *печной угол* – место, осмыслявшееся как темное, нечистое и противопоставлялось противоположному, чистому.

Над столом, стоящим в углу, по диагонали от печи, располагалась божница с иконами. Эта часть избы – *передний угол, красный угол* – считалась чистой, «парадной». «Вдоль стен шли неподвижные лавки, над ними – врезанные в стены полки. В задней части избы от печи до стены под потолком устраивался деревянный настил – полати. Вся эта неподвижная обстановка избы строилась плотниками вместе с домом и называлась хоромным нарядом» [Русская изба 1999: 9]. Таким образом, деревенские избы строились практически по одному общепринятому и проверенному временем шаблону. Подвижными же были мебель,

утварь и другое убранство дома, которые вместе с неподвижным нарядом составляли единое целое, составлявшее «целый мир для крестьянина» [там же].

КРАСНЫЙ УГОЛ

Красный угол – это «центральное место в доме православного христианина» [Безрукова 2000: 166]. Здесь помещаются иконы, общаются с Богом *Садись в уголок, чтобы черт не уволок*, поэтому ПЕ предупреждает о том, что небогоугодное дело нельзя осуществлять в избе: *Ворожба не молотьба: не красна ей изба*.

Красный угол предназначен для почетных гостей [Михельсон 1912: 37] – *Принимают, за обе руки берут да в красный угол сажают*. В паремии приводятся в соответствие ценность красного угла и значимость принимаемого гостя, что акцентируется рядом положительных оценочных слов – *добрый, умный, красный: Доброго человека в красный угол сажают; Умного сажают в красный угол для чести, дурака – для смеха; Красный угол – красному гостю* и др.

ГОРНИЦА

О температуре в горнице, сравниваемой с температурой внешнего мира (на улице, на дворе), «регулируемой» Богом, говорят ПЕ *Наша горница с Богом не спорщица (не спорится): на дворе тепло, и у нас тепло; <на дворе холодно, и у нас таково>; Светла горница с Богом не спорщица: на дворе тепло, так и в ней жарко; Моя горница с улицей не спорщица: на улице мороз, у меня – поморозница*. Эти ПЕ могут выступать и как выражение согласия с общим мнением, к которому присоединяется говорящий. Объяснением отраженному в ПЕ температурному соответствию горницы улице/двору может служить комментарий специалиста о строении традиционной избы: *горница* – это «соединенная сенями с теплым жилым помещением парадная половина крестьянского дома, обычно неотапливаемая» [Плужников 2011]⁹.

Горница является местом для приема гостей, о чем свидетельствует и размещение ПЕ *Ходи изба, ходи горница; Пошла изба по горнице, сени по полатам*

⁹ О том, что горница – это холодная комната с маленькими окнами и полом, поднятым выше пола главной избы, на подклети: она «соединяется непосредственно со стряпушей и подобно ей предоставляется в полное владение баб» [Красовский 1916]

в «Пословицах русского народа» в разделе «Гость – гостеприимство»: в них говорится о гульбе, веселье в случае приема гостей.

КЛЕТЬ, ПОДКЛЕТЬ, ЧУЛАН

Чулан, клеть, подклеть также являются важными составляющими русского традиционного жилища.

Клеть, подклеть – это помещения, куда складывают припасы, это **место для хранения**. Его не видно для пребывающих в основном помещении избы, поэтому в ПЕ реализуются идеи о **пропаже, воровстве чужого добра**. В них содержится негативная оценка воровского поведения – *Не украл, а нашёл – в чужой клету; У кого в клету покрали, а к нам – с выемкой; Зашёл в чужую клету молебн петь; Ненароком в клету попал, да невзначай охапку нагрёб*. Клеть является признаком зажиточности дома – *У пьяного – семь клетей, а проспится – один плетень*, т.е., по словам пьяного, у него всего много, а на деле ничего нет. Идея несоответствия содержания речей пьяного реальному положению вещей – мотив, реализуемый и в иных ПЕ: *Пьяному море по колено, а лужа по уши. Как проспится – и свиньи боится*.

На **близость клетки к основному жилому помещению** указывается в шутивно-ироничных ПЕ, подчеркивающих неоправданно долгое отсутствие хозяйки и, возможно, ее неумение либо бестолковость: *Пошла в клету по масло, а в печи погасло; Клету не отворялась, а молода потерялась*.

В составе паремий слова **горница, сени и чулан** употребляются не обязательно в своем словарном значении, они приобретают новые интерпретации и нередко **служат синонимами слов дом, изба**: *Кто хвалит горницу, тот хвалит дворницу* (*дворница* – хозяйка дома [Д.1: 435]), т.е. «Тот, кто хвалит дом, тот, по сути, хвалит хозяйку». ПЕ *Какова дворница, такова и горница* указывает на зависимость порядка и чистоты в доме от расторопности и усилий хозяйки; выражение может служить как похвалой, так и порицанием.

Не ставь наши сени булдырем, ставь высоким теремом (*булдырь* аналогичен пустырю, так называют пустующее место с почвой плохого качества) – так,

вероятно, может отозваться о своем доме гордый за него хозяин. Ср. также: *Наша горница тем и кормится; Сени косые, а люди босые.*

Чулан не случайно называют вторым домом – там хранится много временно не востребованных вещей, которые не следует держать в жилом помещении: *Чулан – второй дом (другая изба)* и др.

ТАН

Одним из наиболее **значимых и обязательных помещений** в китайском доме является зал под названием 堂 (тан). В ПЕ подтверждается представление о тане как **центральном помещении в доме китайцев, символизирующем целый дом** – 安居不用架高堂 (*Чтобы спокойно жить, не нужно строить высокий тан*). **Тан является местом для приема гостей** – 将入堂, 声必扬 (*Перед тем, как войти в тан, гость должен издать звук, чтобы сообщить об этом хозяину – дать о себе знать*). **Тан отражает благосостояние хозяина** – 穷人家看灶堂, 财主家看厅堂 (*Посмотри на кухню в доме бедняка, посмотри на тан в доме богатого*). **Качество тана ассоциируется с престижем семьи** – 不登大雅之堂 (*Не поднять в тан в высоком стиле*), не быть вхожим в высшее общество; говорится также о чем-либо, не достойном быть отнесенным к сфере настоящего искусства.

На столе в тане стоят поминальные таблички (牌位) с обозначением имени и звания святого или предка для совершения поклонения. В тане осуществляются важные церемонии – например, свадьба – 新人拜堂拜正堂 (*Жених и невеста должны кланяться в главном тане*). **Тан также символизирует состояние в браке, семейные отношения мужа и жены**; ср. ПЕ 糟糠妻不下堂 (*Жена, делящая с мужем невзгоды, не должна выходить из тана*) – т.е. муж не должен бросать (выгонять из тана) свою жену, которая вместе с ним переносила бедствия и горе.

ШИ

Еще одно помещение в китайском жилище – 室 (ши) – это внутренняя комната для отдыха и сна, как спальня, удаленная от чужих глаз, что отражается в ПЕ 君子不欺暗室 (*Человек высоких моральных качеств не*

обманывает даже в тёмной ши) – представление о ши, тесно связываемом с прилагательным тёмный, ассоциируется с личным пространством человека. 暗室 (тёмный ши) означает ‘втайне’: 暗室亏心, 神目如电 (Совершенный в ши плохой поступок ясно виден Богу) – рус. аналог: *От людей утаишь, а от Бога не утаишь*. Выражение **темный ши** в ПЕ также носит негативный оттенок, его **можно трактовать как ‘бесчестность’**: 明以照暗室, 理以照人心 (Свет может осветить темную ши, истина может осветить сердце человека), т.е. правда может выявить бесчестность, истина может осветить разум человека.

Будучи личным пространством в доме, неотъемлемой частью жизни любого человека, **ши** в ПЕ **символизирует семью**. Ср. ПЕ о желании создать семью – 男子生而愿为之有室, 女子生而愿为之有家 (Мужчина рождается с желанием иметь ши (т.е. жениться), женщина рождается с желанием иметь семью); 男儿无妻不成家, 女儿无夫不成室 (Мужчина без жены не может создать семью, женщина без мужа не может иметь ши).

В ПЕ 筑室道旁, 三年不成 (Строить ши рядом с дорогой, три года невозможно завершить) лексема ши расширяет свое значение и функционирует как номинация постройки в целом.

2.2.1.7. Паремии с компонентами-названиями двора и надворных построек в русском и китайском языках

ДВОР

Традиционное крестьянское жилище в России и в Китае включает не только дом, но и прилегающую к дому территорию – двор. В сознании русского народа двор осмысливается как «часть жилого, освоенного пространства», а также имеет значение ‘дом’, ‘изба’, ‘семья’ [Славянские древности.2: 31]. Ср.: *Двор, что город, изба, что терем; Чей двор, того и хоромы; Двор/дом на месте, ворота на съезде; Не купи двор (дом), а купи соседа; Был у двора, пил воду лучше неприятельского мёду и др.*

Китайские ПЕ 大家住大院 (Большая семья живёт в большом дворе); 院里/家里没有梧桐树, 别盼凤凰往家落 (Во дворе/в доме дерева утун нет, не ждите,

что феникс прилетит к вашему дому»). Дерево утун – китайское зонтичное дерево, на котором, согласно мифам, живёт феникс. Вариантность компонентов *дом* и *двор* указывает на то, что понятие «двор» предполагает и включение «дома», и наоборот.

В «Словаре русских народных говоров» *двор* – это ‘дом, а также семья, живущая в нем; хозяйство семьи’ [СРНГ 1972: 294]. Ср. ПЕ, где *двор* **воспринимается как вся территория вокруг дома** (*На чужом дворе и гусь кажется курицей; Не указывай на чужой двор пальцем, не указали бы на твой двор вилами*). **Хозяйство во дворе включает и постройки** – традиционно деревянные, ведь именно они могут гореть в ситуации, представленной в ПЕ *Когда товарищей двор горит, смысл и о своем*.

Двор огораживает пространство, принадлежащее хозяину дома и его семье, поэтому в паремиях отражается восприятие двора в метонимическом значении – ‘все, кто населяет двор, семья, хозяева’: *Всяк двор мети свой сор; Каждый двор выметай свой сор; Уйдем всем двором, oprичь хором, а дом подопрет колом* и др.

Паремии с компонентом *двор* продолжают **противопоставление своего и чужого**, отмечаемое в ПЕ с компонентами – названиями жилища: *Удаvisь, где хочешь, только бы не в нашем дворе; Что взято с чужого двора, да внесено в свои ворота, так уж будто и украдено?*

В пословицах делается акцент и на преимуществах своего **двора, обеспечивающего не только защиту, но и чувство свободы**, делающее смелым любого его обитателя: *На своём дворе и курица (щепка) бьет; На своем дворе и щепка бьёт* и др.

Несмотря на то, что понятия «дом» и «двор» зачастую выступают как одно целое, сближаются с представлением о семье и всем хозяйстве, паремии также показывают границы двора и дома. **По отношению к дому двор представляет собой «внешний» круг**, что подчеркивается в ПЕ, показывающих **взаимосвязь природных изменений и температуры в доме** (*На дворе капнут капли, в доме окна запотели; На дворе капель, так и у нас тепель*) или, наоборот, **наблюдаемые**

различия между жилым помещением и пространством вокруг него: В избе светло, а на дворе светлей того; Была у двора масленица, да в избу не зашла.

В ПЕ отмечены и наблюдения относительно образа повседневной жизни крестьянской семьи. **Женщины заняты домашними делами в доме, а мужчины трудятся во дворе:** Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе. Двор выступает и как **место проведения некоторых работ сельскохозяйственного цикла:** На дворе молотится, так в избе не колотится. Кроме того, двор отграничивает дом от «внешнего мира» – *Изба крепка запором, а двор – забором* и защищает от внешних опасных сил: *В подворотню подай, да на двор не пускай* и др.

В ПЕ подтверждается и основная функция двора как места для пребывания животных и скота: *Лишняя во дворе коровка – лишняя в поле полоска; Со ста дворов – стадо коров; На двух дворах скорей собака сдохнет* и др. ПЕ *На дворе много скота: три собаки, два кот*а шутиливо обыгрывает ситуацию, когда вместо скота у неимущего во дворе лишь кошки да собаки.

Двор, а точнее – размещенное на нем имущество (скот, постройки и проч.) – выступает как **показатель материального состояния хозяина:** *У богатого двор – живота* (т.е. имущества), *а у бедного – ребят изба; Бедному жениться, на дворе не красно* – ‘У бедного мало что имеется, чтобы быть завидным женихом’; шутиливое *Живём богато – со двора покато; Двор велик, да не с кем жить* и др. *В боярский двор ворота широки, да со двора узки* – т.е. из того (многого), что поступает к богачу, мало что от него уходит; вероятно, речь идет о том, что его богатство приумножается.

Отсутствие имущества на территории двора – это и **знак лени** хозяина: *У ленивого что на дворе, то и на столе.* Это может служить и оправданием нежелания иметь дело с заботами по ведению большого хозяйства: *Меньше в дворе, меньше в голове; Меньше на дворе добра – легче голове.*

В русских ПЕ с компонентом двор встречаются повторяющиеся бинарные пары, соединяющие два рифмующихся слова «двор – вор» – *Что двор, то вор; И двор, и вор, и лес, и бес; Двор и вор, а добрый человек; Приговорил к себе во двор,*

ан вышел вор; Унеси что с чужого двора – вором назовут и др. – и, вероятно, не случайно: из дома украсть труднее, чем со двора.

Согласно китайским традициям, ***наличие во дворе деревьев гарантирует дому и его хозяевам благополучие и процветание.*** Это связано с «фен-шуй» – представлениями о том, как и где должна располагаться отдельные элементы дома и двора¹⁰: 院中有五树, 子孙一直富 (*Во дворе пять деревьев, и потомки всегда богаты*); пять деревьев – дерево персиковое, коричное, гранатовое, дерево утун (финиковая пальма) и софора китайская, которые обеспечивают «долголетие, богатство, многочисленное потомство, семейное благополучие и хорошее здоровье» [Ма Чжэнь 2018: 36].

В китайских ПЕ упоминается размер двора: ***двор предпочтительнее иметь большой***, потому маленький двор высмеивается в ПЕ 庭院里跑不出千里马 (*Тысячеверстная лошадь не может бежать во дворе*); маленький двор становится метафорой малых возможностей, ограничений, мешающих расти способному (перспективному) человеку. С другой стороны, в ПЕ 院虽小, 憋不破; 院虽大, 没人坐 (*Хотя двор и маленький, но может вместить много людей; хотя двор большой, в нем никого нет*) подчеркивается ***преимущество пусть и маленького двора, но зато при наличии большой семьи***; а большой двор богача не гарантирует наличия потомков.

ЗАБОР

Границы двора очерчивает забор – Изба крепка запором, а двор забором; Где забор, там и двор, где щель, там и постель; 宁可菜园荒, 不可篱笆倒 (*Лучше иметь заброшенный двор, чем поваленный забор*) и др. Русские и китайские ПЕ отражают представление о ***назначении забора отграничить двор от внешнего мира и защитить*** его – *Где забор, тут и вор; Забор высок – не увидишь; С соседом дружись, а забор городи; Без забора да без запора не уйдёшь (не спасёшься) от*

¹⁰ «По китайской геомантии «фен-шуй», различные растения по-разному влияют на счастливую тенденцию семьи, поэтому существуют определенные требования и ограничения по размещению, виду и цвету растений в доме» [Ван Жен 2009:68].

вора; 篱笆扎得紧, 野狗钻不进 (Забор настолько плотный, что дикие собаки не могут проникнуть внутрь) и др.

В китайских паремиях забор не только как обеспечивающий безопасность двора и дома, но этот образ позволяет метафорически подчеркнуть **необходимость внимательности и соблюдения предосторожности** во время работы (любой деятельности): *篱笆破, 狗进来 (Забор сломан, собаки входят) – отсутствие мер предосторожности, несоответствия в словах, действиях, методах и т. д. дают недругам возможность воспользоваться этими промахами как слабостью; ср. также: 篱笆扎得松, 野狗钻窟窿 (Забор расшатан, и дикие собаки роют под ним дыры); 篱笆低处人易越 (Забор в его низкой части легко перепрыгнуть любому) и др.*

Китайская ПЕ *有好篱笆才有好邻居 (Только при хороших заборах можно иметь хороших соседей)* указывает на необходимость иметь четкие территориальные границы и оговоренные обязанности и ограничения, что способствует формированию хороших взаимоотношений между соседями, данная ПЕ также может метафорически указывать на необходимость четкого разделения труда и обязанностей между коллегами.

Русская ПЕ *Не садись под чужой забор* может восприниматься двояко: с одной стороны, у каждого свой забор, своё пространство, не надо создавать неудобства другим и вызывать некоторые подозрения. С другой стороны, ПЕ советует не делать того, что окажется напрасным.

Представление о значимости коллектива также отражается в ПЕ с компонентом *забор – 一个好汉也要三个帮, 一个篱笆也要三个桩 (Великому человеку нужны три помощника, забору нужны три кола).*

ОВИН

Овин, амбар и хлев как главные русские надворные постройки, которые имеют важное хозяйственное значение, широко представлены в паремике русского языка. **Овин** является необходимой частью комплекса и **служит для сушки снопов, обмолота зерна**: ПЕ *Нет того лучше, как перед овином да с молотилом* выражает радость от того, что молотилу есть применение, т.е. есть урожай и в перспективе –

возможность прокормить семью. ПЕ *На помин будто сноп на овин* отражает тесную связь между снопом и овином, а намекает на своевременность и уместность появления человека, о котором заговорили и в котором есть потребность.

Традиционные овины состоят из двухъярусных срубов с двускатной крышей. На верхний ярус овина «накладывали (садили) снопы на специальные жерди (колосники)». Нижний ярус «служил источником тепла и оборудовался печью без дымохода» [Баженова 2019: 45]. В ПЕ отражается представление о **пожароопасности овина**: *Овин горит, а хозяин вопит; Овин горит, господину печаль творит; Овин меж глаз сгорел, и курица не стало; Овин прогорел, а слепой проглядел* и др. ПЕ с уступительными отношениями и союзом *хотя (хоть)* выражает идею необходимости соблюдения традиционного порядка действий при любых – даже самых нежелательных – обстоятельствах: *Хоть овин огнём гори, а брагу вари; Хотя овин горит, а пиво варит; Хоть овин гори, а молотильщиков корми* и др.

АМБАР

Амбар предназначен для хранения зерна после обмолота: *Что смолотишь, то и в амбар положишь; В амбар по муку, а в баню по клюку* и др. Наполненность или пустота амбара становится метафорой результативности сельскохозяйственного труда: *Удобрить густо – не будет в амбаре пусто*. Это отражается и в ПЕ *Ранний сев к позднему в амбар (в закрома) не ходит; Даром – только за амбаром* используется, когда хотят положительно отозваться об отношении к трудолюбию. Ср. китайский аналог ПЕ 一籽下地, 万籽归仓 (*Одно семя высевают в землю, а десять тысяч семян возвращают на амбар*). В ПЕ полный амбар символизирует урожай и достаток жизни: *Было бы в амбаре, будет и в кармане; Каково в амбаре, таково и в кармане*.

В китайских ПЕ отразилась ассоциативная связь амбара с мышами: 老鼠看仓, 看个精光 (*Мышь охраняет амбар, и амбар пуст*) – о ситуации, когда важное дело поручено и доверено человеку, ворующему на своём ответственном посту. В ПЕ 贼人安的贼心肠, 老鼠找的米粮仓 – *У вора преступное сердце, как у*

мышь, ищущей рисовый амбар – мышь угрожает содержимому амбара, которое символизирует материальное богатство.

Паремия *На каком амбаре снег, в том (из того) и покупай хлеб* указывает на примету, которой крестьяне руководствовались в жизни: зерно нужно покупать из конкретного амбара, в котором оно будет сухим; на это указывает сохраняющийся на крыше снег, который над прелым хлебом сходит довольно быстро [БСРП: 18].

ХЛЕВ

ПЕ *В чужом хлеву овец не считают* не только указывает на то, что **хлев является специальным помещением во дворе для скота** (ср. *Тогда хлев запирают, как корова пропала* – ‘о запоздавших мерах’), но и реализует идею о том, что не следует считать имущество в чужом доме. В русском языке **некачественное жилище также называется хлевом**, об этом можно узнать из ироничной ПЕ *Хлев рубить – бери дурака, а избу рубить – бери рубака* (рубак – хороший плотник). ПЕ *Во хлеве живёт, а по-горничному кашляет* описывает человека, подражающего богатым – при отсутствии для этого оснований, поскольку он живет в не подходящем для проживания помещении.

БАНЯ

Ещё одним важным строением на придомовой территории является баня, хотя в паремиях, как правило, не разграничиваются баня домашняя, личная, и баня общественная – ср.: *И в бане не без добрых людей; В кабаке да бане все дворяне*.

Баня – это и помещение (строение), специально устроенное, чтобы мыться и париться, и весь комплекс осуществляемых в ней действий (мытьё тела и проч.). Для нас более важным является первое из значений, поскольку мы говорим о строениях на территории двора.

Баня в представлении русских имеет большое значение (*Баня – мать вторая; Без бани все бы мы пропали*): она имелась во многих хозяйствах и служила различным утилитарным целям, что отмечено в русских паремиях. Баня – это не только помещение для **очищения с применением горячей воды тела от грязи** (*Пойду в баню чёрным, из бани выйду красным*), но и **место, посещаемое для укрепления здоровья, для лечения заболеваний**: *Баня от многих болезней ладится*;

Русского человека что парит, то и правит (лечит) – о бане; Баня здоровит, разговор – веселит.

Согласно русской банной культуре, **в бане не столько мылись, сколько парились** – иногда для этого имелось особое помещение – парилка, парильня. Париться – это необходимый элемент всей процедуры: *Баня без пара, что щи без навару; В баню идти – пару не бояться; В бане парко, да не варко* и др. Для этого нужен был горячий пар, имевший лечебную функцию: *Баня без пара, что щи без навару; В бане парок и ладит, и гладит*. Ср. также: *Жаркий пар любой недуг исцелит; Душистый пар не только тело, но и душу лечит; Пар костей не ломит.*

Обязательным и важным атрибутом при этом был веник, что выражается в паремии самыми разными способами: *Веник в бане – всему голова; Без веника баня не парит, а пар не жарит; Веник в бане – над всеми начальник*. В ПЕ используются преферативные структуры и сравнительные конструкции: *Веники для бани, как масло для каши; В бане веник – дорожке денег. Баня без веника – что самовар без трубы.*

В духовной культуре русского народа **приглашение хозяином гостя посетить домашнюю баню хозяев считается проявлением радушия, гостеприимства**: *Напоил, накормил и спать уложил, и в баню сводил*. Существует и особая форма благодарности за баню: *На мыльце, белильце, на шелковом веничке, малиновом паре.*

С другой стороны, смысл отдельных ПЕ служит подтверждением характерной для паремий противоречивости. Так, согласно ПЕ *В бане часто паришься – скорее старишься, пар не только исцеляет, но и наносит вред* человеческому организму. Посещение бани может подвергать жизнь опасности; ср.: *От бани до могилки недалече; Шел в баню на ногах, а из бани на дровнях* – комментарий к ПЕ использует глагол «угорел», т.е. последствия слишком высокой температуры и длительного пребывания в бане оказались для человека слишком тяжелыми.

Посещение бани доставляет русским физическое и душевное удовольствие – Банный веник душу тешит да тело нежит; В бане помылся, как заново родился.

В бане также могут смываться грехи человека – Баня все грехи смоем.

Посещение бани включалось и в свадебные обычаи и связывалось с приметами: *Чтоб молодой не бил жены своей, не надо бить клюкой головешку в бане* (примета); *По рукам, да и в баню* (после принятия решения поженить молодых) и др.

В китайских ПЕ, как мы уже упоминали, компонент *баня* не встречается.

2.2.2. Образы жилых построек в паремиях как носители этномаркированных символических и оценочных смыслов

При работе над данным разделом, посвященном выявлению ценностно ориентированных установок культуры, реализуемых в ПЕ с компонентами-названиями жилища, используются материалы опубликованной статьи: [Селиверстова, Ван Исюань 2021].

В данном параграфе мы исходим из того, что среди лексических номинаций жилища в русском и китайском языках обнаруживается значительный ряд оценочных слов: рус. *палаты, хоромы, дворец, хижина, хибара, угол* и др.; кит. 厦, 殿, 茅屋, 草屋 и т. д. Номинации жилища часто оценочны не только сами по себе, но, будучи включенными в состав ПЕ, вносят оценочное звучание и в семантику русских и китайских ПЕ, в которых отражается различное отношение человека к материальной и духовной жизни, к социальным явлениям – и даже философское их осмысление.

Взгляд на ПЕ с компонентами-наименованиями жилища с позиций их оценочного потенциала перспективен, поскольку образ жилища, в совокупности представлений о его внешнем виде, внутреннем строении и предназначении в целом, является свидетельством материального благополучия / неблагополучия владельца и его семьи, их богатства или бедности, и служит в ПЕ свидетельством отношения говорящих к собственности, шкалы ценностей носителей языка и

культуры. Анализ направлен на выявление идейного своеобразия паремий и ценностного восприятия жилища носителями двух культур.

Как показывает анализируемый материал, наименования жилища в составе ПЕ можно условно разделить на 3 разряда: одни компоненты называют жилые строения, которые доступны только богатым людям (*хоромы, палаты и терем*); другие, наоборот, называют жилище бедняка – убогое, в плохом состоянии (*хижина, угол* и др.); третьи – преимущественно это компоненты *дом, изба, хата* – часто нейтральны, т. е. лишены признаков, указывающих на материальный достаток их владельца. Обратимся к единицам, содержащим номинации строений богача и бедняка, и выражаемым ими представлениям.

Идея социального неравенства, акцент на контрасте принципиально не совпадающих возможностей, состояний и интересов разных людей, реализуется и с использованием образов жилых строений (ср. ирон. *И у нас щи не солены, и у вас жемчуг мелковат*). **Богатое жилье** доступно не каждому, оно **несравнимо с жилищем бедняка**, контрастирует с ним, **вызывая** чувство недовольства, зависти, **ощущение несправедливости**: *Красны боярские палаты, а у мужиков избы на боку*.¹¹ Как утверждает О.М. Мысенко, чужое богатство вызывает «патологическое неприятие, зависть», недоверчивое и ироничное отношение, так как «честным путем богатства не заработаешь» [Мысенко 2011: 161]. Ср.: *Кому новые хоромы, а у меня углы отгнили*.

Мысль о несопоставимости жилья богача и бедняка продолжают и ПЕ с компонентом *Строганов* (прим. 3): *Применил избу да к Строганову двору; Применил собачью конуру ко Строганову двору. Применять* – ‘сравнивать’ [ТСЖВЯ. 3: 427]. Несопоставимы *Строганов двор* – дворец, особняк одного из богатейших людей России¹² – и *собачья конура* – наименование жилища,

¹¹ Нельзя не заметить, что нами не обнаружено ни одной паремии, в которой бы богач похвалялся своим жилищем, или единиц, позитивно, т.е. без иронии и сокрушенности, оценивающих палаты или хоромы.

¹² Строгановы занимали уникальное место в истории и культуре России. На протяжении всей истории своего рода Строгановы «являлись опорой государственной власти, крупнейшим финансистами российского правительства» [Купцов 2005: 4] и очень богатыми людьми,

отмеченного выразительной оценочной составляющей. Ср. образованную по той же модели ПЕ с идеей несопоставимости разных по высоте строений: *Применил свою вышку к Ивану-великому!*

С одной стороны, логичной представляется неизменность контраста в условиях существования и собственности имущего и неимущего. Так, в ПЕ *Мошняковы хоромы в гору, бедняковы под гору ползут* указывается на **рост финансовых возможностей обеспеченного и стабильное ухудшение жилища малоимущего** (*мошняковы* от слова *мошна* – ‘1. устар. Мешок для денег; кошелёк. 2. перен. разг. Деньги, богатство’) [СРЯ.2: 306]. Форма *в гору* здесь может иметь и прямое значение, связанное с высотой здания (представление о хоромах исключает, как правило, низкую постройку), и переносное, актуализирующее семантику ‘улучшение’ (ср.: *Дела пошли в гору*), что также актуально в отношении владельца жилья.

С другой стороны, через контраст образов добротного жилья и убогого реализуется идея **возможного падения, снижения жизненных стандартов тех, кто ранее жил безбедно**: *Из короба в крошки, из терема в овин*. Символ жизненного благополучия вербализован в данной ПЕ дважды – образом наполненного короба, противопоставленного остаткам, крохам, и *терема* (‘1. Высокий – боярский или княжеский – дом в виде башни’ [Ефремова 2000: 764]), контрастирующего со «служебной» постройкой – *овином*, не предназначенным для проживания: это ‘строение для сушки снопов перед молотьюбой’ [ОШ: 442].

Добротность жилого строения, подчеркиваемая определениями *боярские, новые, каменные* (*Родная хижина милее каменных палат*) увеличивает дистанцию между недоступным богатым жильем и собственным – весьма посредственным. Однако **свое обжитое место все же ближе его владельцу и представляет для него ценность**.

Китайская паремика также иллюстрирует идею **возможной утраты социального статуса и материального положения богача**: 富贵无三辈

владевшими, в частности, соляным промыслом. В Санкт-Петербурге купцу Строганову принадлежал особняк на Невском проспекте.

(*Богатство не может длиться три поколения*); 朱门生饿殍，白屋出公卿 (*Дети из домов с красными дверями умрут от голода, а молодые поколения семей, живущих в белых домах, станут высокопоставленными чиновниками*). В буквальном смысле здесь противопоставлены два типа зданий: у китайцев 朱门 – букв. ворота красного цвета – осмысляются как символ богатого дома, знатной, богатой, преуспевающей семьи, вызывающей у неимущих неприятие.

白屋 – белый дом, т.е. некрашенный, перен. ‘дом бедного, нищего человека’; простые люди живут в строении без цветовой отделки и украшений. Это может также относиться и к вытеснению представителей богатых семейств выходцами из бедных. ПЕ допускает трактовку, подчеркивающую особенности поведения людей – представителей семейств разного материального достатка, влекущего за собой существенно различающиеся перспективы: ‘Богатство часто делает людей праздными, ленивыми, транжирами (нет необходимости зарабатывать на жизнь)’, – и это оценивается негативно, а ‘бедность делает людей бережливими, работающими’, что составляет позитивный результат (ср. рус. *Бедность учит, а богатство портит; Денег много, да разума мало*). Идея успеха, достигаемого трудом и целеустремленностью, представлена в русских ПЕ широко: *Богатый – на деньги, а бедный – на выдумки; Кто не ленив пахать, тот скоро будет богат*.

Богатые не всегда исключительно благополучны, у них есть свои проблемы, в то время как в жизни бедняков есть свои радости, свои преимущества, что может служить неимущему утешением. Ср. русские ПЕ *Богатые тоже плачут; Богатому сладко естся, да плохо спится; И без золота в радости живут*.

В паремиях представлена и характерная для русской и китайской ментальности универсальная идея ***отрицания важности богатства, противопоставляемого иным ценностям*** (ср. рус. *На что и клад, когда в семье лад*) – здоровью, душевному равновесию, семейному согласию и проч.: *Здоровый нищий богаче больного короля*; кит. 健康比黄金珍贵 (*Здоровье дороже золота*). В китайских ПЕ важность здоровья подчеркивается особенно часто: 有钱难买一身

安 (букв. *Трудно купить здоровое тело за деньги*); 财主再富汤浇雪, 穷人虽穷硬如铁 (*Богачи богаты, но хрупки, как снег, поливаемый горячей водой, а бедные бедны, но тверды, как железо*); 贫居白屋灾须少, 富住朱门病也多 (*Бедные люди живут в белом доме, но у них меньше проблем, а богатые живут в хоромах с красными воротами, но больше страдают от болезней*). Косвенно здесь выражена и идея закаленности бедняков жизненными трудностями, их стойкости. Ср. опасения китайского богача относительно судьбы его потомков: 不愿金玉富, 但愿子孙贤 (*Не хочу быть богатым и иметь много золота и нефрита, а только надеюсь, что мои дети и внуки будут добродетельными и способными*).

ПЕ *Хотя веселы хоромы, да не больно здоровы* можно рассматривать, как нам представляется, в двух аспектах: не исключено указание на проблемы с самим строением, которое, вероятно, нуждается в ремонте, хотя внешне это не всегда заметно. С другой стороны, звучащая в ПЕ ирония может касаться не одобряемого говорящими образа жизни богачей, недостаточно внимания уделяющим имеющимся проблемам, в том числе – здоровью. Недостаточно быть богатым – важнее быть здоровым.

Интересен показ материального состояния владельца дома за счет акцента на особенностях окон: *Где оконенки брюшинны, тут и жители кручинны; где оконницы стеклянны, тут и жители ветляны* (веселы, приветливы). *Брюшинные окна* – ‘затянутые пленкой из обработанных бычьих внутренностей’; хотя через них было практически мало видно, они позволяли сохранять тепло. Стекланные же окна были не всем доступны и поэтому в них видится признак богатства, а с ним – и основание для веселья.

Отсутствие достойного жилья (т. е. ощутимого материального достатка) не является, согласно многим русским пословицам, удручающим обстоятельством, лишаящим человека надежды и радостей. Не случайно представление о жилище вербализуется в ПЕ, утверждающих приоритетность хороших отношений, любви и согласия. Употребительна и сейчас русская ПЕ *С милым рай и в шалаше о предпочтении любви, расположения возможности жить в богатом доме*

обеспеченного, но «немилого» человека. Ср. близкие по смыслу выражения: *Хоть в лесной избушке жить, да с любимым быть; (Без тебя) пусть высок терем* и др.

Китайская ПЕ рекомендует девушке *«выйти замуж за мужчину по любви (за ровню), а не за хоромы мужчины»*: 会嫁嫁对头, 不会嫁嫁门楼. Компонент *хоромы* символизирует богатство и высокий социальный статус человека.

Тему *предпочтения* иного типа ценностей – чувства сытости, *достаточного количества еды – по сравнению с богатым* (качественным) жилищем продолжают ПЕ *Как хлеба ни куска, так и в тереме [возьмёт] тоска, а как хлеба край, так и под ёлкой – рай. Палата бела, а без хлеба в ней беда.* И хороший дом не мил голодному: *Палата добра, да без хлеба утла.*

В китайской ПЕ богатый дом сравнивают по шкале ценностей с рыбе́й головой – Се юй (одно из вкусных блюд у китайцев): 宁去累世宅, 不去蟹鱼额 (букв. *Уж лучше бросить палаты (крупное жилище), передаваемые из поколения в поколение, чем отбросить рыбе́ю голову Се юй*). Здесь и похвала китайской кухне, и идея предпочтительности хорошей еды качественному жилому строению – второе представляется скорее ироничным.

Нельзя поручиться за то, что дети достойно распорядятся накопленным родителями: *Что бачка (бабушка, отец) промышляет, то сын и дети пропьют и в каменной палате* – здесь вербализуется сомнение родителей в разумности своих детей. Образ *каменных палат* символизирует статус и уровень материального благополучия семьи и косвенно выражает идею несостоятельности избалованных наследников богача.

В китайской ПЕ акценты расставлены иначе: 千间房子万顷地, 就怕没有好子弟 (Даже если у человека дом с тысячей комнат и десять тысяч акров земли, детям следует бояться того, что внуки будут невоспитанными и капризными). Иначе говоря, какой бы богатой ни была семья, богатство не определяет достойного поведения наследников – детей и внуков.

В китайских поговорках, в которых в целом уделяется *большое внимание образованности* (ср.: 宝剑不磨要生锈, 人不学习要落后 – *Если не точить меч,*

он будет ржаветь; если человек не учится, он будет отставать), с понятием важной для человека собственности связывают книгу, чтение: 书中自有黄金屋 (Через чтение (т.е. учебу) обретёшь золотые хоромы). Все словосочетание золотые хоромы – яркая метафора с семантикой ценности, акцентируемой определением золотые.

Собственное жильё как основное бытовое пространство, освоенное человеком, пусть **объективно не всегда презентабельное**, предстаёт в ПЕ как **близкое, дорогое его душе**: Родная хижина милее каменных палат. Родное предпочтительнее, пусть и прекрасного, в высшей степени достойного, но ‘другого’, ‘чужого’: Родная (Своя) хижина лучше чужих палат; Хорош угол, да чужой, плохой, да свой. Неказистость, теснота собственного жилья в ПЕ подчеркивается словами хижина, угол/уголок: Свой уголок хоть боком пролезть, всё лучше. Пусть не самого высокого качества, но собственное жилище служит надёжной защитой от внешних сил: Хоть худ дом, да крыша крепка.

В китайской ПЕ 金窝银窝不如自家的狗窝 (Своя собачья конура лучше золотого и серебряного гнезда) противопоставляются ценностно осмысляемые образы собачьей конуры как символа убогого жилища и гнезда (в русской культуре гнездо также выступает в качестве метафоры дома, жилища; ср.: семейное гнездо), чья ценность подчеркивается определениями золотой и серебряный. Преферативность собственного примитивного жилища по сравнению с замечательным чужим очевидна и в ПЕ 千好万好, 不如自己的土窝窝好 (Как бы у чужих ни было прекрасно, но все же не так хорошо, как в своей глинобитной норке). Китайское изречение 千金难买独自家 гласит, что дом, который станет своим, родным, нельзя просто купить, даже потратив много денег.

Как видно из приведенных ПЕ, русские и китайцы ценят ставшее родным место, порождающее чувство принадлежности ему, и, не претендуя на роскошное жилище, готовы довольствоваться простым образом жизни.

В китайской ментальности немало изречений, **утешающих и обнадеживающих собственников бедного жилища**, повышающих его значимость.

Так, например, *некоторые стороны простого жилища позволяют видеть в них преимущества*: 茅草棚子不透风, 土墙矮屋好过冬 (Крытая камышом хижина не пропускает ветер, в низком жилище с глинобитными стенами легко зимовать).

Носители китайской культуры показывают также в своих ПЕ морально-психологическое состояние владельца бедного жилища: 心安茅屋稳 (Когда живёшь со спокойной совестью, то и в хижине испытываешь ощущения покоя, удовлетворения). *Плохое жильё не мешает человеку жить в мире с самим собой*, ср.: 宁叫心宽, 不叫屋宽 (Лучше сердце широкое [жизнерадостность], чем дом широкий) – важнее большого дома жизнерадостность, оптимизм. *Живущего в хижине родне не придется стыдиться* – так говорит ПЕ 茅屋三间, 子孙不嫌 (Потомки не будут брезговать тремя тростниковыми хижинами). Смысл ПЕ основан на существовавшей в Древнем Китае традиции передачи жилища по наследству: в китайской истории и культуре сохранилось понятие 祖屋 – дома, перешедшие по наследству от предков – «наследственные дома»; потомки жили в жилищах предков, поэтому они не станут брезговать и жаловаться, наследуя только три тростниковых хижины (т. е. у них не будет богатого дома). С другой стороны, согласно китайским представлениям, это может служить стимулом к постановке перед собой и достижению более серьезных задач, к достижению успехов и обретению иного статуса.

Как показывают поговорки, *несоответствие приличного по внешнему виду жилища* – своего или чужого – *его реальному состоянию вызывает ироничное отношение* у носителей русского языка: Палата бела, а (да) дверьми утла; Хоромина хороша, да окошки кривы. Эту тему продолжает и ПЕ Хоромишки, что горшки стоят: ни кола, ни двора, где суффикс в слове хоромишки вносит оттенок уничижительности. С помощью этих выражений возможно выражение недоверия человеку, пытающемуся пустить другим пыль в глаза.

Китайское выражение 亮堂屋, 黑卧房 (тан светлое, а ши тёмное) также имеет иронический оттенок.

Проведенный анализ показывает, что названия жилых строений, используемые в двух языках для оценки их размеров, состояния и качества – русские (*угол, хижина, хоромы, палаты, терем, нора* и др.) и китайские («дом с тысячей комнат», «красная дверь; перен. ‘богатый дом’», «высокие и просторные палаты», «высокий терем», «белый дом; перен. ‘бедный, нищий дом’», «хижина, крытая соломой» и др.) и др. – широко представлены в ПЕ и служат для указания на материальное состояние его владельца, а также для выражения отношения к жилищу и его оценки, для расстановки ценностных приоритетов носителей языка и культуры.

2.2.3. Роль зооморфной метафоры в паремийной трактовке жилища

Антропоцентричность как универсальная категория, «пронизывающая все сферы духовной жизни человека и отражающая процесс осознания человеком своего особого статуса в природе и обществе» [Лещенко 2014: 177], проявляется и в осмыслении и оценке человеком всех видов и типов «жилища». В ходе наблюдений за окружающим миром у носителей языка складывается спектр представлений об условиях жизни различных представителей фауны, что не могло не отразиться и в паремиологическом фонде языка.

С одной стороны, человек отделяет себя от мира животных – ср. присутствующие в словарном запасе ряды слов, номинирующих жилище человека (*дом, изба, палаты, угол* и др.), и наименования жилища животных – *конура, дупло, нора, гнездо* и др. С другой стороны, сфера природного мира выступает в качестве «универсального культурного принципа метафоризации, охватывающего концептуальный каркас картины мира отдельного языкового коллектива» [Маригун 2009: 14].

Как пишет Е.А. Потураева, дом, будучи неотъемлемой частью существования человека, наделен «физическими, социальными, культурными смыслами», и его трактовка «осуществляется через множество других образов, среди которых главное место занимают антропоморфные, зооморфные, фитоморфные и артефактоморфные образы» [Потураева 2010: 72].

Анализ лексического состава ПЕ, в который входят названия наиболее распространенных предметов и явлений окружающего мира, близких и понятных носителю языка и культуры, показывает, что наименования «жилища» животных и птиц также концептуализируются в паремиях и участвуют в выражении определенных коннотаций и оценок. Так, в пословице *На что вороне большие хоромы!? Знай, ворона, свое гнездо!* большим хоромам как жилищу высокого качества, не подходящему вороне, противопоставляется более привычное для нее обычное гнездо. Выражение выражает осуждение слишком высоких запросов или служит комментарием к не удавшейся попытке повысить свой статус, так как **жилище должно соответствовать статусу, общественному положению человека**. В целом мотив несоответствия вороны ее высоким претензиям довольно часто вербализуется в ПЕ; ср. *Не летать вороне в высокие хоромы; Залетела ворона в царские (боярские) хоромы: почету много, а полету нет.*

В целом же компонент *гнездо* не является маркированным исключительно негативно. Наоборот – в устойчивых сочетаниях *родовое гнездо, родное гнездо, родительское гнездо* и в ПЕ *Всякая птица своё гнездо любит; Глупа та птица, которой гнездо свое не мило* гнездо как ‘место, где животные выводят детенышей своих’ [Д.1: 362], окрашено положительно: **жилищем надо дорожить, его обычно любят и берегут**. Здесь, безусловно, отражается важное позитивное восприятие своего – вне зависимости от реального качества жилища – на фоне чужого.

Идея бережного отношения к месту обитания, жилищу отражается в ПЕ, **осуждающих поступки, приводящие к нарушению порядка в собственном жилище**. Здесь немало паремий о птицах: *Худа та птица, которая гнездо своё мараает; Глупа та птица, которой гнездо своё немило; 把自己的窝弄脏的鸟是坏鸟 (Плохая птица пачкает свое гнездо)*. На примере образа сороки формулируется порицание пренебрежительного отношения к своему жилищу, нарушения привычного образа жизни в нем: *Никакая сорока в своё гнездо не гадит (не пакостит)*.

Этот мотив неоднократно повторяется и в ПЕ о жилище (*Свой старенький порог не сменяю на дворок; дворок – ‘двор, поместье’; Хоть худенькая избушка, а*

свой уголок; Всякому свой дом лучше чужого; Родная (Своя) хижина лучше чужих палат и др.), и в изречениях на другие темы: *Лучше свое плохое, чем доброе чужое; Свой квас всегда вкуснее; о семье – Хоть плох муженек, да затулье мое; завалюсь за него – не боюсь никого* и др. Отсюда и **идея похвалы собственным жильем** (*Всякая птица своё гнездо хвалит*), хотя эта мысль вербализуется применительно к различным жизненным сферам: *Всякая лисица свой хвост хвалит, Всякая старина свою плешь хвалит* и др.

Интересно представлена эта установка в китайской ПЕ о преимуществе собственного неказистого и, возможно, неудобного жилища в сравнении даже с эталонными вариантами жилья: 金窝银窝不如自己的狗窝 (*Собаке ее конура лучше/дороже золотого и серебряного гнезда*).

Метафорически жилье, жилище представлено в ПЕ и за счет использования других образов, связанных с миром животных. В русском и китайском языках обнаруживается немалое количество номинаций жилища животных, выступающих в значении ‘неблагоустроенное, тесное жилище человека’: *нора* – 2. ‘перен. Тёмное, неустроенное жилище. Живёт в какой-то норе’ [ОШ: 421]; *конура* – ‘2. перен. Тесное, убогое жилище (разг.). | уменьш. Конурка’ [ОШ: 292]; *хлев* – ‘2. перен. О грязном помещении, грязи в доме (разг. неодобр.). Развести хлев в квартире’ [ОШ: 863]. Некоторые из этих слов мы находим в составе ПЕ.

Так, русские и китайские пословицы указывают на то, что **у каждой биологической особи имеется свое, соответствующее ей, жилище** – таков закон природы: *И псу конурка, и коту печурка; 耗子有个洞, 麻雀有个窝* (*У мышки нора, у воробья гнездо*). Здесь компоненты выступают в своем прямом значении – ‘жилище животного’. Ср. ПЕ *И мышь в свою норку тащит корку*, где упоминается традиционное для мыши место обитания.

Неоднократно вербализуется в ПЕ идея **значимости собственного жилища** – *пусть и небогатого, простого*, но реализующего свою основную функцию: *Приведи Бог и собаке свою конуру; Хороша и собачке своя конура*. Эти ПЕ допускают в своей трактовке и идею важности собственного жилища и для животного, и для человека.

Тенденция к зооморфизму, расширяющему сферу толкования представлений, реализуемых на примере образов животных, на жизненную сферу людей, проявляется достаточно последовательно. Здесь реализуется, например, такая лингвокультурная установка: **«Создание собственного жилища – кропотливая работа, требующая терпения»**: *Мало-помалу птичка гнездо свивает.*

Интересна отсутствующая в русских ПЕ идея, говорящая в китайской паремике о **постоянстве жилища, стабильности места проживания**: 鸟儿不随便换窝 (*Птицы не легкомысленно меняют гнезда*). Интересны китайские однодольные паремии, рисующие очень разные образные картины – 跑了猪, 跑不了圈 (*Свинья убежит, а свиначник останется*; перен. ‘далеко от своего жилища не убежишь’) и 跑了和尚, 跑不了庙 (*Монах убежит, но храм останется*), подтверждающие неизменность и ценность жилища и – шире – места пребывания для человека. Ничего нет лучше уже обжитого, привычного места, пусть и не нового, – говорят китайские ПЕ, например: 兔子满山跑, 还得回自己老窝 (*Кролики бегают по всей горе, но им в конце концов нужно вернуться в свою старую нору*).

В русских и китайских ПЕ вербализуется идея об осторожности, рекомендованной во **избежание привлечения внимания к месту своего проживания** – это может быть опасно, например, для потомства: *Близ норы лиса не ходит*; 兔子不吃窝边草, 老鹰不吃窝下食 (*Кролики не едят траву рядом со своими гнездами, орлы не едят пищу под своими гнездами*). Поэтому в ПЕ осуждается общепризнанная болтливость сороки: *Сама скажет сорока, где гнездо свила.*

Обращает на себя внимание русское изречение, где жилище собаки, выступающее как символ примитивного, неудобного и, наконец, просто недостойного жилья, определенно предназначенного для бедняков, противопоставляется дому богача: *Применил собачью конуру ко Строганову двору*. Смысл пословицы состоит в указании на несообразность факта сравнения двух малосопоставимых объектов: *Строганов двор* – дворец, особняк одного из

богачейших людей России (ср. выраженное иначе: *Сравнил муху с каланчой!*). Паремийный бинот «конура – двор» отражает стереотипные представления о *контрасте между жилищем бедного и богатого*, вызывающем чувство недовольства, зависти, ощущение несправедливости.

Широко представлено в паремике утверждение о важности своего жилища, в котором или рядом с которым любой чувствует себя смелым, сильным, свободным, абсолютно правым. *Всякий пес в своей конуре лют; В своей конуре и собака тигр; В своём гнезде: и ворона коршуну глаза выклюет; На своем пепелище и курица скребет* и др. В этих ПЕ стабильно представлено сочетание двух компонентов – зоонима и названия жилища животного (птицы), составляющих семантическую основу ПЕ, т.е. паремийный бинот.

Этот бинот «животное – жилище» в китайских ПЕ используется при выражении идеи о том, что привычки и поведение людей в истинном свете предстают только тогда, когда человек у себя дома, поскольку там он чувствует себя свободным, а его поведение ничем не регламентируется: *买猪看圈, 娶媳妇看院* (*Покупаешь свинью, следи за свинарником, собираешься жениться – наблюдай за двором невесты*).

В русских пословицах подмечены также и иные стереотипные представления с использованием компонентов – названий жилища животных: о *переменчивости положения, которое может быть то хуже, то лучше: Временем в горку, а временем в норку*; подъем в горку ассоциируется с трудностями, а возможность некой добычи, несомой в норку – с удачей. Ср. также *До поры – у норы, а в пору – в нору*. Паремия намекает также на необходимость терпения, поскольку, как известно, *Всему свое время (свой час)*. Здесь, вероятно, следует говорить уже о философском подходе к понятию своевременности: *Дождемся поры, так и мы из норы <а в пору опять в нору>; До времени не сеют семени; Время руками не удержишь* и др.

Как уже было отмечено выше – в ПЕ о вороне и хоромах – образ жилища животных в ПЕ используется для акцента на важности осмысления собственного положения. Паремии учат *понимать свое место в жизни и обществе и не*

претендовать на большее, не заслуженное: Сиди, собачка, в своей конурке; Малые птички свивают и малые гнезда; кит. 有什么鸟, 有什么窝 (Какова птица, таково гнездо).

Интересно проявляется такое свойство пословиц, как их противоречивость, в следующих примерах. С одной стороны, *狗窝里养不出金钱豹 (Невозможно вырастить леопарда в собачьей конуре)* – метафорически передана идея о том, что **в неблагоприятной окружающей среде и/или при низком уровне качества жизни из человека не получится таланта**, не проявится его величие (ср. также китайскую ПЕ: букв. «Из куриного гнезда феникс не вылетает»). С другой стороны, подобный результат не исключается, о чем говорят такие выражения, как *鸡窝出凤凰 (Феникс вырос в курятнике); Феникс* в китайской культуре и мифологии – символ благородства и богатства; он «издавна почитался китайцами птицей божественной и в высшей степени благовещей» [Сомкина 2008: 288]. Эту же идею вербализует и поговорка *烂猪窝里出好笋 (Хорошие побеги бамбука вырастают из гнилого свиного гнезда).*

Совпадает в двух культурах представление о том, что **две одинаковых особи не могут жить в одном месте**. Ср. рус. *Два медведя в одной берлоге не живут (не уживаются); Двух гусынь в одно гнездо не усадишь*. Ср. кит. ПЕ *一山不容二虎 (На одной горе двум тиграм не жить)*, что исключает возможность сосуществования двоих, конкурирующих по силе и иным параметрам и потому не совместимых. Это ситуация, в которой возможность одному из конкурентов уступить исключается. Берлога, гнездо, тесные для двоих, могут обозначать коллектив, сферу деятельности, область интересов и т.д. Немало в русском языке и иных ПЕ, указывающих на невозможность совместных действий разных особей, например: *Несподручно волку с лисой промышлять; Бык и гусак в паре не пойдут*.

Невозможно и помещение в одно «жилище» (одно место пребывания) хищника и его потенциальной жертвы. Ср.: *Худо, когда волк в пастухах живет, лиса – в птичниках, свинья – в огородниках*, т.е. волк представляет опасность для овец, лиса для кур (*птичник* – помещение для содержания и выращивания птицы),

а свинья – для произрастающих в огороде овощей. Вторит этой поговорке и китайское изречение 羊和狼住不进一个圈里, 鸡和鹁子住不进一个窝里 (*Овца и волк не могут жить в одном овечьем загоне, курица и лунь не могут жить в одном гнезде*).

Имеется в русской паремике и пример *мифологического, сакрального осмысления жилища* – речь идет о пустом дупле: *Из пустой хоромины либо сыч, либо сова, либо сам сатана*, которое обычно может быть занято птицей или белкой. В данном случае все три конкурирующие компонента называют представителей ночного, темного мира – следовательно, опасных для человека.

2.3. Бинарные отношения между компонентами паремий о жилище как основа их содержания

Среди 629 русских ПЕ и 318 китайских ПЕ о жилище, отобранных из фразеологических и паремиологических словарей русского и китайского языков, насчитывается 389 русских ПЕ и 145 китайских ПЕ, в которых нами отмечены бинарные отношения между компонентами, что подтверждает актуальность изучения паремийных биномов и их участия в формировании смысла ПЕ и побуждает нас остановиться на этом вопросе отдельно.

Нами выделены в материале три типа отношений между частями паремийного бинома: отношения тематической общности, семантического контраста и синонимической близости.

Самый большой разряд составляют паремии о жилище, компоненты которых состоят в отношениях тематической общности.

2.3.1. Отношения тематической общности между частями паремийного бинома

При работе над данным разделом используются материалы статьи, опубликованной автором диссертации: [Ван Исюань 2022: 168–173].

В ПЕ наименования жилища вступают в разнообразные бинарные отношения с иными компонентами, которые показывают широкий спектр ассоциативно-

тематических связей и создают убедительную картину особенностей жилища как строения и его функций.

Наименования различного типа строений, предназначенных для проживания, рассматриваются нами как слово-стимул, а ассоциативно связанный с ним в рамках ПЕ элемент – преимущественно это один компонент – составляет с ним весьма устойчивую паремийную пару – *бином*. Это позволяет нам выстроить следующую типологию пословичных биномов, в которых выделяются отдельные разряды в зависимости от того, в каком аспекте рассматривается говорящими жилище.

Первую группу составляют биномы, отражающие представления о жилище как строении, о его устройстве и необходимых составляющих его частях, его месте в хозяйстве.

В русских ПЕ существует целый ряд глаголов, связанных с работой по строительству жилища – например, *дом – строить/ рубить/ построить/ ставить/ поставить*: *Дом для фасада строится; Дурак дом построил, а умница купил; Что нам стоит дом построить: нарисуем – будем жить; Чем врагу яму рыть – построй дом другу; И малый дом большим трудом ставится; Дом поставит – все продать и др.*

В русских ПЕ материал, из которого строится изба, не назван, но на него косвенно указывает глагол *рубить*, инструменты, фигурирующие в этих ПЕ, и упоминание профессий строителей дома: *Не бравшись за топор, избы не срубишь; Без четырех углов изба не рубится; Плотник без топора, что изба без угла.*

Отмечен в паремиях о жилой постройке и материал – используемые преимущественно кирпич и дерево; *дом – дерево/ кирпич*: 鲁班无木难造屋 (Мастер Лу Бань испытывает затруднения со строительством дома без дерева); 一块砖垒不成墙, 一根椽子盖不成房 – Из одного кирпича не сделать стены, из одного *деревянного* столба не построить дом и др.

Во многих ПЕ названы необходимые части жилища как строения – *дом/ изба – крыша/ матица/ окно/ двери/ потолок*: *Хоть дом худ, да крыша крепка / крыта; Дом без крыши живёт – не гниёт и др., Мужик в семье, что матица в избе, Всякий*

дом потолком крыт, Хоромина хороша, да окошки кривы; Палата бела, да дверьми утла; По избе ходит, а дверей не найдет.

В китайских ПЕ в качестве важных частей строения фигурируют *матица* и *фундамент*; *дом/ здание – матица/ фундамент*: 立屋要好梁柱 (Строительство дома требует хорошей *матицы*); 架桥靠桩, 做屋靠梁 – (О качестве дома можно судить по *матице*), 房有基, 船有舵 (У дома есть *фундамент*, а у корабля есть *руль*); 不怕楼房高, 只要根基牢 – Не страшна высота здания, лишь бы *фундамент* был крепок.

Отдельный бином составляют компоненты, устанавливающие четкую связь между основной постройкой и ее подсобными помещениями, примыкающими к жилой части избы и предназначенными для хозяйственных нужд; *изба – сени/ чулан/ клеть/ подклеть*: *Изба ходит, сени говорят; Чулан – другая изба; В избе стережет, а в клетки не ведает. Против избышки и клетка* и др.

Получило отражение в ПЕ и представление о жилых помещениях дома и других обязательных составляющих, предусматриваемых при строительстве; *изба – горница, изба – полати*: *Ходи, изба, ходи, горница, и печка и лавка пляшет. Пошла изба по горнице, сени по полатям.* В китайской паремике – это бином *тан – ши*, выступающий в данном контексте в качестве антонимического: 亮堂屋, 黑卧房 (букв. *тан* светлое, а *ши* тёмное). *Тан* – «показная», открытая для других, а *ши* – тайная, скрытая от чужих глаз.

Весьма своеобразен в русских ПЕ компонент *угол*, входящий в биномы *изба – угол/ углы, хоромы – угол/ углы* и получающий разное осмысление. С одной стороны, строение квадратной или прямоугольной формы не обходится без углов: *Плотник без топора, что изба без угла; Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится (не рубится)* – речь идет о внешних углах здания. В ПЕ *Кому новые хоромы, а у меня углы отгнили* углы упомянуты как признак ветхости жилья.

С другой стороны, по славянской традиции каждый внутренний угол в избе имеет определенное культурное значение и функцию. *Красный (святой, передний)*

угол – самое значимое место в избе, поскольку там размещаются иконы и лампада. *Печной (бабий, подовый) угол* – место, где готовится еда. Это также место, где скапливается мусор, предназначенный для сжигания (*Из избы сору не выноси, а [смети да] в уголок сгребь/ копи*).

ПЕ с компонентом *углы* обнаруживают некоторое противоречие; ср.: *Изба красна углами, обед – пирогами; В своей хате и углы помогают; В своём доме и стены/ углы помогают; Не тесна изба углами – [а] тесна умами*. Углы здесь реализуют значение ‘внутреннее убранство, порядок, чистота’. С другой стороны, эта характеристика жилища не столь важна в сравнении с угощением, которым хозяева встречают гостей: *Не красна изба углами, а красна пирогами*. Угол имеет в русском языке и значение ‘жилище, пристанище’ (обычно в сочетаниях *свой угол, собственный угол, иметь угол* и т.п.) [СРЯ.4: 459]. Ср.: *Хоть худенькая избушка, а свой уголок*.

Из отмеченных в русских ПЕ элементов внутреннего устройства дома наиболее значимым является *печь*, отразившаяся в ПЕ представлении об ее *основной функции – согреть дом и живущих в нем*: *Курна изба, да печь тепла; Добрая то речь, что в избе есть печь; Не хвались печью в нетопленной избе; Ещё то не слеп, коли в избе печь ошупал* и др. Печь – также и место для сна, отводимое чаще детям и старикам: *В избе на печи да есть калачи очень хорошо* и др. (см. о функциях печи подробнее в: Селиверстова 2012; Чернышова 2003).

Китайская ПЕ 房中炉, 屋里炕 (*Печь [должна быть] в доме и кан в комнате*) указывает на источник тепла в жилище – печь и кан.

Вторую группу составляют биномы, отражающие представления о жилище как месте обитания человека и его семьи, где проходит повседневная жизнь и происходят важные жизненные события. Ср.:

рус. *изба – хозяин (хозяйка), дом – хозяин (хозяйка)*: *Чужой долг добром отнеси хозяину в дом; Дом красится хозяином; Коли изба крива – хозяйка плоха; Избушка тёпленька, а хозяйюшка добренька*; кит. 屋 – 主: 家无主, 屋倒竖 – *Хозяина нет, дом перевернется*, т.е. без хозяина в доме нет порядка.

рус. *изба* – *сосед*, *дом* – *сосед*: *Не купи дом, и купи соседа; Иноходец в пути не товарищ, а больной в избе не сосед*; кит. 没有木头支不起房子, 没有邻居过不好日子 (*Без дерева дом не построишь, без соседей не проживешь*). В ПЕ обоих языков вербализуется идея важности выбора соседа, а не самого дома; ср. *Не купи избу, купи соседа* и кит. 房/宅 – 邻: 选房不如选邻 – *Лучше выбрать соседа, чем дом*; 非宅是卜, 唯邻是卜 – *Не дом – угадывать, только соседа – угадать*;

рус. *дом* – *жена*: *Дом купи крытый, кафтан шитый, а жену – непочатую; Долговато на дому, закладать ('отдавать в заклад') придётся жёну*; кит. 屋 – 妻: 人若无妻, 如屋无梁 – *Мужчина без жены, как дом без матицы* – здесь интересно пересечение двух биномов, реализующих также и метафорическое восприятие жены как основы дома;

рус. *изба* – *дети*: *Изба детьми весела*; кит. 房/茅屋 – 子弟/子孙: 千间房子万顷地, 就怕没有好子弟 – *Даже если у человека дом с тысячей комнат и десять тысяч акров земли, детям следует бояться того, что внуки будут невоспитанными и капризными*; 茅屋三间, 子孙不嫌 – *Потомки не будут брезговать тремя тростниковыми хижинами*.

Во многих ПЕ представлен бином, связывающий представление о *доме* (избе) с *гостями*: *В недостроенную избу гостей не приглашают; Просим на избу: красному гостю красное место; Гость в доме – Бог в доме; Гость в дом – что больной зуб*. Ср. кит. 在家没客人, 在外没主人 – *Если не принимаешь гостей в доме, в другом месте не примут тебя*.

В русском языке компонент *дом* часто встречается в ПЕ, говорящих о восприятии своего и чужого. Понятие «свой дом» таит в себе не одно значение: это не только строение, но и семейный уклад, заведенный порядок, поддерживаемая семейная традиция. Ср. ПЕ, акцентирующие внутреннюю свободу и независимость хозяина в своем доме: *Свой дом – не берем; Свой дом – своя и воля; Свой домик – свой простор; Всяк царствует в доме своём; На своем дворе и курица скребёт* – т.е. на своей территории человек испытывает чувство защищенности и покоя.

Русские ПЕ одобряют идею благополучного существования в любом жилище, если человек испытывает положительные эмоции, живет рядом с любимыми людьми: *С милым рай и в шалаше; Без тебя пуст высок терем; Хоть в лесной избушке жить, да с любимым быть; Не куй меня, мати, к каменной палате, прикуй меня, мати, к девичьей кровати!*

В китайских ПЕ связь психологического состояния хозяина с его жилищем отражается следующим образом: 屋/茅屋 – 心: 心安茅屋稳 – *Когда живёшь со спокойной совестью, чувствуешь себя в безопасности даже в соломенной хижине*. Плохое жильё не мешает человеку жить в мире с самим собой: 宁叫心宽, 不叫屋宽 – *Лучше сердце широкое* (т.е. радостное восприятие жизни), *чем просторный дом*.

В китайской паремике дом предстает как богатство, но не материальное, а духовное; для его достижения требуется обучение: 房/屋 – 书: 书中自有黄金屋 – *Золотой дом кроется в книгах*.

Среди наименований прилегающей к дому/жилищу территории самое видное место занимает двор: *двор – изба/ хоромы/ дом*. Ср.: *Двор, что город, изба, что терем; Чей двор, того и хоромы*. Двор отграничивает дом от «внешнего мира»: это подтверждается ПЕ *В избе светло, а на дворе светлей того*, где части бинома участвуют в выражении противопоставления; *Изба крепка запором, а двор – забором; На дворе капнут капли, в доме окна запотели; Была у двора масленица, да в избу не зашла* (Масленица – зд. ‘праздник, символизирующий границу зимы и весны, сулящей тепло’, которого в избе, вопреки ожиданиям, не наблюдается).

Таким образом, изучение паремий двух языков показывает, что жилище (дом, изба и проч.) воспринимается в обеих культурах как жизненно необходимое, залог существования человека. В ПЕ отразились представления о жилище как об объекте бытовой сферы – это касается, в частности, правил, соблюдаемых при постройке жилища, и необходимых его составляющих, типичных для жилой постройки народного типа. Чаще других здесь в русских ПЕ фигурирует *изба* как ценностно-нейтральный «представитель» в ряду наименований жилища и *дом*, который

рассматривается и как строение жилого типа, и как место обитания людей, семьи, хотя в целом спектр наименований жилища в паремике весьма широк (*шалаш, избушка, дом, угол, терем, хоромы* и т.д.). Вместе с тем, в ПЕ обнаруживается и восприятие дома как духовной ценности, гарантирующей свободу и защищенность, как области проявления определенных психических состояний и эмоций, сложившихся отношений.

2.3.2. Отношения семантического контраста и синонимической близости между компонентами бинорма

В многочисленных русских ПЕ, указывающих на различия в поведении человека в своем доме и вне дома, наиболее часто появляются бинормы с антонимическими отношениями между его частями: *дома* ('в своем доме') – *в людях* ('в чужом доме'): *Дома, как хочу, а в людях, как велят; Люби дома, что захочешь, а в людях – что дают; В людях ангел, а дома черт; В людях пьет, да и дома не льет; Дома нет хлеба, так в людях до нови будет; В людях Ананья, а дома не найдешь (а дома каналья).*

Отдельную группу составляют пары компонентов, отражающие сопоставление двух типов жилища с целью акцентировать создаваемый ими контраст по признаку качества и богатства их владельцев: рус. *Красны боярские палаты, а у мужиков избы на боку; Родная хижина милее каменных палат; своя хижина лучше чужих палат.*

Антонимические отношения между частями бинорма отмечены и в китайских ПЕ: 朱门生饿殍, 白屋出公卿 – букв. *Дети из домов с красными дверями умрут от голода, а молодые поколения семей, живущих в белых домах, станут высокопоставленными чиновниками; 贫居白屋灾须少, 富住朱门病也多 – Бедные люди живут в белом доме, но у них меньше проблем, а богатые живут в хороммах с красными воротами, но больше страдают от болезней.* О восприятии жилища с позиции его ценности, отразившемся в подобных ПЕ, см. параграф 2.2.2.

Помимо отношений семантического контраста, между наименованиями жилища как компонентами бинорма в ПЕ обнаруживаются и синонимические

отношения: *Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится* и т. д.

Анализ частотных бинарных отношений между компонентами ПЕ о жилище подтверждает наличие разнообразия ассоциативных связей, на которых основаны выражаемые пословицами идеи и установки; они воссоздают образ жилища, отразившегося в выражениях народной мудрости. Биномы, как и паремийные идеи, служат показателем кросс-культурных различий и сходств в видении объектов окружающего мира.

2.4. Выводы по главе

Подведем итоги проведенного исследования.

1. Обращение к данным толковых словарей русского и китайского языков позволило определить парадигму лексических единиц, номинирующих как сами жилища различного типа, предназначенные для проживания (*терем, дом, изба, хоромы, шалаш* и др.; кит. *房, 屋, 宅, 白屋, 茅屋* и др.), так и их детали (*матица, угол, крыша, стены* и др.) и помещения (*сени, клеть, чулан, горница* и проч.), а также двор как неотъемлемая часть жилища, прилегающая к дому и принадлежащая хозяину, и надворные хозяйственные постройки (*овин, амбар, хлев*). Все вместе эти лексические единицы формируют совокупное представление о доме – это касается как русского жилища, так и китайского.

Различия, безусловно, наблюдаются в частоте включения определенного компонента в состав паремий: в русском материале такими активными компонентами являются *изба, труба, потолок, угол, порог, сени, красный угол, горница, клеть, чулан, овин, хлев* и *баня*, а в китайских паремиях – в сравнении с русскими – частотны компоненты *房檐* «карниз», *地基* «фундамент/основа», *堂* «тан» и *室* «ши».

2. В освещении жилища как строения значительная часть выделенных в ПЕ стереотипных представлений в русской и китайской лингвокультурах совпадает. Это касается выбираемых материалов, важности выбора места для размещения жилища, значимости соседей, неизбежных и ощутимых трудозатрат при

возведении дома, способности дома хранить тепло и т.д. Интересно, что идея бесполезности пустых разговоров вместо реальных действий вербализуется и в русском, и в китайском языках – так же, как и взгляд на размеры жилища, не столь важные для приемлемой жизни.

При этом, однако, выявляются и различия во взглядах русских и китайцев. Русскими отмечается форма дома и типичный инструмент плотника, рубящего дом (*топор*), важность мастерства строителей, в то время как для китайцев важным представляется простор в доме, психологическое состояние владельца. Наглядно полученные результаты представлены в таблице 3 (см. Приложение).

3. В ПЕ обоих языков неоднократно подчеркивается значимость различных составляющих жилой постройки, их основные функции, получаемые ими символические трактовки, отношение к ним человека и возможные ассоциации. Общность взглядов на жилье видится в признании:

- крыши важнейшей деталью дома – надежной, защищающей от непогоды и нуждающейся в постоянном контроле со стороны хозяина;
- важности трубы – при наличии печи в доме;
- ограждающей функции стен, которые, однако не спасают ни русских, ни китайцев от утечки за пределы дома важной информации о семье и ее делах; это же касается и дверей;
- решающей роли матицы;
- функции дверей как границы между домашним и внешним мирами.

При этом отличаются, во-первых, называемые в русских и китайских ПЕ детали жилого строения – в русском языке отсутствуют ПЕ с компонентом *карниз*, а в китайском нет ПЕ с такими деталями, как *угол* и *потолок*, важные для русских паремий. Различны и акценты, расставляемые в ПЕ: например, идея прочности и надежности дома связана у русских с представлением о стенах, а у китайцев – преимущественно с такими составляющими строения, как столбы (колонны), фундамент и матица.

Ассоциативно-символические значения деталей жилища могут как совпадать – так образно воспринимается русскими и китайцами дверь как граница между

двумя мирами, личным, своим и чужим, – так и не совпадать, что позволяет говорить об их национально-специфическом осмыслении. Так, окно у русских ассоциируется с возможностью осуществления контакта с внешним миром, порог же, наоборот, призван служить барьером для приходящего снаружи и символическим знаком при выпроваживании нежелательных визитеров. Не случайно с порогом связаны и суеверия русских. В китайской же культуре восприятие порога совсем иное: высокий порог символизирует и высокий статус, и обеспеченность. Грязь в дымовой трубе, в целом, казалось бы, неизбежная, используется китайцами как образ несчастья. Результаты анализа ПЕ, свидетельствующие об отражении представлений русских и китайцев, связанных с деталями жилища, представлены в таблице 4 (см. Приложение).

4. Внутренняя планировка и членение традиционного русского и китайского домов различны: интересно, что основное жилое помещение русской избы не имело специального названия; *горницей* называли аналогичное китайскому *тан* помещение для приема гостей; этнографы его характеризуют как летнее, неотапливаемое. У китайцев *тан* также свидетельствует об авторитете хозяина и символизирует брак и отношения между мужем и женой. Особенной частью русского дома является *красный угол* – это не только священное место, где располагались лики святых, но и часть помещения, где, как свидетельствуют паремии, располагались только очень уважаемые гости. У китайцев символом личного пространства и возможности уединения служит комната *ши*.

Таким образом, согласно паремиям, не соотносительны с китайскими в строении русского дома такие части, как *сени* и *красный угол*, а также помещения для хранения, складирования – *клеть*, *подклеть*, *чулан*. Национально-маркированными являются два помещения в китайской доме, достаточно широко представленные в пословицах – это *тан* и *ши*. Данные относительно этих не совпадающих в двух культурах стереотипных представлений, вербализованных паремиями, можно увидеть в таблицах 5 и 6 (Приложение).

5. Стереотипные представления о дворе и надворных постройках в русской паремике представлены шире, чем в китайских пословицах. Объяснение этому

видится в различиях в традиционном устройстве крестьянского хозяйства и использовании территории двора. В ПЕ в основном подчеркиваются функции двора и надворных построек, использовавшихся для содержания скота, осуществления отдельных видов работы в рамках сельскохозяйственного цикла, сушки снопов, хранения зерна и др. Важными являются и выраженные в ПЕ представления о дворе как внешней территории по отношению к дому, но принадлежащей хозяину дома и обеспечивающей живущим защиту. Значимой является и способность двора служить показателем благосостояния и трудолюбия хозяина – двор в таком случае воспринимается как совокупность всех построек с учетом их качества и наполнения.

При весьма значительном в целом количестве паремий о бане, баня как строение сравнительно редко освещается в паремиях, за исключением указания на ее общую функцию. Гораздо больше внимания уделяется носителями русского языка особенностям посещения бани, назначению и пользе банной процедуры, ее оценке.

Совпадения между русскими и китайскими паремиями обнаруживаются в трактовке двора как территории при доме и функции забора вокруг него, в указании на функцию амбара и опасность мышей для припасов зерна. В китайских ПЕ надворные постройки фигурируют реже.

Отмечены в паремиях и случаи метафорического осмысления элементов двора. Так, у русских метафорическое значение обретает хлев как символ грязного, неприбранного помещения. У китайцев переосмысление касается забора, воспринимаемого как необходимая мера предосторожности – уже вне связи с дворовой территорией и как основной элемент чего-либо, нуждающийся в поддержке вспомогательными деталями (*«Великому человеку нужны три помощника, забору нужны три кола»*). Результаты выявления стереотипных представлений, связанных с двором и надворными постройками в ПЕ двух языков, представлены в таблице 7 (Приложение).

6. Общность представителей русской и китайской лингвокультур выражается в совпадении ряда идей: о нестабильности состояния богача и возможной смене

благополучия бедностью, о достойном иронии несоответствии внешне приличного жилища реальному состоянию самого строения и / или его хозяев (*Палата бела, да дверьми утла*; кит. «Ган просторное и светлый, а ши темное»), об отсутствии гарантированного благополучия потомков богатых собственников жилья.

Русские и китайцы видят бесспорную ценность любого собственного жилища, даже неприглядного, но вызывающего ощущение свободы и независимости, допустимость любого жилища при имеющихся иных ценностях – любви, браке по любви, отсутствии чувства голода.

Национально–маркированные приоритеты китайцев состоят в хорошем душевном состоянии собственников плохого жилья и возможности получения хорошего образования. По китайской ПЕ, жилище бедняка – хороший стимул в стремлении добиться в жизни успеха. В русских ПЕ акцентируется важность здоровья и любви, согласия.

7. В использовании слов – названий жилищ животных и птиц в составе русских и китайских пословиц наблюдается много общего: они выступают как в прямых значениях при характеристике привычек диких и домашних животных, так и в качестве метафоры жилища человека. При этом обнаруживаются универсальные умозаключения – о важности жилища в жизни человека, о невозможности сосуществования в одном месте, с одной стороны, двух одинаковых особей, а с другой – и двух особей, состоящих в отношениях «хищника» и «жертвы», о важности поддержания порядка в своем жилище и защиты своего дома от агрессии и разрушения и др.

Национально-маркированными являются представления русских о трудности создания жилища, похвальбе своим домом, о переменчивости положения собственника жилья, о несообразности факта сравнения двух домов богача и бедняка, об опасности пустующего жилища.

Лакунарны по отношению к русским такие паремийные представления китайцев: о приверженности имеющемуся жилищу, о типичности поведения обитателей в своем собственном жилище.

В своих метафорических осмыслениях образы жилища животных обнаруживают и сходства – служат, в частности, указанием на низкое социальное положение человека, – и различия: ПЕ о двух медведях в одной берлоге применима к различным сферам деятельности и областям интересов. В китайских ПЕ плохое жилище является метафорой сложной окружающей среды, определяющей возможный успех человека.

Многие ПЕ отмечены ироническим оттенком – в них осуждаются претензии человека на не подобающее ему социальное положение, желание развивать таланты, не будучи обеспеченным, отсутствие порядка в собственном жилище.

8. Анализ бинарных отношений между компонентами ПЕ о жилище подтверждает разнообразие ассоциативных связей, лежащих в основе паремий; они воссоздают образ жилища, каким оно предстает в выражениях народной мудрости – со стороны его особенностей как постройки, его местоположения, структуры, внутренней организации и проч., и со стороны осознания его функций и значения для человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение паремий, выражающих представление о жилище человека, показывает, что оно воспринимается в обеих культурах как жизненно необходимое – залог существования человека, его защищенности и свободы.

Важность жилища как несомненной ценности подтверждается, во-первых, количеством паремий, говорящих о самых разных сторонах этого материального атрибута жизни человека. Во-вторых, об этом говорит количество возможных номинаций жилища, наблюдаемых в лексике двух языков и используемых в качестве компонентов в пословицах. В-третьих – и это представляется нам самым весомым аргументом, – свидетельством важности жилища является многоаспектность его освещения в паремиологическом пространстве. Жилище показано как *продукт деятельности человека* – постройки, осуществляемой с соблюдением сложившихся в культуре условий; как *явление материальной культуры*, в котором сочетаются опыт строительства и традиции содержания дома; как *свидетельство проявления степени человеческой социальности* («свой» – «чужие», «семья» – «соседи» и т.д.); как *проявление образа жизни и характера человека* («трудолюбие» – «лень», «бахвальство», «скромность», «непритязательность» и др.).

Наиболее важным результатом мы считаем выявление совокупности представлений, отраженных в паремиях и свидетельствующих об образе мыслей и ценностных приоритетах носителей двух языков и культур.

Жилище, как важный для человека архитектурный объект, является, несомненно, важной частью национальной культуры, и, хотя базовые элементы строения в русской и китайской культурах во многом совпадают – наличие, в частности, в доме крыши, стен, матицы и др., а при доме – двора с его постройками, – существуют большие лингвокультурные различия между, казалось бы, близкими понятиями. Это определяется естественно-географическими и социально-экономическими условиями жизни этноса, обычаями и традициями, опытом создания жилых и дворовых построек. Такие различия акцентируются и в

словарных определениях, и обнаруживаются в стереотипных представлениях, воплощенных в ПЕ.

Русские и китайцы во многом совпадают в своих взглядах на жилище (включая окружающую его территорию двора) как необходимое – хотя и в разной степени обустроенное – место обитания, бытия человека, его личное пространство.

Выявлены также не совпадающие представления, объясняемые различиями в развитии этноса, его истории и культуры, в традициях жилищного строительства, в критериях определения благосостояния человека и др. Национально-специфическими являются представления русских о соответствии жилища хозяину, о несправедливости существенных различий в жилище богача и бедняка и постоянного роста благосостояния обеспеченных и др. Особенными в китайских ПЕ являются идеи о закаленности бедняков жизненными трудностями, о возможности/невозможности вырастить достойного человека в мало подходящих для этого условиях. Для китайцев характерна в целом озабоченность будущим потомков, которая проявляется и в ПЕ о жилище: «Дети из домов с красными дверями умрут от голода, а молодые поколения семей, живущих в белых домах, станут высокопоставленными чиновниками», включение в систему представлений о жилище установок философии фэн-шуй. Этномаркированы и устойчивые образы домов с красными дверями – в русских ПЕ символика плохого жилья закрепились за компонентами *шалаш, хижина, конура*.

Национальные особенности трактовки жилища, отдельных его частей и функций обнаруживаются и в метафорическом (символическом) осмыслении отдельных компонентов строений – стен, дверей, порога, трубы, окна, опоры (колонны) и др., и в бинарных построениях, демонстрирующих – при наличии ощутимого сходства («дом/ жилище – хозяин», «дом – дети», «дом – жена» и др.) – существенные различия, выражающиеся в отсутствии вербализации определенных ассоциативных связей – в частности, в китайских ПЕ биномов «жилище – клеть (подклеть, чулан)», «жилище – горница» и др. В этом проявляется как экстралингвистическая специфика жилого строения, так и особенности

мировидения, определяющего расстановку этномаркированных акцентов относительно ценности жилища.

Знакомство с приоритетными установками носителей русской и китайской лингвокультур, с особенностями осознания ими границ жилого пространства, важности всех типов строений, входящих в это понятие, и их элементов, с системой ассоциативных связей способствует более глубокому пониманию культуры инофонов и успешности кросс-культурной коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева О. П., Давыдочева М. А. Паремии: к вопросу терминологии в лингвистическом знании // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – №4. – С. 79–83.
2. Алефиренко Н. Ф. Научное и обыденное в языковой картине мира // Вестник ЧелГУ. – 2011. – №24. – С.11–14.
3. Алефиренко Н. Ф. Языковые стереотипы этнокультурного пространства / Н.Ф. Алефиренко // Филология и культура. – 2014. – №3. – С. 11–20.
4. Андреева И. В. Ценностная картина мира как лингвистическая и философская категория // Аналитика культурологии. – 2006. – №6. – С. 7–13.
5. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры»; Изд.фирма «Вост. лит.» РАН, 1995. – 472 с.
6. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // ВЯ. – 1995, – № 1. – С. 91–98.
7. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М. : Учпедгиз, 1957. – 295 с.
8. Баженова Т. Е. Лексика самарских говоров на общеславянском фоне: наименования построек и сооружений для сушки снопов // Поволжский педагогический вестник. – 2019. – №2 (23). – С. 44–51.
9. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян: монография. – Л.: Наука, 1983. – 191 с.
10. Байрамова, Л. К. Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии // Фразеология и когнитивистика: матер. 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 г.): в 2 т. – Т. 1: Идиоматика и познание. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та. педагог. ун-та, 2008. – С. 298–302.
11. Бартминьский Е. Этноцентризм стереотипа: польские и немецкие студенты о своих соседях // Славяноведение. М. : Индрик, – 1997. – №1. – С. 12–24.

12. Бартми́нский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. Перевод с польского. Сост. и отв. ред. С.М. Толстая. – М. : Индрик. – 2005. – 527.
13. Бартми́нский Е. Базовые стереотипы и их профилирование // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре: сб. ст. / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. – М. : РГГУ, – 2009. – С. 11–21.
14. Благова Г.Ф. Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. – М.: «Восточная литература» РАН, 2000. – 222 с.
15. Братчикова Н. С. Цветовая картина мира в финском и русском языковом сознании: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. – 349 с.
16. Бредис М. А. Деньги и богатство в пословицах разных народов (на материале русского, латышского, немецкого и английского языков) // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 234–238.
17. Бредис М. А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 346 с.
18. Будко А. А. Роль и место геомантии в строительном деле традиционного Китая // Общество и государство в Китае. – М.: Вост. лит-ра, 2000. – С. 241–253.
19. Буланова Л. Ю. Язык и ментальность: специфика взаимокорреляции. Язык и ментальность: сборник статей [Текст]; отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2010. – 696 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 5). – С. 15–20.
20. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка / Ф.И. Буслаев. – Москва: Изд-во Юрайт, 2019. – 266 с
21. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. – М., 1993. – 232 с.
22. Ван Аньди. Фразеологизмы и паремии с компонентом-зоонимом в лексико-семантическом поле «Водоёмы» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2019. – №191. – С. 109–116.

23. Ван Исюань. Паремийный бинном как проявление стереотипных представлений (на материале русских и китайских паремий о жилище) // Современный ученый. – 2022. – №6. – С. 168–174.
24. Ван Исюань. Стереотипные представления о русской избе в зеркале пословиц // Научная мысль Кавказа. – 2022. – №1 (109). – С. 117–122.
25. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Современный русский язык: лексикология. Лексикография: хрестоматия и учебные задания. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та., – 1996. – С. 181–191.
26. Воробьев В. В. Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2006. – 331 с.
27. Воробьева Л. Б. Символические смыслы соматизма язык в русских и литовских пословицах // Вестник НовГУ. – 2014. – №77. – С. 105 – 107.
28. Воронцова Т. И. Картина мира в тексте английской баллады: Когнитивная основа и языковая репрезентация: Дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2003. – 398 с.
29. Галимуллина Р. И. Когнитивно-семантическая интерпретация паремий с компонентом зоонимом в татарском, русском и английском языках. Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. – С. 92–94.
30. Глянц М., Пименова М. А., Потапенко В. В. Роль русской печи в жизни восточных славян // Национальные приоритеты России. – 2017. – №5 (27). – С.30–36.
31. Гриченко Л. В. Особенности семантики и функционирования фитонимов в русских пословицах // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 5. – С. 122–129.
32. Гришаева Л. И. Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб, пособие. 3-е изд. , исправ. – М. : ИЦ «Академия», 2006. – 300 с.
33. Джимбеева Л. В. Аксиологическая составляющая языковой картины мира // International journal of professional science. – 2016. – №1. – С. 141–147.

34. Добренъков В. И., Кравченко А. И. Социология. – М.: «Инфра-М», 2001. – 624 с.
35. Зайкина З. М. Универсальные и идиоэтнические особенности паремиологического поля «труд»: контрастивно-динамический и комбинаторно- семантический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Зайкина Злата Михайловна. – Кемерово, 2018. – 24 с.
36. Зайцева А. А. Дом в системе традиционных ценностей русского купечества // Журнал Института наследия (сетевое научное рецензируемое издание). Гуманитарные исследования. –2015. – С.1–5.
37. Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.
38. Зиновьева Е. И., Рохлина Е. К. Стереотипное представление об умном человеке в русской лингвокультуре // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – №9-4 (51). – С.135–143.
39. Зиновьева Е. И., Цао Цзяци Лингвокультурологическое описание русских пословиц с компонентом-названием насекомого (на фоне китайского языка) // Ученые записки НовГУ. – 2020. – №2 (27). – С.14–18.
40. Иванова Е. В. Пословичные картины мира: (на материале англ. и рус. пословиц). – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002. – 155 с.
41. Ильин В. В. Аксиология. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.
42. Калмыкова Е. Л. Паремиологическая картина мира как часть языковой картины мира и категория лингвокультурологии // Вестник Башкирского ун-та. – 2010. Т. 15, – №3(1). – С. 286–288.
43. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С.166–205.
44. Касевич В. Б. Языковые и текстовые знания // Вопросы языкознания. – 1990. – №6. – С. 98–101.
45. Ковшова М. Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Филология и культура. – 2014. – № 4. – С. 115–120.

46. Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
47. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура текста. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
48. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: «Наука», 1990. – 107 с.
49. Конфуций "Лунь юй": Исслед., пер. с кит., коммент. / Л. С. Переломов; Факс. текст "Лунь юя" с коммент. Чжу Си; РАН. Ин-т Дал. Востока. – Москва: "Вост. лит." РАН, 1998. – 588.
50. Копылова В. Е. Фразеология русского языка как отражение языковой картины мира // Лингвокультурология. – 2010. – №4. – С.89–93.
51. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 175 с.
52. Кравцов С. М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека»): дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д., 2008. – 391 с.
53. Красилова Л. А. Русская изба – традиции и современность // Вестник ИрГТУ. – 2011. – №7 (54). – С. 49–55.
54. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
55. Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры: Ч. 1 / Мих. Красовский, преп. Ин-та гражд. инж. имп. Николая I. – Петроград : т-во Р. Голике и А. Вильборг. 1916. – 402 с.
56. Кузнецов А. М. Когнитология, “антропоцентризм”, “языковая картина мира” и проблемы исследования лексической семантики // Этнокультурная специфика речевой деятельности. – 2000. – №2000. – С. 5–12.
57. Кузнецова И. В. Еще раз об эквивалентности паремий разных языков // Rossica Olomucensia XLVI-II. Olomouc: Univerzita Palackého, – 2008. – С. 363 – 366.
58. Кулькова М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.20. – Казань, 2011. – 52 с.

59. Кумахова Дж. Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира (на материале кабардино-черкесского и русского языков): автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Нальчик, 2011. – 28 с.
60. Купцов И. В. Род Строгановых. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2005. – 224 с.
61. Леви-Стросс К. Сырое и приготовленное. – Чикаго: Чикагский ун-т, 1969. – 229 с.
62. Лещенко О. И. Антропоцентричность как универсальный принцип организации языковой картины мира // Світогляд – Філософія – Релігія: збірник наукових праць. – 2014. Вип. 5. – С. 171–179.
63. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ. – М.: Восточная литература, 2010. – 335 с.
64. Ломакина О. В. Паремии в текстах Л. Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // Вестник Орловского гос. ун-та. – №6 (14). – 2010. – С. 217–221.
65. Ломакина О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Уч. зап. Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. Том 7 (73). – №1. – С. 97–107.
66. Ломакина О. В. Очерки русинской фразеологии: монография / О.В. Ломакина, В. М. Мокиенко. М.: РУДН, 2021. – 97 с.
67. Лу Вэйцзе, Соловьев А. К. Особенности и состояние традиционного жилища в Северном Китае // Жилищное строительство. – 2010. – №11. – С.20–23.
68. Малёнова Е. Д. Существует ли языковая картина мира? // Омский научный Вестник. – 2004. – №4 (29). – С.51–54.
69. Маригун Н. И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. – 2009. – № 2. – С. 11–30.
70. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
71. Маслова В. А. Лингвокультурология – провидческий проект В.Н. Телия // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей

- к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2020. – С. 689–698.
72. Натхо О. И. Английские поговорки в языковой картине мира // Язык. Текст. Дискурс: науч. альм. – Ставрополь, 2009. – Вып. 7. – С. 433–439.
73. Никитина Т. Г. Пословицы с компонентами-астионимами: лакунарность и межъязыковой параллелизм // Вестник Псковск. гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. – №4. – 2014. – С. 111–115.
74. Николаева Т. М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в поговорках // Малые формы фольклора: сб. ст. памяти Г.Л. Пермякова / под ред. Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова и др. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», – 1995. – С. 311–324.
75. Ничипорчик Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
76. Обрезков А. А. Языковая картина мира: взгляд изнутри // Ноосферные исследования. – 2015. – №1-2 (9-10). – С.119–128.
77. Поговорковедение без границ: монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова и др.; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М.: РУДН, 2020. – 244 с.
78. Перевалова Д. А. Стереотип «Дом» в разных типах дискурса // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – №384. – С. 27–31.
79. Пермяков Г. Л. Основы структурной поговорковедения. – М.: Наука, 1988. – 235 с.
80. Петрова А. П. Этнокультурная специфика речевого поведения саха // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. – № 12. Ч. 2. – С. 156–160.
81. Плужников В. И. Термины русского архитектурного наследия: Архитектурный словарь. – М.: Искусство-XXI век. 2011. – 424 с.
82. Подюков И. А. Семиотический аспект текста поговорки // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста. – Соликамск. 1999. – 169 с.
83. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток Запад, 2007. – 314 с.

84. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 98 с.
85. Потапова Н. А. Анализ понятий "пословица" и "поговорка" в современной лингвистике // МНКО. – 2016. – №6 (61). – С. 358–361.
86. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 203 с.
87. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. Ред. Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
88. Ртищева О. В. Сравнительный анализ языковой и научной картины мира // Вестник КазГУКИ. – 2012. – №3-2. – С. 118–121
89. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.
90. Саушева Е. В. Роль языковой картины мира в процессе коммуникации // Вестник КГУ. – 2017. – №3. – С. 196–170.
91. Селиверстова Е. И. Опыт выявления пословичного биннома и проблема вариантности // Русский язык в научном освещении. – № 1. – 2009. – С. 182–200.
92. Селиверстова Е. И. Векторы ассоциаций как составляющие паремийного концепта // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: Мат. междунар. научно-практ. конф. / науч. ред. А.М. Мелерович. – Кострома: КГУ, 2012. – С. 94–96.
93. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е.И. Селиверстова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта : Наука, 2017. – 345 с.
94. Селиверстова Е. И. Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. – 2022. – №1. – С. 115-130.

95. Селиверстова Е. И. Рифмованный бином как основа пословицы // Известия ВГПУ. – 2009. – №10. – С. 63 – 66.
96. Селиверстова Е. И., Ван Исюань Жилое строение как свидетельство материального достатка / бедности в русских поговорках на фоне китайских // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2021. – №3 (112). – С. 90–99.
97. Селиверстова Е. И., Цэн Кунь-цзяо. Русские и китайские пословицы с зооанимическим компонентом // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. – Белгород: Изд. дом «Белгород», 2013. – С. 451–456.
98. Семашко Т. Ф. Стереотип как фрагмент языковой картины мира. Филологические науки // Тамбов: Грамота, 2014. – № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. – С. 176–179.
99. Семенов Н. М. Проблемы лингвистического статуса пословиц и поговорок // Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника: матер. междунар. науч.-метод. конф.: в 2 т. Старый Оскол, – 2005. – Т.1. – С. 201–208.
100. Семенов Н. Н. Когнитивно-прагматическая парадигма поговорочной семантики (на материале русского языка): дис. ... докт. филол. наук. – Белгород, 2012. – 417 с.
101. Семенов Н. Н., Лисицына Г. А. Ментальный стереотип как смыслообразующий фактор в ценностных поговорочных репрезентациях // Вестник ВятГУ. – 2015. – №12. – С.85–91.
102. Семенов Н. Н., Кривошеев Г. С. Поговорочная картина мира как проводник этнокультурного стереотипа // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 4. – С. 32–41.
103. Семенов Н. Н. Аксиология поговорок в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – №2. – С. 213–232.
104. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и лингвокультурологии. – М., 1993. – 656 с.

105. Серегина М. А. Речевой менталитет: семантико-прагматический уровень функционирования (на премере паремий) // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – №2. – С. 106–108.
106. Симашко Т. В. Денотативный класс как основа описания фрагмента мира. – Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1998. – 337 с.
107. Скорнякова Р. М. Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2010. – 530 с.
108. Соколова Е. Е., Гурина Р. В. О соотношении языковой и научной картин мира // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – №3. – С. 83–88.
109. Солончак Т. Ю., Песина С. А. Языковая картина мира в культурном аспекте // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – №12. – С. 149–153.
110. Сорокина Н. В. Методическая типология стереотипов как компонент содержания обучения иностранным языкам в вузе // Язык и культура. – 2013. – №3 (23). – С. 120–139.
111. Соседова В. С. Соотношение понятий «Языковая картина мира» и «Менталитет» в современной лингвистике // Вестник МГИМО. – 2013. – №6 (33). – С. 275–279.
112. Сухарева Ю. В. Взаимобусловленность картины мира и языковой картины мира // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2012. – №2 (261). – С. 110–113.
113. Сую Х. Русские паремии с компонентом-зоонимом в лингвокультурологическом аспекте (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – СПб., 2012. – 137 с.
114. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.
115. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., Издательство МГУ, 2005. – 146 с.
116. Тихонова М. А. Оценочная лексика русского языка: проблемы лексикографирования // Вестник МГУП. – 2015. – № 2. – С. 352–358.

117. Тлехатук С. Р. Паремии с зоокомпонентами в разносистемных языках: общее и специфическое в их семантической структуре и интерпретации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2013. – №1 (114). – С. 172–179.
118. Хабибулин Д. А., Романов П. Ю. Ценностное отношение: подходы к исследованию // Вестник ЮУрГГПУ. – 2011. – №12-2. – С. 173–183.
119. Холومهенко О. М., Колычева А. С. Этнокультурные и языковые стереотипы: особенности взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – №6. – С.1900–1905.
120. Чеканова С. А. Роль стереотипов в межкультурном общении // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2017. – Вып. 12. – С. 263–265
121. Черкасский М. А. Опыт построения функционально модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). – М., – 1978. – С. 35–52.
122. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 3–16.
123. Швец Э. И. Стереотипные представления во фразеологии (на материале французского языка) // Преподаватель XXI век. – 2016. – №2. – С. 349–358.
124. Ширяева Т. А., Багинян А. Ю., Натхо О. И. Мудрость веков в языке бизнеса. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе. Когнитивно-дискурсивный аспект. – Казань: Бук, 2017. – 64 с.
125. Щекотихина И. Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2008. – №5 (19). – С. 69–80.
126. Юсупова Л. Г., Кузьмина О. Д. Анималистические паремиологические единицы с обозначениями диких животных в русском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №3-3 (69). – С.193–196.

127. Яковлев А. А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие: обзор российских публикаций последних лет // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – Т. 15. – № 2. – С. 5–20.
128. Яковлена Е. С. К описанию русской языковой картины мира / Е. С. Яковлева // Русский язык за рубежом. – М.: Деловые медиа, 1996. – №1-2-3. – С. 47–56.
129. Якубинский Л. П. Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 128–158.
130. Галло Ян. Когнитивные аспекты антропоцентрического моделирования языковой картины мира // Филологический класс. – 2018. – №1 (51). – С.39–42
131. Ясин А. М. Языковая картина мира и национальный менталитет // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2012. – №1-1. – С. 477–480.
132. 王德春. 词汇学研究. 济南: 山东教育出版社. 1983 年 330 页. Ван Дэчунь. Лексикологические исследования. – Цзинань: Изд-во просвещения Шаньдуна, 1983. – 330 с.
133. 王韧. 古今结合浅谈植物造景中的风水讲究 // 南方农业. 2009 年. 第 6 期. 68–70 页. Ван Жен. Разговор о фэн-шуй в озеленении растений, сочетающий древность и современность // Южное сельское хозяйство. – 2009. – № 6. – С. 68–70.
134. 王寅. 歇后语的体认性 – 基于体认语言学的思考. 当代修辞学 2020 年第 5 期. 29 – 36 页 Ван Инь. Реальность и познание сехоуэй – Размышления о реальности и познании на основе лингвистики // Современная риторика. – 2020. – № 5. – С. 29–36.
135. 王勤. 俗语的性质和范围—俗语论之一. 湘潭大学学报. 1990 年第 4 期. 107–111 页. Природа и объем поговорки – одна из теорий поговорки. // Вестник Сянтанского университета. – 1990. – № 4. – С.107–111.

136. 王艳林. 国际中文教育中的跨文化互动与生成. 语文教学通讯. 2021年9月第9期. 83-85页. Ван Яньлин. Межкультурное взаимодействие и поколение в международном китайском образовании. Информационный бюллетень по китайскому языку. – 2021. – № 9. – С. 83–85.
137. 马真. 园林绿化中植物风水学的运用分析. 现代园艺. 2018年第8期. 35–38页. Ма Чжэнь. Анализ применения растительного фэн-шуй в озеленении // Современное садоводство. – 2018. – № 8. – С. 35–38.
138. 武占坤, 高兵. 试论谚语俗语之分. 汉字文化. 2005年第3期. 19 – 20页 У Чжанькунь, Гао Бин. О различиях пословиц и поговорок // Культура китайских иероглифов. – № 3. – 2005. – С. 19–20.
139. 冯忠良. 教育心理学. 人民教育出版社. 2010. 598页. Фэн Чжунлян. Психология образования. Пекин: Изд-во «Народное образование», 2010. – 598 с.
140. 胡文仲. 跨文化交际学概论. 外语教学与研究出版社. 1999. 209页. Ху Вэньчжун. Введение в межкультурную коммуникацию. Пекин: Изд-во литературы по преподаванию и изучению иностранных языков, 1999. – 209 с.
141. 屈朴. 俗语古今. 石家庄: 河北人民出版社. 1991年 262页. Цюй Пу. Прошлое и настоящее паремии. – Шицзячжуан: Народное изд-во Хэбэя, 1991. – 262 с.
142. 张宏. 中国古代住居与住居文化. 湖北长江出版社. 2006年. 326页 Чжан Хун. Жилище и культура проживания в Древнем Китае. – Хубэй: Изд-во Хубэй Чанцзян, 2006. – 326 с.
143. 赵爱国. 言语交际中的民族文化定型. 中国俄语教学. 2001(04). 55 – 62页. Чжао Айго. Национально-культурные стереотипы в речевой коммуникации. Преподавание русского языка в Китае. – 2001(04). – С. 55–62.
144. 赵晨星. 刻板印象理论与对外汉语教学. 北方文学. 2017年 36期. 第 178–179页. Чжао Чэньсин. Теория стереотипов и преподавание китайского языка как иностранного // Северная литература. – 2017. – № 36. – С. 178–179.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 523 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М.: Гос. изд. худ. литературы, 1957. – 992 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: словарь: в 4 т. – М.: ТЕРРА, 1995. – 723 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Дрофа : Рус. яз., 2000. – 1233 с.
5. Крылов. Г. А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с.
6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка [Текст]: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с.
7. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). – СПб.: тип. Ак. наук, 1912. – С. 37.
8. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1026 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
10. Пословицы, поговорки, загадки... 1986 – Пословицы, поговорки, загадки/ Сост., авт. предисл. и коммент. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. М.: Современник, 1986. – 510 с.
11. Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». – М.: изд-во «ЮНВЕС», 2003. – 704 с.

12. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.
13. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т.1 / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 575 с.
14. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 5 / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2012. – 729 с.
15. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: словарь: в 5 т. Т. 2 / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 702 с.
16. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1 – 4 / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1 – 696 с. Т. 2 – 736 с. Т. 3 – 751 с. Т. 4 – 800 с.
17. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – М.: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. – Т.3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и дол. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.4 (Т – ящур) / Пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стёр. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
20. Чёрных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. Т.1: А – Пантомима. – 624 с.
21. 程荣. 同义词大词典 (辞海版). 上海: 上海辞书出版社. 2010年10月 1151页
Ченг Ронг. Большой словарь синонимов. – Шанхай: Шанхайское изд-во словарей, 2010. – 1151 с.
22. 窦文字, 窦勇. 汉字字源. 吉林: 吉林文史出版社. 2005年. 536页
Доу Вэньюй / Доу Юн. Происхождение китайских иероглифов. – Цзилинь: Изд-во литературы и истории Цзилинь, 2005. – 536 с.
23. 高兵. 汉语熟语的民族研究特色. 河北大学学报. 2005年. 第30卷第6期第64页.
Гао Бин Этнические исследовательские характеристики китайских идиом. Журнал Хэбэйского университета. – 2005. – т. 30. – № 6. – С. 64.

24. 罗竹风. 汉语大词典. 上海辞书出版社. 2020 年第二版第 17 卷. 934 页. Луо Чжунфэн. Большой словарь китайского языка. Шанхай: – Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2020. – 2-е изд. Т. 17. – 934 с.
25. 马国凡, 武占坤. 谚语. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社. 1998 年 377 页. Ма Гофань, У Чжанькунь. Пословица. – Хух-Хото: Народное изд-во Внутренней Монголии, 1998. – 377 с.
26. 南致善, 黄长霏. 大俄汉词典. 北京: 商务印书馆. 1985. 2737 с. Нань Чжишань, Хуан Чанпэй. Большой русско-китайский словарь. – Пекин: Коммерческая пресса, 1985. – 2737 с.
27. 宁架. 谚语. 格言. 歇后语. 武汉: 湖北教育出版社. 1985 年 77 页. Нин Джу. Пословицы. Афоризмы. Сехоуюй. – Ухань: Изд-во просвещения Хубэй, 1985. – 77 с.
28. 商务印书馆辞书研究中心 新华成语词典(第二版). 北京: 商务印书馆 2015 年 4 月 1185 页 Исследовательский центр словаря коммерческой прессы. Словарь фразеологизмов Синьхуа. 2-е изд. – Пекин: Пекинская коммерческая пресса, 2015. – 1185 с.
29. 王捷, 徐建华, 刁玉明. 中国俗语. 上海文艺出版. 1992 年 402 页. Ван Цзе, Сюй Цзяньхуа, Дяо Юйминь. Китайские поговорки. Шанхай: Изд-во литературы и искусства, 1992. – 402 с.
30. 温端政. 歇后语. 北京: 商务印书馆. 1985. 147 页. Вэнь Дуаньчжэн. Се Хоую. – Пекин: Коммерческая пресса, 1985. – 147 с.
31. 温端政. 中国谚语大辞典 上海辞书出版社 2011 年 638 页 Уэнь Дуаньчэн. Большой словарь китайских пословиц. – Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 2011. – 638 с.
32. 温端政, 周荐. 二十世纪的汉语俗语研究. 上海: 上海出版社. 2000 年 408 页. Вэнь Дуаньчжэн, Чжоу Цзянь. Исследование китайской пословицы XX века. – Шанхай: Шанхайское издательство, 2000. – 408 с.
33. 温端政. 汉语语汇学. 北京商务印书馆 2005. 451 页. Вэнь Дуаньчжэн. Китайская лексикология. – Пекин: Коммерческая пресса, 2005. – 451 с.

34. 温端政. 中国俗语大辞典. 上海: 上海辞书出版社. 2011 年 1137 页. Вэнь Дуаньчжэн. Большой словарь китайских поговорок. – Шанхай: Шанхайское издательство словарей. 2011. – 1137 с.
35. 温端政. 谚语. 北京: 商务印书馆. 2000. 142 页 Вэнь Дуаньчжэн. Пословицы. – Пекин: Коммерческая пресса, 2000. – 142 с.
36. 徐宗才. 俗语词典. 北京: 商务印书馆. 1994 年 1043 页. Сюй Цзунцай. Словарь пословиц и поговорок. – Пекин: Коммерческое изд-во, 1994. – 1043 с.
37. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典 (第七版). 北京: 商务印书馆. 2016 年 9 月. 1800 页. Редакция словаря Института языкознания Китайской академии социальных наук. Словарь современного китайского языка (7-е изд.). – Пекин: Коммерческая пресса, 2016. – 1800 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. БСРП – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1026 с.
2. Д – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: словарь: в 4-х т. Т. 1 – 4. – М.: тип. М.О. Вольфа, 1880–1882. Т. 1 – 808 с. Т. 2 – 810 с. Т. 3 – 582 с. Т. 4 – 710 с.
3. ОШ – *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
4. СРНГ – Словарь русских народных говоров [Текст]: словарь: в 46 вып. Вып. 7 / под ред. Ф.П. Филина и Ф. П. Сороколетова. – Л.: Издательство «Наука», 1972. – 356 с.
5. СРЯ – Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1 – 4 / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1 – 696 с. Т. 2 – 736 с. Т. 3 – 751 с. Т. 4 – 800 с.
6. ССКЯ – 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典 (第七版). 北京:商务印书馆. 2016 年 9 月. 1800 页. Редакция словаря Института языкознания Китайской академии социальных наук. Словарь современного китайского языка (7-е изд.). – Пекин: Коммерческая пресса, 2016. – 1800
7. ТСЖВЯ – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: словарь: в 4 т. – М. : ТЕРРА, 1995. – 723 с.
8. ТССРЯ – *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант. 2014. – 800 с.

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. БРКС – Большой Китайско-Русский Словарь [Электронный ресурс] <https://bkrs.info/?ysclid=lambzushah232545895>.
2. Колесов В. В. 2004 – *Колесов В. В. Язык и ментальность.* – СПб.: Петербургское Востоковедение. – 2006. https://royallib.com/read/kolesov_vladimir/russkaya_mentalnost_v_yazike_i_tekste.html#40960.
3. Никитина 1993 – Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука. – 1993; http://philologos.narod.ru/nikitina/Part_25.htm.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Таблицы, демонстрирующие результаты анализа стереотипных представлений (разделы 2.2.1.1. – 2.2.1.3, 2.2.1.6. – 2.2.1.7.)

Таблица 3. Стереотипные представления о жилище (кит. 房, 屋, 宅) в русских и китайских поговорках

Стереотипные представления	в русских поговорках	в китайских поговорках
Основной материал – дерево	+	+(и кирпич)
Основной инструмент при строительстве – топор	+	–
Четырехугольная (прямоугольная) форма	+	–
Важность мастерства при строительстве	+	–
Требование усилий, финансовых и временных затрат	+	+
Пустыми разговорами не построить дом	+	+
Предпочтительное местоположение	+(высокий, недалеко от проложенной дороги)	+(дом, не обращенный на север)
Важность соседа	+	+
Жилище как способ избежать контактов (и конфликтов) с другими людьми	+	–
Способность хранить тепло	+	+
Вторичность размера жилища (он не важен)	+	+(важнее психологическое состояние человека)
Просторное жилище улучшает репутацию владельцев	–	+

Таблица 4. Стереотипные представления об отдельных элементах жилого строения в русских и китайских поговорках

Элементы жилища	Стереотипные представления	В русских поговорках	В китайских поговорках
крыша/кровля	Важность крыши как обязательной части жилого строения	+	+
	Защита от непогоды	+	+
	Необходимость своевременного ремонта крыши	+	+
	Крыша должна быть надежной, прочной	+	+
	Нужно поддерживать надлежащее состояние крыши	+	+
	Крыша символизирует дом в целом и близость домочадцев	+	–
карниз	<i>Под карнизом</i> – символ дома как целого; перен. указание на статус и авторитет	–	+
труба	Функция: выводить дым наружу	+	+
	Важность трубы	+	–
	Чернота от сажи внутри	+	–
	Грязь в трубе символизирует несчастье	–	+
стены	Функция барьера, ограждения, защиты	+	+
	Твердость и прочность	+	–
	Надежность, привычность: позволяет ощущать уверенность и поддержку	+	–
	Стены не гарантируют сохранности секретов и проблем	+	+
	Символ результата труда, осуществить который можно только путем применения коллективной	–	+

	силы		
	Правила, которых придерживаются при возведении стен	–	+
фундамент/ основа	Глубина и ширина фундамента жилища важны для возведения стен	–	+
	Неразрывную связь между надежностью фундамента и качеством жилища		+
матица	Строгий подход к вопросу о пригодности материала для матицы	+	–
	Решающая роль матицы при постройке жилища	+	+
	Некачественная матица портит все строение, менее значимые его детали. Метаф. ‘руководитель, старший’.	–	+
	Матица ассоциируется с главой семьи	–	+
столб/ колонна /опора	Важность столба/колонны при возведении	+	+
	Основное требование – прочность	+	+
	Достоинство колонны в ее неподвижности, прочности, прямизне	–	+
крыльцо	Крыльцо связано с возможностью приема гостей	+	–
	Метаф. лицемер, двуличный человек	+	–
	Неловкая ситуация	–	+
угол	Важность углов	+	–
потолок	Важность потолка	+	–
	Свой потолок как свой дом	+	–
дверь	Закрытая дверь позволяет отграничить жизнь внутри от происходящего снаружи	+	+

	За закрытыми дверями семья может вести откровенные разговоры	–	+
	Двери не могут обеспечить абсолютную безопасность и неразглашение личных секретов	+	+
	Хорошее не должно выходить за двери (помогать надо своим)	–	+
окно	Возможность осуществления контакта с внешним миром	+	–
	Традиция подавать на хлеб бедствующим и нищим через окно	+	–
	Окно – источник слухов	+	+
	Происходящее за окном влияет на сосредоточение человека	–	+
порог	Значимость порога как своеобразного барьера, отделяющего дом от внешнего мира	+	–
	Порог – начало дома; встреча гостя на пороге/ у порога – знак особого уважения	+	–
	Указать порог значит выгнать кого-л.	+	–
	Порог как «символическая межь» между жилищем и внешним миром	+	–
	Высокий порог – символ богатства	–	+
	Метаф. высокий порог – высокое требование	–	+
запор, замок	Обеспечение безопасности, сохранности дома	+	–

Таблица 5. Стереотипные представления о помещениях жилого строения в русских поговорках

Названиями помещений русского жилого строения	Стереотипные представления в русских поговорках
Сени	Не следует недооценивать жилище другого По сеням можно судить о жилище в целом
Красный угол	Красный угол предназначен для почетных гостей
Горница	Неотапливаемое помещение
	Место для приема гостей
Клеть, подклеть, чулан	Помещения для хранения В клетях есть что взять (вору) Близость клетки от основного жилого помещения
Горница, сени, чулан	Синонимы слов <i>дом, изба</i>

Таблица 6. Стереотипные представления о помещениях жилого строения в китайских поговорках

Названиями помещений китайского жилого строения	В китайских поговорках
Тан	Значимое и обязательное помещение
	Центральное помещение в доме китайцев, символизирующее целый дом
	Место для приема гостей
	Тан отражает благосостояние хозяина
	Качество тана ассоциируется с престижем семьи
	Тан символизирует состояние в браке, семейные отношения мужа и жены
Ши	Ши ассоциируется с личным (тайным) пространством человека
	Темный ши обозначает 'втайне' и 'бесчестность'
	Ши символизирует семью
	Ши расширяет свое значение как номинация постройки в целом

Таблица 7. Стереотипные представления о дворе и надворных постройках в русских и китайских поговорках

	Стереотипные представления	В русских поговорках	В китайских поговорках
Двор	Двор – это территория вокруг дома/ при доме, принадлежащее хозяину дома и его семье	+	+
	Хозяйство во дворе включает постройки	+	–
	Двор силен хозяином	+	–
	Двор обеспечивает преимущества: защиту, чувство свободы и силы живущих	+	–
	По отношению к дому двор представляет собой «внешний» круг	+	–
	Во дворе трудятся мужчины	+	–
	Место проведения некоторых работ сельскохозяйственного цикла	+	–
	Двор – место содержания животных и скота	+	–
	Показатель материального состояния хозяина	+	–
	Отсутствие имущества на территории двора – это знак лени хозяина	+	–
	Наличие во дворе деревьев гарантирует дому и его хозяевам благополучие и процветание	–	+
	Двор предпочтительнее иметь большой	–	+
	Неудобство маленького двора компенсируется наличием большой семьи	–	+
Забор	Двор ограничивается забором	+	+
	Назначение забора – отграничить двор от внешнего мира и защитить	+	+
	Метаф. Основной элемент, держащийся (устойчивый) за счет вспомогательных деталей	–	+
	Метаф. Мера предосторожности	–	+
Овин	Служит для сушки снопов, обмолота зерна	+	–
	Пожароопасность овина	+	
Амбар	Амбар предназначен для хранения зерна после обмолота	+	+

	Полный амбар служит показателем достатка	+	+
	Ассоциативная связь амбара с мышами	+	+
Хлев	Хлев – специальное помещение во дворе для скота	+	–
	Некачественное жилище	+	
Баня	Помещение для очищения тела от грязи с применением горячей воды	+	–
	Место, посещаемое для укрепления здоровья, для лечения	+	
	Баня предназначена не только для мытья	+	
	Приглашение хозяином гостя в домашнюю баню – проявление радушия, гостеприимства	+	
	Посещение бани доставляет физическое и душевное удовольствие	+	
	В бане могут смываться грехи человека	+	

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Manuscript copyright

Wang Yixuan

**STEREOTYPICAL REPRESENTATIONS OF RESIDENTIAL AND
COURTYARD BUILDINGS IN RUSSIAN PAROEMIAS ON THE
BACKGROUND OF CHINESE: LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT**

Scientific specialty 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia

DISSERTATION

for a scientific degree of Candidate of philological sciences

Translation from Russian

Scientific adviser:
Doctor of Philological Sciences
Seliverstova Elena Ivanovna

Saint Petersburg

2023

CONTENTS

INTRODUCTION.....	160
CHAPTER 1. THEORETICAL FRAMEWORK FOR THE STUDY OF RUSSIAN AND CHINESE PAROEMIAS IN THE LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT.....	171
1.1 Fundamentals and principles of linguoculturology as a science.....	171
1.1.1. <i>Linguistic picture of the world — the basic concept of linguoculturology</i>	172
1.1.2. <i>Paroemiological picture of the world as a fragment of a linguistic of the world</i>	178
1.2. <i>Paroemiological space of language: basic concepts and observations</i>	181
1.2.1. <i>The performance of paroemias in Russian linguistics</i>	182
1.2.2. <i>Interpretation of paroemias in Chinese science</i>	186
1.2.3. <i>Binary relations as a property of paroemiological space of language and the basis of paroemias</i>	190
1.3. <i>Stereotypical representations in their reflection by units of language</i>	194
1.4. <i>Conclusions of Chapter 1</i>	200
CHAPTER 2. RESIDENTIAL AND COURTYARD BUILDINGS IN RUSSIAN PAROEMIAS ON THE BACKGROUND OF CHINESE: LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT.....	203
2.1. <i>Vocabulary with the semantics ‘residential and courtyard buildings’ in Russian and Chinese: lexicographic aspect</i>	203
2.2. <i>Linguocultural potential of Russian paroemias about residential and courtyard buildings on the background of Chinese paroemias</i>	211
2.2.1. <i>Stereotypical representation about dwelling in Russian and Chinese paroemias</i>	212
2.2.1.1. <i>Paroemias as evidence of the traditions and rules of building a house</i>	212
2.2.1.2. <i>Stereotypical representation about the role and functions of individual elements of a residential building</i>	217
2.2.1.3. <i>Linguocultural view of the boundaries between the internal space of the dwelling and the outside world</i>	226
2.2.1.4. <i>Paroemia rules and guidelines for home maintenance</i>	229
2.2.1.5. <i>Expression in paroemia of a person’s relationship to dwelling</i>	230

2.2.1.6. <i>Paroemias with components-denominations of premises of a residential building</i>	237
2.2.1.7. <i>Paroemias with components-denominations of the courtyard and outbuildings in Russian and Chinese languages</i>	242
2.2.2. <i>Images of residential buildings in paroemias as carriers of ethno-marked symbolic and evaluative meanings</i>	249
2.2.3. <i>The role of zoomorphic metaphor in the paroemial interpretation of dwelling</i> .	256
2.3. Binary relations between the components of paroemias about dwelling as the basis of their content.....	262
2.3.1. <i>Relationships of thematic commonality between parts of the paroemial binomial</i>	262
2.3.2. <i>The relationship of semantic contrast and synonymic proximity between the components of the binomial</i>	267
2.4. Conclusions of Chapter 2	268
CONCLUSIONS	274
REFERENCE LIST.....	276
LIST OF DICTIONARIES AND SOURCES.....	289
LIST OF USED ABBREVIATIONS	293
LIST OF ELECTRONIC SOURCES	294
APPENDIX. Tables showing the results of the analysis of stereotyped representations (sections 2.2.1.1.–2.2.1.3, 2.2.1.6.–2.2.1.7.)	295

INTRODUCTION

This dissertation research is devoted to the linguoculturological study of stereotypical representation about dwelling in Russian paroemias against the background of the Chinese language.

Paroemia serves as an object of linguoculturology, since it reflects, along with other units of the language, the features of the ethno-marked linguistic picture of the world, which captures social and everyday life, history, traditions, culture, mentality of native speakers.

Therefore, paroemias, representing a kind of encyclopedia of Russian life, serve as a promising material for studies of linguistic, cultural, comparative, cognitive nature. At present, this material is used when covering various fragments of the linguistic picture of the world of representatives of individual cultures, in the study of various cultural codes – food, costume, zoomorphic, meteorological, etc. (see the works of O.Ya. Abyyaka, Yu.D. Apresyan, Yu.N. Karaulov, V.B. Kasevich, M.L. Kovshova, N.N. Semenenko, E.A. Yurina, V.L. Moiseeva, V.M. Mokienko, V.N. Teliya, E.I. Seliverstova, E.S. Yakovleva, etc.).

Paroemias, being very specific units, demonstrate originality in the ability to capture stereotypical representation – both coinciding among representatives of different cultures, and significantly different, indicating a different vision of the world around them, often a fundamentally different assessment of what is happening, as well as the behavior and actions of people. Along with this, paroemia also reveals specificity in linguistic design: this folklore work, which is insignificant in volume, is characterized by a special rhythm, rhyming, vivid metaphor, lexical redundancy, the so-called, according to V.I. Dahl, “embellishments”, etc., which together constitute a certain “paroemiological standard”, which, when compared, in particular, Chinese and Russian paroemias, reveals a noticeable national identity.

All this makes it very productive and significant to study the paroemias of two or more languages in the linguoculturological aspect – in order to identify similarities and differences both in the stereotypical representation and mental attitudes themselves, represented by paroemias, and in the ways of their representation. This is evidenced by

the works built on the material of two or more languages: the monograph by M.A. Bredis, dedicated to the concept of “Money and monetary relations” and based on the material of six languages; works of E.I. Zinovieva and her paroemiological school, works by E.I. Seliverstova, E.K. Nikolaeva, I.V. Kuznetsova, and others, addressed to Czech, Polish and other Slavic set expressions, studies by G.Sh. Khakimova, E.S. Abaeva, M.Yu. Romanyuka, Yu.A. Zakirova and others, addressed to various aspects of the life of speakers of different languages (Russian, English, French, German, Italian, etc.) and constituting a special trend in modern science.

The **relevance** of this study is due, firstly, to its involvement in the problems of the anthropometric paradigm of linguistic research, especially in the modern scientific discipline – linguoculturology, which studies the relationship and interaction of culture and language.

Secondly, dwelling as an everyday space, closely connected with human life from ancient times to the present day, belongs to the category of basic vital needs – not only as a material property of a person, but also as an essential component of his spiritual life. The study of stereotypical representation about dwelling in Russian and Chinese paroemias allows us to identify not only the universal in the vision of the world, but also to identify ethno-marked representation about the world and man among speakers of two distant languages and cultures.

Thirdly, paroemias as special units, important in the aspect of conceptualization of axiologically marked entities in the picture of the world of native speakers, should be taken into account when teaching a foreign language, especially since they present certain difficulties in mastering. As a carrier of cultural information, paroemias do not always verbalize it explicitly, but always require an appropriate linguocultural commentary in order to understand the implicit cultural and linguistic content and values of peoples presented in them.

The **novelty** of the research is determined by the fact that, firstly, the object we have chosen for research – paroemias, which reflect the representation of Russians and Chinese about dwelling, various buildings and their parts – has not been studied in the linguoculturological aspect; secondly, in Russian and Chinese paroemias, the

denominations of dwellings enter into a variety of binary relations, indicating a wide range of associative and thematic connections and creating a convincing picture of the features of dwellings as a structure and its functions; thirdly, many nominations of dwelling, being included in the composition of the PU, make an evaluative sound in the semantics of Russian and Chinese sayings, which reflect the different attitude of a person to his material and spiritual life, to social phenomena, and even their philosophical understanding. The evaluative component of the meaning of these words should not be underestimated – it determines the semantics of the entire expression.

Dwelling is the basis of life, it is the most important component of folk culture, determined by the natural geographical and socio-economic conditions of the ethnic group, customs and traditions in the creation of residential and courtyard buildings. It is no accident, therefore, that in paroemias as units that reflect the features of the material life of a native speaker people, storing folk wisdom regarding various things, a significant number of units “speak” about the *izba*, the house, the yard adjacent to the house, and other buildings: *The izba is not red in the corners, and red with pies; Houses and walls help; Call to the yard, but don't let it out of the yard*, etc. It reflects not only the experience of the life of previous generations, the features of the Russian dwelling, which is not just a residential building (*izba*), but a whole yard fenced with wattle or a fence, in which there were other buildings for household purposes. This revealed the traditional features of residential and courtyard buildings associated with the way of life of the people and their customs.

This paper discusses paroemias that characterize the house and courtyard buildings and their parts – their inclusion in the composition of the PU is connected not only with the reflection of the role and functions of buildings in a person's everyday life: *A izba with four corners is being built; The house is not large, and it doesn't tell you to lie down* – ‘about the big troubles associated with housekeeping in the house’; *Our gornitsa does not argue with God (not a dispute)* – ‘about the main living quarters of the *izba*, at home’. No less significant is the understanding of the parts of the house and household in terms of their importance (to compare: *Do not knead thickly, as if the amber is empty*; an empty amber is a symbol of the absence of grain, that is, food) – here, for example, one can note

the special role of the stove (*Old and small place on the stove; It's good to plow on the stove, but wrap it up cool; Angry at fleas, but a fur coat in the stove*), and endowing them with symbolic meanings, their rethinking (*In his yard, even a chip beats: the yard is perceived as a guarantee of security, protection; There is in the amber, it will be in your pocket: the amber is a place where supplies are stored, a symbol of security, wealth; walls – symbolize safety and security (Houses and walls help)*), etc.

The Chinese language also has a significant number of paroemias that reflect the idea of the Chinese about their home, its structure, the role in the life of the ethnic group, about the special meanings that are endowed in culture with words like the lexemes house, column, tang, shi, etc., for example, 与人不睦，劝人盖屋 (*If you are on bad terms with another, persuade him to build a house*); 一根柱子动，根根房梁摇 (*One column moves, each mat shakes*); 心宽不在屋宽 (*The breadth of the heart does not depend on the size of the house*); 亮堂屋，黑卧房 (*Tang is light, and shi is dark – we are talking about special rooms in a Chinese house, which will be commented on below*), etc.

The object of the study is Russian and Chinese paroemias with components – the denominations of the dwelling, its parts and various premises of the house. The subject of the research is the stereotypical representation about dwelling, verbalized in Russian and Chinese paroemias, their linguocultural potential and the degree of possible similarity and differences between the units of the two languages and the stereotypical representation expressed in them.

The **hypothesis** of this study is the assumption that the study of paroemias that highlight the features of folk life associated with the most important value – dwelling, will provide not only ethnographic information about the structure of the traditional Russian house, but also information about the degree of its importance in human life, about the various vectors of its comprehension, about the range of associative links that include dwelling. Consideration of Russian paroemias against the background of Chinese ones allows both to reveal the common in stereotypical representation about the house, its parts and the adjacent territory, and to note the nationally marked vision of the dwelling by the bearers of different cultures: differences in the nomenclature of dwelling details

and related linguocultural attitudes, expressed in paroemias, in the accents and verbalized connections of the dwelling with other aspects of the life of the ethnic group, in the use of various elements of the figurative system of the language, in the structure of the PU.

The **purpose** of the work is to conduct a linguoculturological study of Russian paroemias against the background of Chinese paroemias that verbalize representation about residential and courtyard buildings of Russians and Chinese, to identify and comment on the connotative, standard-symbolic and axiological content of paroemias and their individual components; identify and systematize the main stereotypes and the degree of their universality or, conversely, the national specifics in them, explained by differences in historical development, everyday life and traditions, culture, etc.

The set purpose implies the addressing of following **objectives**:

1. to describe the theoretical basis of the study based on the analysis of scientific literature on the main issues covered;
2. to determine the composition of lexical units that nominate a dwelling and its parts in Russian and Chinese, the nature of their lexicographic development and the degree of their possible participation as components in the composition of paroemias;
3. to select units from Russian and Chinese paroemiological dictionaries that represent stereotypical representation about dwelling;
4. to carry out a linguoculturological analysis of the paroemias under study and propose a classification of the selected paroemias in terms of the cultural attitudes and stereotypes reflected in them;
4. to highlight the main semantic, connotative, symbolic meanings that are significant for paroemias that verbalize representation about residential and courtyard buildings;
5. to identify binary oppositions common to paroemias of two languages and lacunar for one of them, which form the basis of the grammatical and figurative structure of paroemias;
6. to carry out a comparative analysis of the images of residential and courtyard buildings used in the paroemias of the Russian and Chinese languages in order to identify

their similarities and differences and to establish the reasons for the manifestation of lacunarity in one of the languages.

The linguoculturological aspect of the consideration in this study of paroemias that verbalize stereotypical representation about the dwelling, the adjacent territory and the courtyard buildings located on it involves the use of the following **methods** and **techniques**: taking a continuous sample from the dictionary “Proverbs of the Russian people”, “Big Dictionary of Chinese Proverbs”, “Big Dictionary of Chinese Sayings” and a partial sample of units from the “Big Dictionary of Russian Proverbs”; descriptive method; historical and etymological method, method of component analysis; methods of semantic and linguocultural analysis; comparative method; methods of stylistic characteristics and quantitative calculations.

The specifics of comparative linguoculturology, if we follow the position of V.V Vorobiev and R.Kh. Khairullina (2014), requires the following **principles** to be observed in the study, which we will adhere to:

linguoculturological, which involves taking into account the unity of linguistic and extralinguistic essence, that is, fact of culture;

the principle of “otherness”, which, with a comparative culturological approach, is realized not through the assessments of “good” – “bad”, but through the interpretation of the ethno-marked material of the language as “demonstrating a different way of representing what is present as a concept in the language of a carrier of another culture”;

the explanatory principle (from the English explain), according to which explanations of the identified cultural differences in semantics are required, motivated by deep differences in the worldview and worldview of the people, etc. [Vorobiev, Khairullina 2014: 54].

The **material** for the study was 629 Russian units and 318 Chinese paroemias extracted from the following dictionaries of paroemias: “Proverbs of the Russian people” by V.I. Dahl; “Big Dictionary of Russian Proverbs” V.M. Mokienko, T.G. Nikitina, E.K. Nikolaeva; “Big Dictionary of Chinese Proverbs” Wen Duancheng; “Big Dictionary of Chinese Sayings” Wen Duancheng.

The **theoretical and methodological framework** of the thesis research consisted

of:

– the writings in linguoculturology: V.N. Teliya 1996, V.V. Krasnykh 2002, V.V. Vorobyov 2006, E.I. Zinoviev 2016, S.G. Ter-Minasova 2005, V.V. Kolesov 2006, M.L. Kovshova 2019, V.A. Maslova 2020, Zhao Aiguo 2006 and others.

– the writings in field of study of the linguistic picture of the world: A.A. Potebnya 1989, V.B. Kasevich 1990, G.V. Kolshansky 1990, E. Sapir and B. Whorf 1993, L. Weisgerber 1993, Yu.D. Apresyan 1995, E.S. Yakovleva 1996, N.Yu. Shvedova 1999; Z.D. Popova, I.A. Sternin 2001; V. I. Karasik 2002, O.A. Kornilov 2003, T.I. Vorontsova 2003, E.D. Malenova 2004, N.F. Alefirenko 2011 and others.

– works devoted to the study of Russian paroemias: G.L. Permyakov 1988, T.M. Nikolaeva 1995; I.A. Podyukov 1999, E.V. Ivanova 2002, L.B. Savenkova 2002, N.N. Semenenko 2005, N.F. Alefirenko 2008, V.M. Mokienko 2010, E.I. Zinoviev 2016, N.A. Potapova 2016, E.I. Seliverstov 2017, M.L. Kovshova 2019 and others.

– works whose authors paid attention to Chinese paroemias, including – in a comparative aspect: Wang Dechun 1983, Wang Qin 1990, Qu Pu 1991, Ma Guofan 1998, Zhu Jiefan 2000, Zhou Jian 2000, Wen Duanzheng 2011, etc.

– works devoted to the study of the concept of “dwelling”, including the house, its elements and the space around the house: A.K. Baiburin 1983, E.A. Poturaeva 2010, K.Zh. Dzhusupova 2013, E.V. Gerasimenko 2014, A.A. Zaitseva 2015, O.V. Kopylskikh 2016, Zhang Hong 2006, Lu Weijie 2010, So Ken Ran 2010, etc.

The following **provisions** are presented for the defense:

1. A significant amount of stereotypical representation about residential and courtyard buildings, identified on the material of fixed expressions recorded in dictionaries, indicates the importance of dwelling for speakers of Russian and Chinese cultures and languages.

2. Paroemias are evidence not only of the importance of a dwelling as a material property of a person and an essential component of his spiritual life, they confirm the existence of traditions and numerous rules for the construction of a dwelling and representation about its details and functions, as well as a “code” associated with its content and attitude to him a person.

3. A dwelling is one of the indisputable values for a person, therefore paroemias with components-denominations of a dwelling express an attitude towards a house as a property, towards its owner and various elements of the entire household, including evaluative meanings. Paroemias should contain, in addition to universal stereotypes common to representatives of two cultures, ethno-marked value priorities, lacunar in another language.

4. According to paroemias, dwelling is largely a social characteristic of a person, his material security, status, and partly his character.

5. The variety of paroemiological binomials is an important indicator in the study of the paroemiological picture of the world. The study of their content and quantitative relationships allows us to imagine a system of associative links, which includes dwelling in the linguistic consciousness, and helps to identify the hierarchy in the system of material and spiritual values of the ethnic group.

6. Anthropocentricity as a universal category is also manifested in the comprehension and evaluation by a person of all types and types of “dwelling”. The denominations of the “dwellings” of animals and birds are conceptualized in Russian and Chinese paroemias and participate in the expression of certain assessments and connotations.

7. In the fragment of the paroemiological picture of the world under consideration, a significant part of the stereotypes of the bearers of Russian and Chinese cultures coincides. The identified disparate representation are explained by differences in the development of an ethnic group, its history and culture, in the traditions of dwelling construction, in the criteria for determining human well-being, etc.

The **theoretical relevance** of the research lies in the fact that the results of the study can contribute to the further development of the theory of linguoculturology and paroemiology, to the study of individual fragments of Russian and Chinese language pictures of the world, national and cultural features of semantics and the functioning of Russian paroemias and sayings against the background of the Chinese language.

The **practical relevance** of the research lies in the possibility of using the results of the study in the process of teaching Russian and Chinese languages, in the theory and practice of translation, when reading special courses on the problems of intercultural

communication, phraseology and paroemiology of linguoculturology, and lexicography.

The **structure** and **content** of the work: the dissertation includes an introduction, two chapters, a conclusion, a list of references, dictionaries and sources of material, applications.

In the introduction, the relevance, novelty, object and subject of research, hypothesis, purpose, tasks, methods and techniques of research, material, theoretical and practical significance of the work are defined, provisions for defense are formulated.

The first chapter is devoted to the theoretical foundations of the study: it deals with issues related to the anthropocentric paradigm, the linguoculturological trend in modern science, the basic concepts of linguoculturology, reveals the content of the terms used “linguistic picture of the world”, “paroemiological picture of the world”, “paroemiological space”, “paroemiological binomial”, “stereotype representation”, etc., highlights the problem of different understanding of paroemias in Russian linguistics and the debatable issue for Chinese scientists about the status of various categories of stable units.

The second chapter deals with representation about residential and courtyard buildings, reflected in Russian and Chinese paroemias. The results of the analysis of lexicographic sources are given, a general description and classification of the studied material is given. Binary relations between the components of Russian and Chinese paroemias about dwelling are highlighted. The main attention is paid to the linguoculturological analysis of universal stereotypical representation and nationally marked representation about building a house, about the role of individual elements of a dwelling, about the premises and interior of a Russian and Chinese dwelling, and about the courtyard and important outbuildings that make up certain fragments of linguistic worldviews.

The conclusion contains generalized observations.

The appendix contains tables showing the results of the analysis of stereotypical representations considered in separate sections of the work.

Evaluation of the research results

The results of the research made were discussed at postgraduate seminars of the

Department of Russian as a Foreign Language and methods of teaching it at Saint Petersburg State University and were presented in the form of reports and presentations at scientific conferences:

1. National (All-Russian) conference on natural sciences and humanities with international participation “Science of Saint Petersburg State University – 2020” (December 2020, Saint Petersburg);

2. XXVI International Scientific and Methodological Conference of Saint Petersburg State University of Applied Teaching “Problems of Teaching Philological Disciplines in New Educational Conditions” (April 2021, Saint Petersburg);

3. International scientific and practical conference “The heritage of the Petrine era in modern Russian paroemiology” at Kostroma State University (September 2021, Kostroma).

The main provisions and results of the dissertation research are reflected in 6 scientific articles, of which 3 are published in scientific indexed journals of the list recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation:

1. Seliverstova E. I., Wang Yixuan. Residential building as evidence of wealth / poverty in Russian paroemias as compared to Chinese ones // I. Yakovlev. Chuvash State Pedagogical University Bulletin – 2021. – №.3 (112). – pp. 90–99 (VAK).

2. Wang Yixuan. Stereotypical ideas about the Russian house izba in the mirror of paroemias // Scientific Thought of the Caucasus. – 2022. – №.1 (109). – pp. 117–122 (VAK).

3. Wang Yixuan. Paroemiasial binomial as a manifestation of stereotypical representation (by the material of Russian and Chinese paroemias about housing) // Modern scientist. – 2022. – №. 6. – pp. 168–173 (VAK).

4. Wang Yixuan. Chambers as a standard of living quarters in Russian paroemias // Proceedings of the National Conference on Natural Sciences and Humanities with International Participation “Science of St. Petersburg State University – 2020”. – St. Petersburg: Scythia-print, 2021. – pp. 1323-1324.

5. Wang Yixuan Stereotypical representation about rich residential buildings, reflected in Russian paroemias // Problems of teaching philological disciplines in new

educational conditions: mater. report and message XXVI intl. scientific method. conf. in memory of N.T. Svidinskaya. – St. Petersburg: FGBOUVO “SPbGUPTD”, 2021. – pp. 542–546.

6. Wang Yixuan. House, izba, lair: the past and present of Russian paroemias about dwelling // Heritage of the Petrine era in modern Russian paroemiology (in comparison with European): monograph / scientific. ed. S.I. Nikolaev, V.M. Mokienko; resp. ed. A.E. Yakimov. – Kostroma: Kostroma State University, 2021. – pp. 152–158.

CHAPTER 1. THEORETICAL FRAMEWORK FOR THE STUDY OF RUSSIAN AND CHINESE PAROEMIAS IN THE LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT

1.1 Fundamentals and principles of linguoculturology as a science

The problem of interconnection and relationship between language and culture has been studied since the beginning of the 19th century. W. von Humboldt's views on the nature of the relationship between language, culture and nation and on the interaction of language and culture have become widespread in the scientific world.

The essence of his theory was that language, firstly, is a necessary link connecting the world and man; secondly, the language embodies spiritual and material culture, and, thirdly, the national character of each culture, expressed in the language, indicates a special perception of the world around, which is manifested in the internal form of the language, expressing the “folk spirit” specific to each people and culture. In the middle of the XX century. many theories about the interaction of language and culture arose in Russian linguistics, in particular, the idea that “culture is a special type of knowledge that reflects information about a person’s reflexive self-knowledge in the system of his life practices” [Teliya 1996: 18]. Language, being a means of communication, “absorbs everything related to the cultural competence of its speakers. This, together with the language, makes it possible to transmit cultural information horizontally and vertically (to the next generations)” [Maslova 2020: 690].

Thus, the emergence of linguoculturology and its acquisition of the status of an independent discipline is a logical result of the development of linguistic theory in the 19th-20th centuries. So, V.V. Vorobyov in his work defines linguoculturology as “a complex scientific discipline that studies the relationship and interaction of culture and language in its functioning and reflects this process as an integral structure of units in the unity of their linguistic and cultural content using systemic methods and with a focus on modern priorities and cultural institutions (system of norms and universal values)” [Vorobiev 2006: 36].

V.V. Krasnykh in his works indicates the objects of study of linguoculturology – these are manifestations, reflection and fixation of culture in language and discourse: it is addressed to the national picture of the world, linguistic consciousness and features of the

mental-lingual complex of a certain people [Krasnykh 2002: 12].

E.I. Zinoviev gives one of the most complete definitions of linguoculturology as a linguistic science that explores various ways of verbalizing knowledge about the world of native speakers of a certain language. The study of language units of different levels, speech activity, speech behavior, discourse allows “to fully reveal the meaning of the analyzed units, their shades, connotations and associations, reflecting the consciousness of native speakers”. At the same time, as the scientist emphasizes, it is important to take into account “information of an encyclopedic nature that correlates with proper linguistic knowledge, the development of principles for the selection of which is one of the problems of linguoculturology” [Zinovieva 2016: 12].

Being an independent science, linguoculturology has its own conceptual apparatus. One of the fundamental concepts of linguoculturology is the concept of a linguistic picture of the world.

1.1.1. Linguistic picture of the world — the basic concept of linguoculturology

The concept of a picture of the world was put forward in the late XIX – early XX century. It was formed in the field of physics and reflected the real laws of nature. The term “picture of the world” is metaphorical, figuratively describes the relationship of human consciousness with the real world. This is “the semantic modeling of the world in accordance with the logic of the worldview and worldview” [The role of the human factor 1988: 60]. The picture of the world is divided into conceptual and linguistic pictures of the world, although the conceptual picture of the world is undoubtedly wider than the linguistic one. A person begins to cognize the world from a conceptual picture of the world thanks to the language, “in which there are many concepts in the system of conventional signs” [Sukhareva 2012: 112].

The *linguistic picture of the world* – the basic concept of today's linguoculturology – appeared in the 60s. XX century based on the works of I.G. Herder and W. Humboldt. In Russian linguistics, this direction developed in the works of A.A. Potebni 1989, F.I. Buslaeva 1992, V.V. Vinogradova 1996, L.P. Yakubinsky 1986, Yu.D. Apresyan 1995, Z.D. Popova, I.A. Sternina 2001 and others.

Language is directly involved in two processes related to the picture of the world.

Firstly, in its depths a linguistic picture of the world is formed, one of the deepest layers of the picture of the human world. Secondly, the language itself expresses and explicates other pictures of the human world, which, through special vocabulary, enter the language, bringing into it the features of a person, his culture [The role of the human factor 1988: 11].

Even E. Sapir and B. Whorf, speaking about language, wrote that “languages are essentially cultural repositories of vast and self-sufficient networks of mental processes” [Sapir 1993: 252-255], determined by the subconsciousness of native speakers. A huge contribution to the development of the theory of the linguistic picture of the world was made by L. Weisgerber, including in a specific language, in addition to the totality of linguistic signs, the “set of conceptual mental means” that the language collective has. He sees the possibility of his native language in the fact that “it (language) contains in its concepts a certain picture of the world and transmits it to all members of the linguistic community” [Weisgerber 1993: 50].

In favor of the fact that language is a product of human thinking and it cannot form its own picture of the world without realizing the existence of objective reality, many scientists speak out. So, G.V. Kolshansky writes: language “only fixes the conceptual world of a person, which has as its initial source the real world and activity in this world” [Kolshansky 1990: 32]. *Linguistic picture of the world* does not represent some kind of “own” picture of the world [Malenova 2004: 54], it is only a reflection of the objective world by the ordinary (linguistic) consciousness of this or that linguistic community” [Obrezkov 2015: 124].

Z.D. Popova and I.A. Sternin emphasize the classification side of the linguistic picture of the world, seeing in it “the idea of reality, reflected in linguistic signs and their meanings – the linguistic division of the world, the linguistic ordering of objects and phenomena, information about the world embedded in the systemic meanings of words” [Popova, Sternin 2001: 68].

The linguistic picture of the world, therefore, exists on the basis of the reality of the world, but is not an objective reality, but the result of its perception. “Any interpretation of the concept of linguistic picture of the world cannot claim to be absolute

truth, since this is not an objectively existing reality, but a speculative construction used by its creators to solve any theoretical or practical problems” [Kornilov 2003: 4].

Language reflects the reality of the surrounding world through the prism of ethno-marked perception and is important evidence of thoughts expressed by a person. It “penetrates all forms of social life, spiritual culture and social consciousness, connecting various ways of communication, thus accumulating the fundamental cultural and historical values of mankind” [Yasin 2012: 477].

The value of the language as a repository of national ways of thinking and culture is undeniable. A well-known specialist in the field of studying Russian mentality in terms of language, the processes of saturating linguistic signs with cultural meaning, the author of the monograph “Language and Mentality in Language and Text” (St. Petersburg, 2006) and many others, V.V. Kolesov emphasized the importance of language as “the main and main element capable of expressing the peculiarities of folk mentality”: “The language model of mentality reflects the main setting of Russian philosophy, which intuitively realized the “verbal dignity” of the Russian mentality, based on the logical deployment of the main concepts of folk culture, which are embedded in the genotype and exist at the subconscious level” [Kolesov 2006: 11]. At the same time, he considered the mentality as “a nationwide manifestation of certain deep representation about the world inherent in all, which, however, does not have any racial predispositions” [ibid.].

Today, the role of language is especially emphasized in terms of its connection with thinking: “Systematized knowledge, cumulative processes of comprehension, concepts and their features depend on which language they belong to and are realized through the bearer of a particular linguistic culture” [Sukhareva 2012: 112].

It should be noted that value dominance is actively manifested in the linguistic picture of the world, it “impresses the result of a person’s vision of the world with the help of language and which orients a person to a certain attitude to the world and orientation in it” [The role of the human factor 1988: 69]. Cognition of the surrounding world interacts with the idea of value, and a value orientation and a special view of objects and phenomena of reality are formed in the human mind. “In the value picture of the world,” writes V.I. Karasik, “there are the most essential meanings for a given culture,

value dominants, the totality of which forms a certain type of culture, supported and preserved in the language” [Karasik 2002: 167]. It is no coincidence that the coverage of axiological dominants reflected in the language is important for linguists who develop models of the value linguistic picture of the world [Andreeva 2006, Dzhimbeeva 2016, Lomakina 2018, Lomakina, Mokienko 2021, etc.].

In modern scientific research, the concept of a picture of the world includes a scientific and naive picture of the world. On the one hand, we are talking about a naive picture of the world, since the language changes slowly and “its semantics reflects to a large extent a vestigial picture of the world” [Kasevich 1990: 100]. Linguistic picture of the world has a “pre-scientific character”, but “naive representation is no less complex and interesting than scientific ones. Such, for example, are naive representation about the inner world of man. They reflect the experience of introspection of dozens of generations over many millennia and are able to serve as a reliable guide to this world” [Apresyan 1995: 351].

In contrast to the characteristics of the scientific picture of the world, the linguistic picture of the world is “far from being an objective reflection of the surrounding reality” [Obrezkov 2015: 121]. In many ways, it is even “anti-scientific and illogical, moreover, to a large extent mythological, but it cannot be denied figurativeness, metaphor and some worldly wisdom” [ibid: 121]. The scientific and linguistic picture of the world is the result of the activities of opposing communities – the activities of scientists and the activities of “ordinary speakers (and creators) of a particular language” [Sokolova 2010: 84]. Differences in linguistic and scientific pictures of the world are also manifested in the differences between natural language and the language of science. If the language of science is characterized by unambiguity, accuracy, clarity, and the absence of emotional coloring, then natural language is distinguished by the ambiguity of words, emotionality, ambiguity of grammatical constructions, and the subjectivity of life experience reflected by the language [Rtishcheva 2012: 118].

On the other hand, scientists believe that linguistic picture of the world contains not only naive knowledge, but also scientific knowledge. Everyday concepts lag behind scientific ones and are even opposed to them, however, “an explicit scientific picture

grows out of an unformulated naive picture of the world thanks to clarifications and specification of the same basic language models that were the source of a naive, implicit picture of the world” [Solonchak 2014: 150]. According to N.F. Alefirenko, the interaction of scientific and linguistic pictures of the world must be given great importance, since “science initially uses one or another natural language” and, conversely, in the modern world with the development of technology and an increase in the level of knowledge and human culture, “many concepts of the scientific picture of the world are quite active are used in everyday speech” [Alefirenko 2011: 12]. “The historical practice of mankind inevitably leads to an ever wider intrusion of scientific knowledge into the sphere of everyday representation imprinted in the facts of the language, or to the expansion of the sphere of these everyday representation at the expense of scientific concepts” [Apresyan 1995: 299].

The definition of the linguistic picture of the world as developed by the centuries-old experience of the people and carried out by means of language nomination is given by N.Yu. Shvedova, who sees in it the image of “a holistic and many-part world, <...> representing, firstly, a person, his material and spiritual life, and, secondly, everything that surrounds him: space and time, living and non-living nature, the realm of human-created myths and society” [Shvedova 1999: 15].

In recent years, the main approaches to the study of linguistic picture of the world in linguistic works are represented by such areas as cognitive [Popova 2002; Vorontsova 2003; Bratchikova 2006 and others] and linguoculturological direction – it is based on a comparison of the facts of language and culture [Kravtsov 2008; Skornyakova 2010 and others]. The linguistic picture of the world is also considered from the lexico-semantic and phraseological positions [Apresyan 1995, Kopylova 2010, Yakovlev 2017, etc.]. The cognitive approach to linguistic picture of the world is based on the movement in the course of analysis “from thought processes to their reflection in language and speech”, while the linguoculturological approach implements a different vector – “from culture to its reflection in language and speech” [ibid.]. The linguoculturological approach to the study of the linguistic picture of the world often connects it with the concepts of mentality and national consciousness.

In this paper, we study linguistic picture of the world from a linguistic and cultural point of view, based on the material of Russian and Chinese proverbs and taking into account the specifics of national cultures and the mentality of peoples.

The language of each nation reflects how the speakers of the same language and culture see and understand the world: both the natural world around representatives of different ethnic groups and their reflection of this world in the language differ. The linguistic picture of the world is national, it is “a pattern of perception of reality specific to a given linguistic community” [Yakovleva 1996: 47]. “The path from the real world to the concept and further to verbal expression is different for different peoples” [Ter-Minasova 2005: 40]. The nature of the perception of the surrounding world is influenced by historical culture, geographical environment, socio-political and economic factors. “Each language has both specific and universal ways of conceptualizing the reality around us” [Sausheva 2017: 170].

The interpretation of the linguistic picture of the world as “reflected in the language of the mentality of the people” [Sosedova 2013: 277] formed the basis for a comparative study of fragments of two or more nationally marked JKM. The units considered in this case, verbalizing the peculiar mental space of the national language” [Bulanova 2010: 15], can be very diverse – these are words, phraseological units, texts, concepts that are interconnected in speech discursive practices both semantically and formally.

Thus, the study of the linguistic picture of the world has created a solid foundation for scientific research in linguoculturology, which we can present in the form of the following provisions:

- 1) Linguistic picture of the world is based on the reality of the world and reproduces it, albeit in a modified form.
- 2) It is a model of the world that emerges from the collective experience of the speaking community.
- 3) The “non-scientific” picture of the world contains fairly deep knowledge about the world and about those representation and attitudes that guide the native speakers of the language and culture and which are passed on from generation to generation.
- 4) Reflection of reality by language is carried out through the description of

individual fragments of the linguistic picture of the world.

5) Features of the ethno-marked worldview and mentality of the people can be identified through the study of language units.

6) Linguistic picture of the world reflects the value orientations associated with the attitude and worldview of native speakers.

7) A comparative study of individual fragments of the linguistic picture of the world of different peoples makes it possible to identify points of convergence that speak of the universality of the universe and representation about it, and divergences both in the stereotypical representation and mental attitudes themselves, and in the ways of their representation.

1.1.2. Paroemiological picture of the world as a fragment of a linguistic of the world

The paroemiological picture of the world is part of the linguistic picture of the world, arising from the perception of reality. Under the influence of historical events, environment, culture, mythological plots, the paroemiological picture of the world reflects the peculiarities of thinking, psychology, and morality of each ethnic group. Paroemiological picture of the world “reflects information of a culturally significant nature and a complex of people’s stereotypical representation about the world” [Seregina 2012: 106]. It is the most specific nationally and culturally marked fragment of the JKM, in which the “spirit of the people”, “the peculiarities of its worldview and value priorities, the moral and aesthetic experience and knowledge of the ethnic group, the key rules of etiquette are reflected most expressively” [Kumakhova 2011: 7].

Paremiias are sayings that briefly represent the views of society on a person (If there is no mind, the trouble is awkward; The mind is wider than the seas, knowledge is higher than the mountains; Reason, conscience and honor are the best that a person has) and his relationship with other people (Uninvited a guest is worse than a Tatar; It’s good everywhere for a good person, but it’s bad everywhere for a thin person; Whoever is respected is revered), for family and work (What are the ancestors, such are the children; Work is not a wolf, it won’t run away into the forest; It’s good to plow on the stove, but wrap cool), on various aspects of life (Better late than never; There would be no happiness, but misfortune helped; You can’t even pull a fish out of a pond without labor;

Every house is kept by the owner). Paroemiological picture of the world reflects the socio-cultural experience of the ethnic group, it is “a kind of packaging of this experience” [Bredis 2017: 119]. “The compression of the social and cultural experience of an ethnos” is also seen by M. A. Seregina in the paroemiological picture of the world [Seregina 2012: 107].

As rightly noted by E.L. Kalmykov, paroemiological picture of the world reflects the national characteristics of the worldview of each nation. On the one hand, it reflects “certain features of the historical development of each nation, the special characteristics of the people's material and spiritual culture (beliefs, myths, customs, rituals, national psychology, stereotypes of thinking)” [Kalmykova 2010: 286]. On the other hand, the peculiarities of world perception explain the specifics of different categorization of the same objective reality.

To date, the paroemiological picture of the world has received the attention of many researchers. So, in the monograph by E.V. Ivanova considers various aspects of the cognitive approach to the analysis of paroemias as the main component of the paroemiological picture of the world [Ivanova 2002]. D.B. Kumakhova addresses in her dissertation the issues of evaluative categorization, which manifests itself in the paroemiological picture of the world [Kumakhova 2011]. In the works of N.N. Semenenko paroemiological picture of the world is characterized as a “specific linguo-mental formation”, including the reflection of ethno-cultural stereotypes that fix the content side of the ethnic group’s values [Semenenko 2019]. The collective monograph “Paroemiology without Borders” highlights some approaches to the reconstruction of the paroemiological picture of the world – based on the analysis of materials from paremiographic collections, the analysis of literary and journalistic texts, etc. [Paroemiology without ... 2020] and others.

Researchers note that paroemiological picture of the world is not only the result of direct perception of the surrounding reality, but also its subsequent rethinking [Shiryayeva 2017: 9]. The paroemiological picture of the world of a certain linguocultural community is framed “into an idealized model, suggesting the practical expediency of certain actions and their compliance with the accepted scale of values” [Kumakhova 2011: 5]. Hence the

axiological value, emphasized by scientists, of the paroemiological picture of the world represented by the set of paroemias.

Value is “socially approved and shared by the majority of people representation about the goals to be achieved” [Dobrenkov 2007: 64]. Being a kind of “registrar” of the experience of a certain cultural society, the paroemiasial array is a unique research material for the study of national values. At the same time, didacticity, as an undoubted feature of paroemias, suggests some guidelines on how to achieve goals that are axiologically important for a given cultural society. Thanks to “axiologically charged” [Bayramova 2008: 300] paroemias, paroemias and value pictures of the world have an area of intersection. Paroemiological picture of the world as a whole is an “axiological model of the world” [Seregina 2012: 107].

On the one hand, “the boundaries of the paroemiological picture of the world are determined by the value attitude to the world” [Kumakhova 2011: 5]. The value attitude is based on the objective reality of the surrounding world by a person, therefore the value attitude is objective, but at the same time subjective (spiritual), since what “exists in the mind of the subject reflects how he himself relates to reality” [Khabibulin 2011: 174]. The objects of value relations are diverse: these are both abstract concepts (truth, truth, lies, justice, good, etc.) and specific objects and phenomena – in the broadest sense: land, dwelling, money, man, woman, family, etc. It is no coincidence they are represented quite widely in the paroemiological fund. The study of the content and quantitative aspects of a certain object from the standpoint of a value relationship, verbalized in paroemias, seems to be effective and promising for obtaining information about how high is the “degree of paroemiological conceptualization of the value meaning of material / ideal objects”, which of the values - according to the paroemiological picture of the world – are dominant [Nichiporchik 2015: 7]. Developing the theory of evaluation and value attitude embodied in linguistic signs, E.V. Nichiporchik defines an assessment as conjugated with the qualification of the subject “in terms of satisfaction/dissatisfaction of needs, desires, interests, tastes of a person, compliance/non-compliance with social norms and representation” [Nichiporchik 2015: 37].

Thus, assessment acts as a factor contributing to the formation of a

paroemiological picture of the world, which has an axiological character. Evaluation as a differential sign of paroemias can be presented both explicitly (to compare *Your gift is not dear to me, your love is dear; Not to live with wealth, but with a person; With a sweet paradise and in a izba;* etc.) and implicitly (*Do not brag while driving to the army, but boast, riding with the rati; The tree is supported by roots, and the person is supported by friends; The master is afraid of the work,* etc.).

Let's move on to the characteristics of the language units we are analyzing, the definition of their status and functions, the differences in their interpretation in Russian and Chinese linguistics.

1.2. Paroemiological space of language: basic concepts and observations

By origin, the word paroemias is associated with religious activities and church literature; compare.: “selected passages for reading from the Old Testament”, <...>. From the Greek <...> “parable, paroemias” [Fasmer. 3: 206]. According to the explanatory dictionary, paroemias are “places from the Holy Scriptures read at the supper at the entrance”, and a paroemia is “a book containing festive paroemias” [D. 3:15]. In the 19th century, the study of paroemias was already included in the circle of research interests of Russian linguists – I.M. Snegirev, V.I. Dahl, I.E. Timoshenko, P.K. Simoni and others. In the 20th century, the word paroemia receives a full interpretation in linguistic dictionaries.

In China, the mention of set expressions is found in the monuments of the pre-Qin era (before 221 BC), at the end of the Western Han Dynasty (202 BC – 8 AD). The path to the study of paroemias begins with the book “Si Min Yue Ling” (四民月令), a kind of work describing everyday agricultural activities.

At present, paroemiology is developing very actively – in Russian science thanks to the works of N.F. Alefirenko, V.M. Mokienko, G.L. Permyakova, V.P. Zhukova, E.V. Ivanova, M.A. Cherkassky, E.I. Zinovieva, M.L. Kovshova, E.I. Seliverstova, N.N. Semenenko and others.

in China since the middle of the 20th century. A purposeful study of paroemias begins with such paroemiologists as Zhu Zhefan 朱泽凡, Ma Guofan 马国凡, Wen Duanzheng 温端政, Qu Pu 屈朴, Wang Dechun 王德春, Han Zhuolin 韩卓林, and

others, work by Wen Duanzheng 温端政 constitute a solid theoretical base for development of Chinese paroemiology.

It should be noted that in the Russian language, paroemia is a generic concept, while in the narrow sense, paroemia refers only to paroemias and sayings (Akhmanova 1957, Alekseeva and Davydocheva 2020, etc.), or is considered as a synonym for a paroemias (Potapova 2016, etc.). In a broad sense, paroemia is a system of moralizing (Dal 1882), it includes not only paroemias and sayings, but also linguistic aphorisms and catchphrases (Zaykina 2018, Natkho 2009, etc.). Unlike the Russian linguistic tradition, in modern Chinese there is no special linguistic generic concept that corresponds to paroemias, however, in Chinese phraseology, there are several varieties of linguistic units that capture folk wisdom and human experience: *chengyu* (成语), *yanyu* (谚语), *suyu* (俗语), *xiehouyu* (歇后语), *guanyongyu* (惯用语). Wen Duanzheng notes that it is precisely such linguistic units that “have relatively stable structures created by peoples and distributed in their oral speech”¹ [Wen Duanzheng, 2011: 5].

1.2.1. The performance of paroemias in Russian linguistics

Didacticity is the most significant feature of Russian paroemias, which is obvious both from these dictionaries and from their interpretations by modern linguists (see, in particular: Nikolaeva 1995; Podyukov 1999; Savenkova 2002; Semenenko 2012; Seliverstova 2017, etc.).

Paroemias are involved in “modeling human behavior” [Kulkova 2011: 14]. Their instructiveness is manifested not only in the main content – they indicate the moral standards of behavior, but also in the evaluative guidelines accompanying it, for example: *The izba is not red with corners, but with pies (often – praise); Lives in a izba, but coughs like a maid (irony, mockery); You can't make money by stealing stone chambers (disapproval, condemnation); There is not a piece of bread, and in the tower there is longing (irony)*, etc. It is worth noting that paroemias do not absolutely unambiguously define something as “good and bad”, but highlight “the stereotypical nature of the phenomenon, the regularity (for speakers) of its appearance, essence, the result of an

¹ Hereinafter translated by the author – Wang Yixuan

event associated with it, etc.” [Semenenko 2019: 36].

On the one hand, paroemias represent a generalization of the rich experience of various ethnic groups, it is “a thought, a statement, tested by time and human experience” [Podyukov 1999: 152]. On the other hand, the paroemiological unit (PU) has a preventive warning function, which is reflected not only in the semantics of paroemias, but also in the syntactic structure. The intention of the recommendation is most clearly manifested in the PU with the grammatical structure of a negative sentence and the form of the verbal imperative: for example, *Do not boast of a stove in an unheated izba; Do not take copy out of the izba, but mine in the corner (that is, do not spread family news); Do not be picky in people, be friendly at home; Thieves don't have stone houses, etc.*

The ideological essence of paroemia is expressed in a concise and brief form, received from E.I. Seliverstova terminological denomination “paroemia condensate” [Seliverstova 2017: 6]. This formula for the content of a unit “is not only known to native speakers and serves as a sign of paroemia, like other paroemia markers, but also covers, as a rule, several units” [ibid: 264]. On the one hand, due to the short “appearance” and conciseness (condensation) of the content, paroemias are easier to understand and remember by speakers, are passed on from generation to generation – this is what ensures the well-known and common use of PU, their relevance in everyday communication.

On the other hand, paroemia contains deep national ideological connotations, it is “a reflection of a complex form of human thinking”, a kind of aphoristic judgment, where “in figurative-symbolic modeling and evaluative commentary, a typical life situation or essential relationships between people” are presented [Podyukov 1999: 152]. PU components reflect “cultural memory”, contain ethnolinguistic markers that reflect “national identity and may not have direct analogues in another language” [Lomakina 2010: 217]. The nationally marked content of paroemias of different languages opens up broad prospects for the study of a paroemiological unit from the linguocultural and linguocognitive points of view.

With the help of paroemias, “stereotypical assessments and recommendations regarding typical life situations” are formed and preserved [Semenenko 2011: 11]. PU has such properties as “clichéd, aphoristic and sententious” [Cherkassky 1978: 36]. They

not only convey stereotypical representation about important nationally marked aspects of morality and morality to the consciousness of each new generation, but also “convince us of the practical significance of this or that value” [Semenenko 2020: 220].

Paroemia differs from other utterances in its special rhythm and rhyme; a rhyming pair – a rhyming binomial [Seliverstova 2009: 63] – can serve as the basis of a paroemias. Rhythmic-rhyming organization in paroemias is closely connected with semantic relations. Although PU, as stereotypical forms of thinking, “are most often formed with the help of linguistic stereotypes – logical, ornamental-genre, plot, thematic” [Seliverstova 2017: 232], the successful rhyme-rhythmic design of the unit enhances the sound of the paroemias and facilitates its memorization.

Thus, paroemia has brevity, stability, rhythm, generality, didacticity (recommendatory power), evaluativeness, well-knownness, general use – all its features together justify the scientific interest that is shown in them when referring to the peculiarities of linguistic consciousness, stereotyped representation and the system evaluative orientations of a certain ethnic group.

So, the paroemias seems to be a very informative and promising paroemiological unit in the study of the linguistic picture of the world. In this work, we use the word paroemia as a synonym for the term paroemias, although the two main types of units called paroemias – paroemias and saying – often make it necessary to distinguish them, especially in terms of their syntactic features. These two types of linguistic units are close to each other, but are associated with difficulties in the formation of selection criteria in the course of compiling paroemiological dictionaries. The difficulty in distinguishing is due to the fact that, firstly, “the entire paroemiological fund of the Russian language is, in fact, a zone of supertransition, in which it is extremely difficult to classify both the types of paremias themselves and various manifestations of systemicity in relation to them” [Semenenko 2005: 206]. Secondly, “paroemias in the context often take the form of sayings and indicate a certain model of behavior” [Seliverstova 2017: 36]. The very same people-native speakers – practically “never clearly distinguished them” [Paroemias, sayings, riddles ... 1986: 6].

In numerous works, the authors of which sought to solve the problem of

distinguishing paroemias and sayings, finally formed criteria based on a number of features that characterize the Russian paroemias and are absent from the paroemias. The distinction between paroemias and sayings is based on a number of criteria, which we tried to reflect in the following Table 1.

Table 1. Features characterizing the proverb and saying

Criterion	proverb	saying
Semantic criterion	Parable, judgment, teaching, moralizing; didactic (V.I. Dal, S.G. Gavrin, E.A. Demidenko)	It does not carry a moralizing meaning, is devoid of didacticism, is specific in content (V.I. Dal, S.G. Gavrin, E.A. Demidenko)
	Direct and portable plan (V.P. Zhukov)	Literal plan (V.P. Zhukov)
	Complete judgment, completeness of thought (M.A. Rybnikova)	Part / element of the judgment, lack of a full-fledged meaning (I.M. Snegirev, E.A. Demidenko, M.A. Rybnikova)
	Generalization (T.A. Naimushina)	Some degree of generalization (T.A. Naimushina)
	Imagery (T.A. Naimushina)	Ugliness (T.A. Naimushina)
Syntactic criterion	Syntactic completeness, closed and complete sentences; grammatical completeness (E.A. Demidenko, V.P. Zhukov, G.L. Permyakov)	Open, grammatically incomplete sentences (G.L. Permyakov)

The presented list of characteristic features of two types of linguistic units allows us to make a fairly consistent distinction, however, in lexicographic practice, we are still faced with some broad understanding of the paroemias, caused by objective reasons – the presence of a zone of transition between a paroemias and a saying and the presence of such a category of intermediate units as paroemias and paroemias expressions.

In this work, we adhere to the definition of a paroemias given by M.A. Bredis: “commonly used brief generalization of human experience, standardized for typical life situations and expressed in speech in a complete stable sentence, most often with a figurative meaning” [Bredis 2017: 86].

1.2.2. Interpretation of proverbs in Chinese science

In the modern Chinese language, we do not find a special term corresponding to proverb, some Chinese researchers translate the word proverb as *suyan* (“saying-proverb”), that is, a common (generic) denomination that combined the denomination of *suyu* (sayings) and *yanyu* (proverbs).

When conducting a comparative analysis of the expressions of the Russian and Chinese languages, some Chinese researchers use the term *suyu* as corresponding to the Russian “saying”. However, it seems to us that such a translation, which makes it easier for students to understand the universality of the linguistic terms of both languages, nevertheless levels out the obvious differences between the linguistic units, which are called the terms *suyu* and saying in the Russian and Chinese linguistic traditions.

In a broad sense, *suyu* is a generic term that includes *yanyu*, *xiehouyu* and *guanyongyu* (Wen Duanzheng, Zhou Jian 2000, Ma Guofang, Wu Zhankun 1998, Qu Pu 1991, Wang Qin 1990, etc.).

The hieroglyph *su* (俗) means: ‘1. Customs, etiquette, habits that have long been formed in society. Facts determined and formed by the people as a result of many years of practice. 2. Popular, widespread and familiar. 3. Vulgar. 4. Human world, opposed to the worlds of celestials and buddhas’ [BCJA. 17:56]. According to Qu Pu, “*suyu* is an exemplary habitual expression, which is popular and colloquial” [Qu Pu 1991: 15].

In a narrow sense, *suyu* is a generic term that has its own characteristics – this is what researchers Wang Dechun 1983, Ning Ju 1985, Wang Jie 1992, Xu Zongcai 1994 and others believe. set expressions such as “*chengyu* (phraseological four-word phrase), *yanyu* (proverb), *xiehouyu* (understatement, two-part saying, consisting of an allegory and its disclosure) and *guanyongyu* (a habitual phrase)” [Wang Qin, 1990: 109]. In the preface to the dictionary “Chinese *suyu*”, its compilers Wang Jie, Xu Jianhua, Diao Yumin analyze in detail the features of *suyu*, pointing out that in a narrow sense, *suyu* is “a simple and figurative statement of a fixed form, expressing worldly wisdom. *Suyu* is popular in the world of ordinary people, who usually use metaphors, exaggerations to describe life circumstances. The authors emphasize an important feature of *suyu* – descriptiveness; the purpose of using *suyu* is to “talk about things or phenomena vividly, without deep

meaning, mainly depicting the human world” [Wang Jie, Xu Jianhua, Diao Yumin 1992: 3].

The Chinese people do not see a fundamental difference between *suyu* and *yanyu* in everyday life, the reason for this confusion is the presence of common features: firstly, most *yanyu* and *suyu* are sentences. Secondly, they are common in oral form in the speech of ordinary people, so they are distinguished by intelligibility and common use. Thirdly, *suyu* and *yanyu* depict the daily life of the people, contain recognizable images. Fourth, as folk oral works passed down from generation to generation, they are anonymous – this is their essential feature.

Wang Dechun was the first linguist to clearly distinguish between *yangyu* and *suyu*. In his monograph “Study of Lexicology”, he notes that *yanyu* is the quintessence of the experience of social human life – with deep meaning, and the meaning of *suyu* is intelligible (publicly available)” [Wang Dechun 1983: 65].

Yanyu is “a simple and banal expression that summarizes proven life experience and explanations of the truth and essence of the matter” [Ning Zhu, 1985: 24]. *Yanyu* has an explanatory character, it is “a short and rhythmic expression that summarizes knowledge, experience and wisdom in various social practices, teaches people to understand the world and enlightens life” [Wu Zhankun, Gao Bing 2005: 19].

Unlike *suyu*, “the root characteristic of *yanyu* is informative” [Wen Duanzheng 2000: 12]. According to Wen Duanzheng, *yanyu* are colloquial sayings for the purpose of transferring knowledge. The functions of the *yanyu* are not limited to teaching and instruction, its main functions include the transfer of knowledge [Wen Duanzheng 2005: 162]. For example, since ancient China, agriculture has been one of the sources of national prosperity, therefore, according to Chinese *yanyu*, expressions devoted to agricultural problems make up the majority (about 20%): “all information and rules that are related to agriculture, including soil, fertilizers, seeds, water management, crops, pest control, <...> planting methods, etc. may be contained in *yangyu*” [Gao Bing 2005: 64].

Moreover, Wen Duanzheng also notes the semantic features reflected in *yanyu*, such as information of a professional nature and nationally specific information [Wen Duanzheng 2005: 162]. For example, in our case, the expression 盖房挫前不挫后 lit.

When building a house, it is necessary to build it forward, not backward, contains practical advice, as this will provide better lighting; to compare See also: 砌屋莫砌门朝北, 冬天冷来夏天热 lit. *When building a house, the door should not face north, because it will be cold in winter and hot in summer.*

In addition to *suyu* and *yangyu*, attention should be paid to another language unit – *xiehouyu* (歇后语), which is quite reasonably included in Chinese proverbs: “this is a linguistic form with bright national characteristics” [Wang Yin 2020: 31]. The experience of people accumulated in the course of long-term social practice is crystallized in *xiehouyu*, wisdom is concentrated and the talent of the Chinese nation is manifested. The linguistic structure of *xiehouyu* is “unique and perfect, the content is bright and lively” [ibid.]. They are distinguished by rich cultural content, deep humor, and rhetorical features.

Xiehouyu is the most specific of all Chinese stable units: this form is found only in Chinese. The expression consists of two parts: the first part is called “yinzi” – this is the introductory part, the second part is “zhushi”, that is, interpretation; both parts are separated by a dash, for example: 纸糊的房子 – 不容人 letters. *A house made of paper – a person cannot live in it (that is,, an unstable house);* 老太太住高楼 – 上下两难 *Grandmother lives in a tall building – it is difficult to walk up and down (about a predicament).* The first part, as a rule, is figurative; it precedes the second part – an abstract explanatory expression, which “contains the key meaning of the entire sentence” [Wen Duanzheng 1985: 17]. Researcher Wang Yin notes that in the transition from the first part to the second in *xiehouyu*, a jump is made from “perceptual” to “rational”, from “real” to “cognitive”. In this process, the meaning is metaphorically expressed, a deep philosophy is revealed [Wang Yin 2020: 35].

When using *xiehouyu*, you can omit its second part, leaving only the introductory, which will not prevent the listener from understanding its meaning, restoring the missing one. This phenomenon testifies to the popularity and comprehensibility of the expression *xiehouyu*.

Thus, we consider the term Chinese proverb to be generic in relation to the phrases

suyu (in the narrow sense), *yanyu* and *xiehouyu*. Let's try to summarize everything that has been said above and note the features that characterize *suyu*, *yanyu* and *xiehouyu*.

Table 2. Features that characterize *suyu*, *yanyu* and *xiehouyu*

<i>suyu</i> (in the narrow sense)	<i>yanyu</i>	<i>xiehouyu</i>
In sentence form (as opposed to <i>chengyu</i> and <i>guanyongyu</i>)		
Comprehensibility		
Popularity		
Imagery		
Anonymity		
Colloquialism		
Sustainability		
Not necessarily closed sentences, Syntactic structure not necessarily complete	Closed and complete sentences	Sentences consist of two parts, dashes are used to separate
descriptiveness	Explanatory; informative / cumulative function; instructiveness; generalization	The first part uses a figurative and descriptive expression, the second part uses an abstract and explanatory expression (carrier of the main meaning)
Emotionality. Mostly negative	Neutrality	Emotionality; humor, irony, exaggeration

Paroemias reflect the features of the ethno-marked linguistic picture of the world. Their brevity, expressiveness and stability make them widely used, and the totality of units is a convincing material for revealing the worldview of each people. The didactic nature, generality, and evaluative nature of these expressions make it possible to reveal the specifics of national mentalities and value orientations of representatives of a particular culture. Imagery, metaphor, rhythm – these are ways of expressing meaning, an external linguistic manifestation of the national language culture and features of fixing knowledge. The study of paroemias of one language against the background of similar units of another language is of great importance in the field of intercultural communication.

1.2.3. *Binary relations as a property of paroemiological space of language and the basis of paroemias*

The appeal of scientists to the components of paroemiological units (PU) is explained by the fact that the paroemia, as a unit of folk origin, operates with images familiar to a native speaker, verbalized using a certain set of lexemes. So, E.V. Ivanova notes that in PU individual components or lexical fragments verbalize “segments of meaning that are important not only for describing one paroemia or group of paroemias, but also for reconstructing fragments and the entire paroemiological picture of the world as a whole” [Ivanova 2002: 56]. The components of the paroemia indicate that it belongs to a certain thematic area. Thus, PUs of different languages, including components with the semantics ‘money’, speak about the attitude of speakers towards money, about stinginess and generosity, about frugality and extravagance [Bredis 2012: 234-238], about the benefits and harms of large and small amounts of money. A separate area of research is the work of Grichenko 2019, Vorobieva 2014, Nikitina 2014, Zinovieva and Cao Jiaqi 2020, Kuznetsova 2008, whose attention is directed to PU with components belonging to the same thematic group – phytonyms, somatisms, astyonyms, etc.

The lexical composition of the PU largely determines its meaning, if we are talking about ugly units, the components of which express the meaning directly: *Finished the job – walk boldly!* – an expression that prescribes to rest after the completion of work. However, the specificity of PU is manifested in the ability to express figurative meanings – both in its entire lexical composition and propositional structure (*Chickens are considered in the fall – ‘reprimanding too early prediction of final results’*), and in individual components: to compare PU *They don’t ride a greyhound horse, where the combination on a greyhound horse means ‘in a hurry, too fast’*.

The components of paroemias often use images that acquire a symbolic meaning. Thus, in PU *the wolf took pity on the mare, left its tail and mane*, the images of animals are contrasted as symbolizing a predator (strong) and a prey (weak) (see for more details: [Seliverstova 2009]). At the same time, the contrast important for implementing the idea of PU is based precisely on the combination of two components, since outside the PU the *mare* is not associated with a sign of weakness and helplessness, with sacrifice.

An analysis of PU from a linguoculturological point of view makes it possible to identify the role of individual components in the formation of the semantics of PU, behind which there are objects of the real world. Thus, in Russian and Chinese PUs with a zoonym component [Xu X. 2012] discrepancies are found in the symbolic meanings that bearers of different cultures endow representatives of the fauna with. If the image of a black dog that cannot become white is present in both cultures and indicates the impossibility of correcting a bad person (*You cannot wash a black dog white; Chinese. "A black dog cannot become white, the enemy cannot become a friend"*) [Seliverstova, Tsen Kun-jiao 2013 : 453], then we find the interpretation of the dog as ungrateful only in Chinese PU (lit. "Save the drowning dog, and later it will bite you"), and in Russian this idea is expressed differently: *Feed the snake on your neck* [ibid: 455].

G.L. Permyakov proposed an idea, important for studying the nature of PU, of the presence in it of components that call "generalized entities" opposed to each other – "big – small", "strong – weak", "light – dark", "friend – enemy", etc. [Permyakov 1988: 109–116]. They are present in the PU of any of the languages, but are verbalized in each of them in a special way – with the involvement of nationally marked means. "The same image, expressed either by one key word or by two (in this case, as a rule, there is an opposition of the concepts expressed by them) can be used in different paroemias for different purposes" [Blagova 2000: 122].

The study of the relationship between words – PU components is relevant, since it sheds light on the nature of the paroemia as a unit with a logical structure, because the pairs of components repeated in different PUs are by no means random. This, according to E.I. Seliverstova, a sign of the stability of the paroemiological space, which is understood as a system of paroemias "linked by various types of relationships and revealing commonality and differences of varying degrees at different levels (lexical, semantic, syntactic)" [Seliverstova 2017: 6]. This includes both generalized paroemia ideas and more fractional units: repeating fragments, typical pairs of components – paroemia binomials, structural models of units [ibid.]. Let's name the main features of the paroemia binomial and show the relevance of this approach to the paroemias we are considering:

1. Binomials are “combinations (combinations) of two components in the composition of PU, naming objects and phenomena of the surrounding world”, familiar and understandable to the speaker and allowing to establish certain connections and dependencies between them [Seliverstova 2022: 117]. This can be seen, for example, in the following PUs: *Native izba is nicer than stone chambers* – the binomial “izba – chambers”; *It is light in the izba, but it is lighter in the yard* – the binomial “izba – yard”, etc.

2. Binomials are stable fragments of the paroemiological space, “stable pairs of components, repeatedly meeting which exist in the paroemiological space and are comprehended precisely in pairs” [Seliverstova 2022: 115]. For example, the binomial izba – oven is found many times in PE: *Go, izba, go, oven, the owner has nowhere to lie down! Kurna izba, but the stove is warm; Good speech is that there is a stove in the izba; Do not boast of a stove in an unheated izba*, etc.

3. One component can become a part of binomials with different “second parts” in PU: *Do not take copy out of the izba; They put up a izba – they praise God; If the izba is crooked, the hostess is bad; The izba is not without a roof*.

The ability to consider typical pairs of components in paroemias leads to the identification of their paradigmatic relationships. In the PU, the word-components enter into binary relations, indicating a wide range of associative-thematic connections. On the one hand, “binomials are very diverse, made up of words connected outside of paroemia by relations of thematic community, often belonging to the same lexico-semantic group” [Seliverstova 2017: 242], for example, the denominations of a dwelling and its part: *Although the house is thin, but the roof is strong; A man in a family is like a beam in a izba; Horomina is good, but the windows are crooked; He walks around the izba, but does not find the door*, etc. On the other hand, everyday ideas formed by everyday life “contributed to the formation of binomials with semantic relations” [Seliverstova 2017: 240], for example, “a dwelling is a person”: *The house is painted by the owner; do not buy a house, but buy a neighbor; 选房不如选邻 (Choosing a neighbor is more important than choosing a house)*, etc.

A variety of semantic connections function in the paroemiological space, we pay

attention to the relationship of semantic contrast and synonymic proximity between the components of the binomial. “Binomials with antonymic relations between parts are formed on the basis of specific proverbial selectivity” [Seliverstova 2017: 214]. Here we can distinguish the following subgroups: 1) absolute antonyms that have alternative relationships, for example: *Happiness mixed with unhappiness – nothing left; Learning is light and ignorance is darkness; It is better to give one’s own than to take someone else’s; The enemy agrees, but the friend argues*, etc. 2) relative antonyms, between which there is a semantic “gap”, for example: *Old age is not joy, and youth is not self-interest; A fool will judge, but a smart one will judge; The rich – as he wants, and the poor – as he can; Happiness swells, trouble hooks*, etc. 3) semantic oppositions that create contrast in paroemias, but are not antonyms in the strict sense and are not found as such in antonym dictionaries; “they can be considered opposites (correlates) characteristic of a folklore text” [Nikitina 1993: 81]. For example: *God with rye, and the devil with a fire; Native izba is nicer than stone chambers; It threshes in the yard, so it doesn’t thrash in the izba; The mind is enlightened by truth, the heart is warmed by love; The boyar chambers are red, and the peasants have izbas on their sides*, etc.

Paroemial selectivity also manifests itself in the relationship of synonymic proximity, in contrast to the traditional approach to the study of synonyms – words with an identical or close meaning, that is, linguistic synonymy, synonymic relations between the components of paroemias are “flexible”, condensation and richness of word usage makes them more figurative and expressive in paroemias, this allows us to trace the connotative elements of the consciousness of the ethnos and the value relation, for example, equivalence, intensification of emotions, etc. For example, *Poverty steals, but need lies; The owner is cheerful – and the guests are joyful; I don’t know, I don’t know; A house cannot be built without a trinity, a izba cannot be built without four corners*, etc.

Thus, repeating combinations of components in paroemias are not occasional phenomena, they are closely related to the perception of the surrounding world by an ethnic group. If the lexemes that make up the binomial are two connected reference points, then PUs connect them with linear relations, forming an associative network with paroemiological characteristics as a whole, that is, it is not limited to the vocabulary level

(but does not exclude intersections with it) and is largely influenced by extralinguistic factors such as culture, customs, history, etc. Therefore, considerable attention is paid to paromic binomials and their paradigmatic relations (thematic community, sematic contrast, synonymous closeness) is justified: it creates additional conditions for the study of paroemiological picture of the world and the identification of paroemial ideas, associative links and stereotypes.

Binary relations are an important indicator in the study of the paroemiological picture of the world. Binomials in PU “express attitudes and observations valuable for culture, fix connections and dependencies” [Seliverstova 2022: 115]. The study of the content and quantitative side of paroemia binomials contributes to the identification of the hierarchy in the system of material and spiritual values of the ethnos. For example, in the dictionaries “Proverbs of the Russian people” and “Big Dictionary of Russian Proverbs”, the *izba* component appears as part of the binomials of 72 PUs, among which the most representative are the binary pairs “*izba* – oven”, “*izba* – corner” (8 PU each), then “*izba* – yard” (7 PU), “*izba* – heat” (6 PU), etc.

1.3. Stereotypical representations in their reflection by units of language

In the course of linguocultural research, scientists operate with such important concepts as *linguocultureme*, *linguocultural code*, *precedent phenomenon*, *concept*, *stereotype* / *stereotypical representations*, *symbol*, *standard*, *linguocultural setting*, etc. In this paper, we will mainly use the term “stereotypical representation”.

The word stereotype comes from the Greek language – στερεός “solid” + τύπος “imprint”. This etymology confirms how this term is used in modern science: it is something quite stable, difficult to change, often a certain image fixed to something or consistently associated with something. The term stereotype is actively used in the humanities – in sociology, politics, psychology, ethnography, cognitive science, linguistics, etc. A number of more precise terms and their interpretations have appeared, adapted to various scientific disciplines: social stereotype, psychological stereotype, ethnic, ethno-cultural, cultural, linguistic, mental and other types of stereotypes.

According to the data of the bilingual dictionary, the Russian word *stereotype* corresponds in Chinese, firstly, to 刻板印象 (literally stamped/patterned impression)

and, secondly, 思维定势 (literally a certain train of thought, mental tendency, tendentiousness). The first of the phrases contains a negative connotation. The word 刻板 (literally stamped/patterned) included in it is often used to describe the character or behavior of a person who is rigid, inflexible. With the help of the phrase 刻板印象, a stable attitude towards something or a representation (concept) that has developed and is retained in the mind after receiving an impression of some object or situation is expressed – not always, perhaps, accurate. This concept of “stamped/template impression” is often mentioned in the study of cultural stereotypes in intercultural communication. At the same time, it is noted that these stereotypes must be known, understood and – in some cases – avoided (Wang Yanlin 2021, Zhao Chengxing 2017, Zhao Aiguo 2001, Hu Wenzhong 1999, etc.). Stereotypes can significantly reduce the effectiveness of intercultural communication, “provoking misunderstanding, high expectations, misinterpretations, inadequate reactions, conflicts, and even a complete rejection of communication” [Sorokina 2013: 120].

Compared to the first, the second term – 思维定势 (literally, a certain mental tendency) – is relatively neutral and is widely used in various scientific disciplines: in accordance with the accumulated experience, the lessons of mental activity and the laws of thinking that have developed in the course of repeated use, a relatively stable and stereotyped line, method, program and way of thinking [Feng Zhongliang 2010: 17]. Thus, 思维定势 means a stable process of thinking, an unchanging train of thought, and 刻板印象 is the result of thinking, a patterned, stereotyped impression that remains for a long time).

In recent years, the study of stereotypes in linguoculturology has been actively developing: linguists seek to overcome the negative perception of the term, emphasizing the relationship of language, nation, culture and stereotypes, since each nation has its own stereotypical ideas – “as about themselves, about behavior and traditions within their cultural space, and relative to representatives of another linguistic and cultural space” [Maslova 2001: 64]. The stereotype plays a central role in folk thinking and public life: “belonging to a particular culture is determined precisely by the presence of a basic

stereotypical core of knowledge that is repeated in the process of socialization of an individual in a particular society” [Semashko 2014: 176].

The stereotype is closely connected with the naive picture of the world of the nation, is a key fragment of the linguistic picture of the world, it is a “multifaceted phenomenon”, which consists of “mental content, its verbal embodiment, the linguistic implementation of the semantic image with a minimum expenditure of cognitive and behavioral efforts to achieve certain communicative goal” [Kholomeenko 2021: 1901]. That is why in modern linguistics one of the approaches to the study of linguistic picture of the world is “reconstruction of the stereotypes of perception of individual objects and phenomena of linguistic picture of the world, reflecting the typified representation of the majority of native speakers about these objects and phenomena” [Perevalova 2014: 27].

In the study of the stereotype in linguoculturology, attention is drawn to the relationship of linguistic and mental stereotypes. From the point of view of linguistics, language not only serves to store knowledge and transmit information, but also performs, as already mentioned, social functions, including stereotypical ones [Alefirenko 2014: 13]. On the other hand, stereotypes are defined as “stable, repetitive, rather than random messages that are fixed in the collective memory at the level of specificity corresponding to lexemes” [Bartminsky 2009: 13]. Stereotypes find expression “in the ethnic language, in its vocabulary, in the paremiological fund of the national language and in other products of oral folk art” [Semashko 2014: 176].

In modern linguistics, there are two aspects of understanding a language stereotype: on the one hand, language stereotypes are only a stable external form, which we call a “stereotypical language unit” – these are, among others, ready-made stable language formulas (for example, in Russian “*be kind!*”, “*Bon appetit!*”), as well as expressions with a fixed form, which include “idioms, paroemias, linguistic metaphors and stable stylistic figures” [Alefirenko 2014: 13].

On the other hand, linguistic stereotypes provide for “semantic stereotyping”, which is clearly expressed in stable language expressions, for example, in paroemias, idioms, phraseological units, winged expressions, language clichés, etc. [Bartminsky 1997: 12]. It “helps to reduce the number of semantic meanings of phrases, lexemes,

which greatly facilitates the communicant in choosing the exact means to convey the necessary information” [ibid.]. With this understanding, a linguistic stereotype is considered as “a judgment or several judgments relating to a certain object of the extralinguistic world, a subjectively determined representation of an object in which descriptive and evaluative features coexist and which is the result of the interpretation of reality within the framework of socially developed cognitive models” [Bartminskiy 2005]. This is a “generalized judgment” that is used to describe the observed events of everyday life [Shvets 2016: 354].

When studying PU, the concept of “semantic stereotyping” approaches the term of E.I. Seliverstov’s “paroemia condensate”, which means “a two-component / three-component ugly expression reflecting in a condensed (from *condensatus* – Latin ‘compacted, condensed’) form the meaning of a paroemia” [Seliverstova 2017: 141]. For example, PU *Babi cities do not stand; Babi cities (mansions) do not last long; The woman’s vestibule does not stand anywhere; Babi garden is short-lived*, etc. combines the paroemial condensate “Baby (created by a woman) is short-lived”.

Increasingly, researchers are turning to the study of mental stereotypes, the content contained in them. This includes “nationally marked phenomena” containing “cultural codes and mental attitudes of the collective in whose mind they originated” [Kholomeenko 2021: 1901]. The mental stereotype is considered as a cognitive category that receives a stable speech embodiment through language units of different categorical status [Semenenko 2015: 85].

V.V. Krasnykh sees in the stereotype some “representation of a fragment of the surrounding reality, a fixed mental “image”, which is the result of a reflection of a fragment of the real world in the consciousness of the individual” [Krasnykh 2015: 177-178]. The term “stable mental picture” is also used by E.I. Zinoviev and E.K. Rokhlin, associating it with the stereotypical representation noted in the national linguistic consciousness; it corresponds to “the worldview of this fragment of the linguistic picture of the world by the representatives of the linguocultural community” [Zinovieva 2016: 136].

Thus, the study of paroemiological units is an effective way to extract and

generalize information not only about the actual conditions for the existence of an object or phenomenon of reality, its features and parameters, but also about existing stereotypes, since, on the one hand, the paroemiological picture of the world is a kind of a component of the general linguistic picture of the world – contains “the stereotypical ideas of the people about the world and their sociocultural experience, representing a compact receptacle of experience, a kind of packaging of this experience [Bredis 2017: 119]. On the other hand, with the help of paroemias, “stereotypical assessments and recommendations regarding typical life situations” are formed [Semenenko 2011: 11], since PUs not only pass on from generation to generation, introducing into consciousness, stereotyped ideas about aspects of morality and morality that are important for culture, “convince us of the practical significance of this or that value” [Semenenko 2020: 220].

So, highlighting the *stereotypical representation* in a paroemias, we proceed from the fact that this is a typical representation of the majority of native speakers of a language and culture about the world around us, a verbally designed mental unit that includes a network of associations and “valence connections” of an object, phenomenon, situation (according to V.V. Krasnykh). This image-representation, behind the linguistic unit, is nationally-culturally marked, relatively stable (template) in the minds of the speakers and reflects the attitude of the bearers of culture, their assessment of objects, actions, phenomena, prioritization, etc.

In linguistics, three main components of the stereotype structure are distinguished: *cognitive/rational*, *emotional/evaluative* and *conative* (Sorokina 2013, Shchekotikhina 2008, etc.). Information in fixed expressions, qualified as stereotypical representations, differs in content.

This is, firstly, typical cognitive information about objects of the surrounding world that are closely related to history, socio-culture and geographical environment, etc. For example, a izba is a living quarters of the Russian people – *a residential izba (housing, living place) smells*; the function of the banya is seen in the recovery: *Banya soars – gives health; Vanya recovered – the banya helped him; Banya drives any disease from the body*. In the process of building houses for Russians, the roof and corners are fundamental: *The izba is not without a roof; A house cannot be built without a trinity, a izba cannot be built*

without four corners, etc. In the minds of the Chinese people, *the quality of a house is determined by the beam* (房子看的是椽柱). According to the Chinese experience and traditions of house building, part of the open space must be left in front of the house, this is due to the geographical environment, Taoist thought and Feng Shui: 宅前无余地子孙稀 (If there is not enough spacious flat land in front of the house, children and grandchildren will not be enough).

Secondly, paroemias embody national value orientations, expressive-emotional assessments, expressed in PU implicitly and explicitly. It should be noted that stereotypes can be “not only positive and negative, but also neutral” [Grishaeva, Tsurikova 2006]. For example, *Native izba is nicer than stone chambers; The most precious honor is a well-fed, but a covered izba; Good mansions, but no defense; There is a coal-free izba, people live in it are insane; Banya is the second beam*. 金屋银窝不如自己的狗窝 (Your own doghouse is better than a golden and silver nest); 心安茅屋稳 (When you live with a clear conscience, you also experience feelings of peace and satisfaction in the izba), etc.

Thirdly, the PU reflects the range of associations, the totality of which often delineates the boundaries of the concept. This manifests itself in the form of “paroemia binomials” (the term of E.I. Seliverstova) – stable pairs of components that reflect the functions, features, external signs of an object / phenomenon; for example, *a izba is warm: Kurna izba, but a heat oven; warm in the izba, as God himself lives; 白屋–朱门: 朱门生饿殍, 白屋出公卿* (Children from houses with red doors will starve to death, and younger generations of families living in white houses will become high-ranking officials); *贫居白屋灾须少, 富住朱门病也多* (Poor people live in a white house but have fewer problems, rich people live in a mansions with red gates but suffer more from disease). In paroemia binomials, “stereotypes of linguistic consciousness make themselves felt, manifesting themselves in the constancy of formed associations” [Seliverstova 2017: 208].

In a comparative linguoculturological study of stereotypes, one should, first of all, clarify the relevance of the object under study for both peoples, since “not everything is fixed in the language, but only phenomena and objects that are active for a person and his

life activity, and what is relevant for one people, may be irrelevant for another” [Petrova, 2013: 156]. Stereotypes about the same objects in different cultures may be similar, however, while coinciding in general, these “stereotypes may differ in details that are of great importance for successful communication” [Chekanova 2017: 265].

1.4. Conclusions of Chapter 1

The study of academic papers related to the topic of the thesis research allows summarizing the theoretical problems covered in them as follows.

Linguoculturology as an independent scientific discipline has been fully defined in its main scientific approaches and tasks, focused on the study of manifestations in the language of the culture of a certain ethnic group and national consciousness.

Being the basic concept of linguoculturology, the linguistic picture of the world is based as an objective basis on the reality of the surrounding world and is the result of its perception. The picture of the world is divided into the scientific picture of the world and the naive picture of the world opposed to it. The linguistic picture of the world, even if we consider it naive, cannot be denied scientific importance: it is needed as a reflection of phenomena and facts objectively observed and confirmed by native speakers of the language and culture.

In the linguistic picture of the world, a hierarchical system of values is actively manifested – through the meanings, rules and recommendations that are explicitly or implicitly expressed by linguistic units, regulating human life in its various spheres.

The paroemiological picture of the world is part of the linguistic picture of the world, but it is very specific, since the attitudes expressed by paroemias and fixed stereotypes, fixed by time and experience, act as ready-made judgments that qualify models of human behavior and typical situations, and also bring properties and features to the judgment of the speaking community. the nature of the carriers of linguistic culture.

A multifaceted study of stable units has led to the development of their sufficiently detailed classifications in Russian and Chinese linguistics, the identification of the specifics of individual categories of paroemias and the fundamental differences between the entire system of units of the Russian language against the background of Chinese. Paroemias are indicative material for studying the peculiarities of the linguistic

consciousness of an ethnic group, stereotypical ideas and evaluative preferences. Paroemia in this work is understood as a complete statement that has a number of features – such as *brevity, stability, stability, well-knownness, rhythm, generalization, didacticity, evaluativeness, general use*. The word paroemia is used by us – in accordance with the approach of some scientists (in particular, V.M. Mokienko) – as a synonym for the term proverb, we consider the term Chinese paroemia to be generic in relation to the turns *suyu* (in the narrow sense), *yanyu* and *xiehouyu*; in the work, all these types of stable revolutions come into our field of vision.

The study of paroemiological units is an effective way to extract and generalize information about the accumulated stereotypes of each nation – cognitive, evaluative, conative. The main working unit in the research being undertaken is a stereotypical representation, reflected not by one, but, as a rule, by several paroemias: these are stable imprinting objects, phenomena and situations “thinking pictures” (the term of E.I. Zinovieva and E.K. Rokhlina), fixed in the collective consciousness and having a nationally marked character.

Paroemia binomials are considered in the paroemial material as realizing numerous and very diverse associative connections, reflecting, on the one hand, the intersections and connections of objects and phenomena existing in the real world, on the other hand, the frequency images and standards that have developed in the national tradition, symbolizing some generalized entities. The binomials form the semantic basis of paroemias and form a whole system that holds together the paroemiological space of the language.

Turning to a certain fragment of the paroemiological picture of the world, considered against the background of another language, allows us to see the manifestations of the national worldview, the features of the ideas expressed in PE, which are formed under the influence of the conditions of everyday life and production activities of the ethnos, its spiritual history, folklore and culture.

The dwelling, being one of the most important acquisitions in a person’s life, a condition of his physical existence, is represented in a significant number of paroemias of the Russian and Chinese languages, which creates a solid basis for conducting

linguoculturological research and identifying the existing similarities and differences in the views of the speakers of the two languages and cultures.

The theoretical provisions of this chapter serve as the basis for the research carried out in the second chapter of the work.

**CHAPTER 2. RESIDENTIAL AND COURTYARD BUILDINGS IN RUSSIAN
PAROEMIAS ON THE BACKGROUND OF CHINESE:
LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT**

**2.1. Vocabulary with the semantics ‘residential and courtyard buildings’ in Russian
and Chinese: lexicographic aspect**

According to the etymological dictionary, the word dwelling is borrowed from Old Slavonic: it is formed from the word *zhilo* – “house” (also found in dialects), which in turn is formed from the verb to *live* [Krylov 2005: 134]. In the explanatory dictionary, the lexeme *dwelling* is ‘a room in which they live’ [OIII 2006: 466]; it is ‘a dwelling place: a house, an apartment’ [CPYA.1: 485]. In the Old Russian language, the noun *house* was first mentioned in the 11th century as having two main meanings – ‘any building for housing or institution’, as well as ‘family or people living together’ [Semyonova 2003: 57].

Lexema *house* is the central of the common denominations of the Russian dwelling. In modern Russian, the word *house* retains its historical meanings – 1. Residential (or for an institution) building. 2. One’s own dwelling, as well as family, people living together, their economy’ [CPYA.1: 425] – and other meanings acquired in the process of use: 3. A place where people live, united by common interests, living conditions. 4. Establishment, institution serving any. public needs. 5. Dynasty [ibid].

The common denominations of Russian and Chinese dwellings can be divided into three groups depending on the presence/absence of evaluative elements – positive or negative – in the semantics of the word and their manifestations in dictionary definitions.

1. The first group includes the words *dom*, *izba* and *khata*, which, without any evaluation, nominate a traditional peasant dwelling, which, however, has some of its own characteristics: a *izba* – ‘a wooden peasant’s house’ [HRY.1: 634]. The main material in the construction of the *izba* was wood. This material provides wind protection and heat retention, and also creates a minimal interior in the *izba*. To give the house warmth, it had a stove, and according to the etymological dictionary, the original meaning of the word *izba* is ‘a heated room’ [Krylov 2005: 156].

Unlike the *izba*, the *khata* is typical for Ukraine, Belarus and the south and is not

only chopped, but also wattle, adobe, etc.

In Chinese, words that neutrally nominate a dwelling are divided into monosyllabic and two-syllable (of one or two syllables) and polysyllabic (of several syllables). The concept of “dwelling” in Chinese is presented as a monosyllabic – it is denoted by the hieroglyph 房 (fáng), consisting of two determinants: 户 (屋子 rooms) and 方 (旁侧 around), which originally meant ‘正室左右的房屋’ (living rooms around the main room) [SKJ: 359; our translation is V.I.]. In the explanatory dictionary of modern Chinese, 房 (fáng) is interpreted as ‘用于住人的建筑物’ (‘building for human habitation’) [ibid]; its synonyms are 屋 (wū), 宅 (zhái) [Cheng Rong 2010: 435] and their various disyllabic combinations 房屋 (fáng wū), 屋宅 (wū zhái), 屋舍 (wū shě).

2. The second group in the Russian language consists of the words *mansions*, *chambers*, *towers*, acting as symbols of the housing of a rich, prosperous person, that is, characterizing housing on a quality scale as good, giving a positive assessment. The word *mansions*, as the dictionary points out, is obsolete and means ‘a large residential wooden house, usually consisting of separate buildings, united by vestibules and passages (*Colloquial*). A rich big house, a spacious room’ [SRYA.4: 620]. In the dictionary of S.I. Ozhegova and N.Yu. Shvedova says about the word *mansion*: ‘In the old days in Rus’: a large residential building of a wealthy owner (*originally* a residential building in general)’ [OSh: 867]. In the explanatory dictionary D.N. Ushakov’s *mansion* is a ‘residential wooden building. A large house, usually with a significant number of interior spaces (*obsolete, now ironic, jocular*)’ [TSSRYA: 739].

Chambers in Rus’ were called rich (wooden or stone) royal and boyar mansions, and this word was preserved as the denominations of buildings in the Moscow Kremlin. Explanatory dictionaries interpret this word as follows: *chamber* – ‘a large rich building, a room (obsolete). Stone Chambers’ [OS: 489]. In the explanatory dictionary of V.I. Dahl also indicates the owners of such a dwelling and the material used for its construction; this is a ‘palace, a magnificent residential building of the sovereign, nobles, especially. stone’ [TSZhVYA.3: 6]. According to the historical and etymological dictionary of P. Ya. Παλάτιον from lat. Palātium (‘palace’) and its own name *Palatine Hill*, which “since the

time of Augustus has become the residence of the Roman emperors” [Chernykh.1: 616].

According to the etymological dictionary of M. Fasmer, the word *terem* is considered an early borrowing from Greek. *τέρεμνον, τέραμνον* ‘house, dwelling’, although kinship with Slavic is not excluded – compare. **term* and Greek. the word **τέραβνον*, as well as with Latin *trabs, trabēs* ‘beam’ and words of other languages (Mong. *terme*, Kalm. *termə* ‘wall, lattice wall’ [Fasmer.4: 47]. In the explanatory dictionary of V.I. Dal, tower – ‘(prison, Thurm, etc.) a raised, high residential building or part of it; separate tower, *teremok*: boyar's castle, a lonely house, in the form of a tower or on a *podrub*’; tower, palace, manor house, dwelling of the owner inside the Kremlin’. *Terem* was associated with mansions with spacious, warm passages, ‘for servants and amulets’, and often with passages, being relegated further from the choir; ‘mezzanine, tower or attic’ [TSZhVYA.4: 410]. Meaning ‘dwelling’, the word tower receives semantic detail in the form of shades ‘high’, ‘multi-storey’, ‘single’, ‘part of a manor house, palace, mansion’. ‘house in the form of a tower’ [CRYA.4: 357]. According to the texts of folklore genres – fairy tales, songs, etc., in an elegant her separate superstructure, lived young unmarried girls².

In Chinese, vocabulary with the semantics of ‘rich man's dwelling’ is represented by monosyllabic words – 邸 (*dǐ*), 楼 (*lóu*), 殿 (*diàn*), 宫 (*gōng*) – and two-syllable words: 馆邸 (*guǎn dǐ*), 馆第 (*guǎn dì*), 宫殿 (*gōng diàn*). Vocabulary 邸 (*dǐ*) – ‘高级官员的住所’ (residence of senior officials)’ [SSJ: 269 – building. and further the translation of these Chinese dictionaries is ours – V.I.]. The word 楼 (*lóu*) is ‘指两层或两层以上的房屋’ (house with two or more floors, high-rise building) [SSJ: 759]. Often used with the adjective high: 高楼 (*gāo lóu*). 殿 (*diàn*) – ‘高大房屋的通称’ (lit. common name for tall buildings) [SSJ: 276]. 宫 (*gōng*) – ‘本义: 古代对房屋、居室的通称, (秦、汉以后才特指帝王之宫)’ (etymological comment: common name for houses

² In the Russian folk “tale about Vasilisa, a golden braid, uncovered beauty, and about Ivan Pea”: *The king had two sons and a beautiful daughter. For twenty years she lived in a bright chamber; the king and queen admired her ... the princess-beauty was called Vasilisa, the golden braid; she did not go anywhere from the tower, the princess did not breathe free air. To compare also in the Russian song: My joy lives in a high tower, but in that high tower there is no way for anyone.*

and bedrooms in ancient times; after the Qin and Han dynasties, it became refer specifically to the palace of the emperor) [SSKYA: 483].

3. The words *khizhina*, *khibara*, *shalash*, *luchuga*, *ugol* that make up the third group refer to the dwelling of the poor – wretched, miserable, in poor condition. In lexicographic sources, the quality of such a residential building is emphasized by the definition’s poor, *wretched*, *small*, *bad*, *light*, *modest*, *dark*, etc. (SRYA 1988, TSZhVYA 1995, Efremova 2000, OSh 2006, etc.). Such buildings are built from poles, stakes, covered with branches, straw, grass, etc. In addition, the lexeme *angle* can also be attributed here – a polysemantic word, but within the framework of this work, we are interested in its meaning associated with the idea of dwelling: *peren*. ‘house’. *Ugol* – 4. ‘a haven in general, a place where one can live’ [OS: 824]. In the dictionary of the Russian language, a corner is 5. ‘dwelling, shelter (usually in combinations own corner, own corner, have a corner, etc.)’ [CPЯ.4: 459]. However, in paremic, the corner component is often associated, as we will show below, with low-quality housing, barely suitable for living.

In Chinese, vocabulary with the semantics of ‘poor dwelling’ makes up the following synonymous series – 寒舍 (*hán shě*), 草屋 (*cǎo wū*), 白屋 (*bái wū*). The words 寒舍 (*hán shě*) – ‘1. poor izba. 2. humiliate. my home, my family’ [BRKS]. The original meaning of 寒 (*hán*) is cold; in modern language also: ‘poor; modest, insignificant, trifling; wretched, poor, meager; pejorative my’ [BRKS]. 草屋 (*cǎo wū*) – ‘reed izba’ [BRKS]. 白屋 (*bái wū*) – white house, trans. ‘特指贫穷人家的房子’ (‘the house of a poor, beggar person’) [CCJ: 138]. The idea that ordinary people live in buildings without color decoration and decorations was realized in the phraseological unit 白屋朱门 (*bái wū zhū mén*) – ‘white house and red gates (approx. and the poor)’ [Xinhua 2015: 79].

In addition, the “dwelling” of animals in both Russian and Chinese is used as a nomination for an uncomfortable, cramped human dwelling – for example, a *kennel* – ‘1. Booth for a dog. 2. movable; usually whose or what. unfold Cramped, dark, dirty room, dwelling’ [SRYA.2: 95]. *Berloga* – ‘1. Bear lair. trans. unfold The dwelling of a person (usually with a touch of irony or playfulness). 2. trans. unfold A neglected, miserable and

cramped dwelling’ [Efremova: 89]. *Nora* – ‘1. The dwelling of an animal is a deepening underground with a passage(s) to the outside. 2. trans. Dark, unsettled dwelling’ [OS: 421]. *Pigsty* – ‘1. Special building for keeping pigs. 2. unfold disapproved About a dirty, untidy room’ [SRYA.4: 49]. *Nest* – 1. A place arranged or adapted by birds for laying eggs and hatching chicks. A place adapted by animals or insects for wintering. trans.; with a definition. Place of residence, home. trans.; with a definition. Den, secret haven [SRYA.1: 320]. to compare: *to make (oneself) a nest* – 1) arrange a cozy dwelling; start a family. 2) trans. to take root, to take root in smth.

Chinese 狗窝 (gǒu wō) lit. ‘kennel’ – ‘1. 饲养狗的场所. 2. 简陋破烂的住所. 3. 用来形容脏乱的地方. 4. 把家称为狗窝表达对家的依恋及思念, 也可为温馨的住所’ (1. A place where dogs are bred; 2. A dilapidated dwelling; 3. The word is used to describe a dirty place; 4. Naming a house kennel, express affection for the house and longing for it; also in the meaning: a warm house) [SSKYA: 654. Translation – V.I.]. 猪圈 (zhū juàn) – ‘1. 养猪的地方. 2. 形容脏乱的屋子’ (1. Place where pigs are raised 2. dirty house) [SSJ: 1760]. Those. for a bearer of Chinese culture, the word 狗窝 (gǒu wō) in the 4th meaning can act in a positive evaluative sense.

The group of denominations of parts of the Russian and Chinese dwellings as a structure can also include the words that we encountered in the composition of paroemias: roof (roof) – Chinese. 房顶 (fáng dǐng), wall – Chinese. 墙 (qiáng), window – Chinese. 窗 (chuāng), door – Chinese. 门 (mén), threshold – Chinese. 门槛 (mén kǎn), porch – Chinese. 台阶 (tái jiē), Chinese ceiling. 天花板 (tiān huā bǎn), matitsa (womb, matnitsa) – Chinese. 房梁 (fáng liáng), gender – Chinese. 地 (dì), angle – Chinese. 角 (jiǎo), trumpet – 烟囱 (yān cōng), column – Chinese. 柱子 (zhù zi) – many of them serve as a boundary between internal, domestic, and external space and are considered by researchers as part of a dwelling [Baiburin 1983; Gerasimenko 2014, Kopylskikh 2016].

The word *roof* (Chinese 房顶) in Russian and Chinese has a common meaning – ‘upper, covering part of a building’ [Kuznetsov 1998: 476, SKJA: 378], intended to protect the building from precipitation (to compare also roofing). In Russian, the roof also serves as a designation for a house, dwelling, shelter. to compare: *(to live) under the same*

roof with someone. (trans.: ‘in the same house with someone.’).

In Chinese, the idiom to describe the life of the inhabitants of one house is: 住在同一屋檐下 (lit. to live under one eaves).

In a residential building, the Chinese play an important role in columns (柱子 *zhù zi*). During the construction of the house, the columns serve as a support, which is confirmed by numerous stable units. In ancient China, the columns also acted as a carrier of philosophical meaning, served as symbols: “Install hollow columns in the house, conducting “qi” between the Earth (floor) and Heaven (ceiling), and you will live in harmony”; Qi in Chinese culture is associated with the concept of life force, which is a part of any living being [Budko 2000: 249].

In the group of denominations of the premises of the house, two subgroups can be distinguished: the denominations of residential and non-residential premises. The first includes the *gornitsa* and the room (*svetlitsa*). *Gornitsa* – ‘obsolete. A clean half of a peasant’s *izba*’ [SRYA.1: 335], its residential part. This is a place where the family gathers at a common table, a place for receiving guests and noisy festivities; to compare: The *izba* went along the *gornitsa*, the *seni* along the floor (‘about revelry, sodom’). *Svetlitsa* – ‘A bright front room (usually in the upper part of the house)’ [Efremova 2000: 627]. Usually in the room a woman was engaged in needlework³.

The denominations of non-residential premises in Russian include the following words: *seni* – ‘A room between the residential part of the house and the porch in village *izbas* and old city houses’ [CRYA.4: 77]; *chulan* – ‘utility room in a residential building, usually serving as a storeroom’ [CRYA.4: 693]; *crate* – ‘a special room at the *izba* or a separate non-residential building for storing property, a storeroom’ [SRYA.2: 57].

In a Chinese dwelling, the interior space is divided into several parts. The front part of the house – *tang* (堂 *táng*) – is located from north to south, is not used as a bedroom, is usually a place for meeting guests, ceremonies and rituals, and an altar for ancestor worship is arranged in it. The back part – *shi* (室 *shì*) – is the room where the owner of

³ The *svetlitsa* component is a part of many riddles – another folklore genre, for example: “Not in a dungeon, but in a *svetlitsa* / Frost locked the maiden. / Until spring, the girl / Do not open the *svetlitsa*”, etc.

the house sleeps, his personal bedroom. Phraseologism 登堂入室 (to rise to the tang, then to enter the shi) means “penetration into the sanctuary, comprehension of the innermost secrets [of the teaching], achievement of peaks (knowledge, mastery)”. The layout of these rooms looks like this: 堂 (táng) in front, and 室 (shì) behind, and 室 (shì) is a more secluded room.

The essential elements of the traditional Russian dwelling of a peasant included a *stove*. The furnace is a central concept in the sphere of material and spiritual culture of the Eastern Slavs, a technological device that ensured the “fusion of nature and culture” [Levi-Strauss 1969: 229]. *Shovel* were often arranged over the stove – ‘A flooring made of boards for sleeping, arranged in a izba under the ceiling between the stove and the opposite wall’ [CRYA.3: 255]. To compare a playful saying *to leave the stove on a bed [on a bread shovel]* – ‘Prikam. Iron. Cancel your trip for any reason. circumstances, don’t go anywhere’ [BSRP], as well as the expression *from the stove on the shelf on a crooked shovel* – “doubt about the possibility of implementing some kind of travel, visit.

Of the obligatory pieces of furniture in a peasant’s izba, there were usually *benches* (to compare: a *bench* – ‘in an old Russian dwelling and a peasant’s izba: a wide board for sitting and lying, fixed along the wall’ [CRYA.2: 158-159]) and a *table*, which had a special meaning for a person: it is not only a piece of furniture, but also ‘food, food, meal’. They, of course, are reflected in paroemias, but, being part of the interior decoration of the house, we do not consider them.

Vocabulary related to the interior of the Chinese home includes words such as zao 灶 (zào) and kan 炕 (kàng). In rural life, cooking and heating, called 灶 (zào), were recognized as important. The word zao 灶 (zào) consists of the following keys – the Chinese character 火 (fire) and 土 (earth), that is, made from earth and used to make fire. The Chinese phraseological unit 另起炉灶 (lit. to lay down another hearth/stove) means ‘to start all over again, to start from scratch, to find another way’ [Xinhua 2015: 636], that is, 灶 (zào) thus symbolizes the source (beginning) of all vital affairs.

Kang 炕 (kàng) is a heated bench in a northern Chinese house, it is located under the windows of the southern wall and occupies most of the area of the room. “Usually it

is covered with mats woven from reeds. In 炕 (kàng), family members not only sleep, but also eat, work, relax and receive guests” [Lu Weijie, Solovyov 2010: 21].

The *yard* is an integral part of the Russian peasant dwelling. This is ‘1. a plot of land attached to a house, enclosed by a fence or walls of buildings. 2. peasant house with all outbuildings; separate farm. 3. a room, a building for livestock, household equipment, etc.’ [SRYa.1: 370]. In one sense, the *yard* denotes something related to the house, but since it is a non-residential part, it acts as a symbol of the outside world, and therefore “may be dangerous for the household” [Slavonic Antiquities 2: 31]. “The perception of the courtyard as “not one’s own”, someone else’s space is associated with the idea that outside the walls of the house, including in the courtyard, a person is threatened by dangerous spirits-demons, the souls of the dead, people passing by with an ‘evil’ eye, etc. etc.” [ibid: 32].

If walls serve as boundaries for a house, then a *fence* for a yard. Traditionally it is a ‘wall, usually wooden, separating or enclosing something; fence’. [SRY.2: 495]. It protects “(really and symbolically) the house and yard from external dangers, from the intrusion of evil forces” [Slavic Antiquities 2: 232].

The character 院 (yuàn) is made up of the keys of the Chinese character 阡 and 完. 阡 is related to ‘land and architecture’, 完 means ‘completely’, their combination 院 (yuàn) indicates that the fence surrounds the house completely. In modern Chinese, 院 (yuàn) is ‘an open space surrounded by walls or a fence in front of and behind a house’ [CCJ: 1656]. One of the types of traditional Chinese buildings is called 四合院 (sì hé yuàn), which literally means “four and a common courtyard”, that is, four buildings facing inwards represent the sides of a rectangular courtyard [SSKYA: 1242]. There is another name for the fence – 篱笆 (lí bā) – ‘a fence made of bamboo, reed, stone or branches. Usually surrounds houses, performs a protective function’ [SSJ: 826].

The courtyard space is divided into several spaces occupied by the main outbuildings that perform special functions.

So, in Russian, a *ovín* is a ‘building for drying sheaves before threshing’ [CPЯ.2: 583], and a *ambar* is a building for storing grain bread, flour, and sometimes other goods

[TSZhVYa.1: 44]. Its function is similarly presented in another dictionary: ‘A cold building for storing grain, flour, etc., as well as things, goods’ [CRYA.1: 34].

Such an unheated courtyard building for storing something. in Chinese it is called 仓 (cāng), the original meaning of the word 仓 (cāng) is a granary, which is broadly understood as a building in which any things are stored [CCJ: 205].

Shed – ‘1. Room for livestock (cows, calves, sheep), as well as for large poultry. 2. trans. About a dirty room, dirt in the house (colloquial disapproval)’ [OS: 863].

The banya occupies a significant place in Russian culture; on the one hand, it is ‘a special room where people wash and steam’, and on the other hand, the very process of washing in such a room’ [SRYa.1: 60]. Traditionally, the banya is cut from wood; in folk beliefs, this is an ‘unclean place where demonic creatures lived; locus where some family rituals and divination were performed’ [Slavic Antiquities 1: 138].

In Chinese paroemias, there is no word denoting ‘washing room in one’s own house’ – therefore, it is not included in paroemias either. In Chinese, the concept of ‘washing room’ is nominated as 澡堂 – a public banya.

Thus, in the concept of residential, that is, actively inhabited and used by man, the space includes not only the house itself – the main residential building, specially designed for this, but also individual parts of the building, and other buildings, and the courtyard area with the corresponding buildings.

2.2. Linguocultural potential of Russian paroemias about residential and courtyard buildings on the background of Chinese paroemias

Residential and courtyard buildings not only name the places where a person stays, in which he is constantly or often present in his daily life. They are considered and evaluated by native speakers of the language and culture from different positions and are far from unambiguous. Appeal to the linguoculturological potential of paroemias that speak about housing allows us to see the range of associations and ideas associated with it by native speakers of the language and culture, and a comparison of similar information in two languages reveals the semantic originality of paroemias and features of the value perception of housing by Russians and Chinese. At the same time, the meanings reflected

in PE allow us to speak about different directions of thought of native speakers of the language and culture associated with housing and reflecting its perception. The main two categories of representations are distinguished on the basis that some contain information about a dwelling as a structure erected according to certain rules and provide some information about its owners, while in other PU ideas about a dwelling indicate its role and functions in family and social relations, about the rules of its content and attitude towards it.

2.2.1. Stereotypical representation about dwelling in Russian and Chinese paroemias

In the concept of a house, there is a “fusion of the material, social, personal beginnings” [Zaitseva 2015: 1], which becomes obvious when analyzing paroemias containing various aspects of the characteristics of a dwelling, expressing various observations and stereotypes of native speakers of a language and culture and linguocultural attitudes, prescriptions and assessments.

2.2.1.1. Paroemias as evidence of the traditions and rules of building a house

A significant part of Russian paroemias reflects ideas about housing as a structure. In paroemias, as units of folk origin, we are talking mainly about a typical peasant house; these are mainly PUs containing the components *house, izba, khata* and some other 房, 屋, 宅. Let us successively present the main ideas and linguocultural attitudes related to the traditions, conditions and features of the construction of a dwelling, material, tools, etc.

1. In the PUs that touch on the topic of housing construction, ***wood is spoken of as the main material in the construction of a izba***. This explains the predominant use of the verb *to chop*, if we are talking specifically about the construction process; *to chop* – ‘to build smth. from wood, logs’ [SRYA.3: 735]: *The izba is not cut for the summer, for the winter; Without taking up the ax, you will not cut down the izba*. It also mentions one of the ***main tools*** used in the construction of a wooden house – an ***ax***.

Chinese PUs related to building a house show the importance of material for construction, but not only wood is mentioned (鲁班无木难造屋 – *Master Lu Ban⁴ has*

⁴ Lu Ban is a great Chinese craftsman-engineer of the Chunqiu era (circa 770 BC).

difficulty building a house without wood), but also brick: 一块砖垒不成墙, 一根椽子盖不成房 – *You can't make walls out of one brick, you can't build a house out of one wooden pole*; 一根木头做不成梁, 一块砖头砌不成墙 (*You can't make a beam out of a piece of wood, and you can't make a wall out of one brick*), etc.

2. The traditional **Russian dwelling** was **quadrangular**⁵ – just such a structure was “a marker of a properly organized, “own”, Christian space and was considered inherent in the universe in general [Slavic Antiquities. 2: 342]. PU directly indicate that the four corners are the basis of the structure of the dwelling, without them there is no house: *Four corners of the house for construction; A house is not built without corners; A carpenter without an ax is like a izba without a corner; Without a trinity, a house is not built; without four corners, a izba does not become*. The importance of observing the time-tested method (*Without four corners, the izba is not cut*) figuratively extends to human behavior – on the one hand, we are talking about the need to follow the rules to guarantee the result of the activity, and on the other hand, the expression is sometimes used when drinking wine and playfully playing repeatedly raised toasts.

3. **A solid house should be built by a skilled craftsman**, while for a ovin – an office space – no special skill is required: To cut a ovin – take a fool, and to cut a izba – take a grunt (grubak – a good carpenter; from the verb to chop). In Russian PEs, the importance of skill is often emphasized, and this applies to various labor processes; to compare: Without the skill to fight – you can't see victory; They don't carry skill behind their shoulders, but good with it; The master has golden hands in learning.

4. In addition to the technical side of the construction process, other notions were also reflected in Russian paroemias – in particular, about (4) **building a house as a very laborious task that requires serious effort**: *And a small house is put up with great difficulty; And a small house is put up with great difficulty; To rest yourself is not to build a house*. In the expression of this idea, attention is drawn to the Russian PU with a typical structure – *to build a house – not to put a hat on your head*, in which the difficulty of the

⁵ Although there is a type of structure called the “five-wall”. Pyatistyonok – ‘A large hut, divided into two parts by a main wall’ [SRYa.3: 573].

work being done is compared with another, primitive, accessible to everyone; to compare PU *Life to live is not a field to cross; To live life is not to lick a whorl*, etc.

5. ***The financial costs associated with building a house are also noted*** in the PU – sometimes ***exorbitant***: To put up a *house – to sell everything*. It is possible that this is what the paroemia says *Dolgovato at home, mortgage ('mortgage') will have to be a wife*, in a joking manner admitting the possibility of falling into a debt hole (*Dolgovato* – comes from the word debt, debts) due to high construction costs Houses.

The Chinese are also in solidarity with the Russians, who consider building a house a difficult task that requires time and patience: 筑墙盖房，提起害怕 (literally, *erecting walls and building a house is a terrible thing*), etc.

6. On the one hand, in Russian PEs, a house, a dwelling is recognized as the best gift to a friend (*Than to dig a hole for an enemy – build a house for a friend*), on the other hand, ***it is reasonable to decide*** not to engage in the laborious business of building yourself, ***but to buy an already built, ready-made house***: *Fool built a house, and bought a clever one*.

The negative attitude towards the construction process, which is associated with great difficulties, is also manifested in the peculiar Chinese PU 与人不睦，劝人盖屋 (*If you are in an unkind relationship with another, persuade him to build a house*), where the decision to build a house is seen as a manifestation imprudence, underestimation of difficulties.

7. ***Building a house, a izba requires long-term everyday work, and not empty talk***, as evidenced by paroemias that emphasize the unattainability of the desired result, if all actions come down to a stormy, noisy discussion (promises and plans) – in the absence of specific actions. This motif is especially common in Russian PUs: *The izba will not rise with a voice; The izba is not cut with a throat; A izba is not cut with a shout, the matter is not argued with noise*. PU about the futility of trying to solve any business by talking: *By shouting, the matter is not argued*. In general, native speakers of the Russian language and culture are characterized by a negative attitude towards words that replace real deeds. To compare: *Be quick not for promises, but for fulfillment; It is better to do without promising than to promise and not do; In words, like on a harp, but in deed, like*

on a balalaika; In words, he will swim across the Volga, but in reality, not through a puddle; In words, he builds cities, but in reality it costs nothing, etc.

Compare the Chinese equivalent PU 嘴上盖不起房子 (*You can't build a house with your mouth*). In general, the Russian and Chinese mentality is characterized by the opposition of idle talk to real actions required to obtain a result; to compare: *Throat (Throat) you won't gain much*; 光说不做假把式 (*Nothing will work if you just talk and do nothing*).

8. The paroemias also note the **importance of the place on which one should** (or, conversely, should not) **build a dwelling**: *A izba is not built on a floodplain (a floodplain is 'a low place flooded during high water' [OIII 2006: 548]); They don't put izbas under drips* – excess moisture is harmful to the house, therefore, according to tradition and belief, they don't put a izba where it can constantly drip on it. ***A good house stands on a high and, therefore, dry place*** – it is not shameful to boast of such a successful house: *You can boast of a izba on a mountain, you can't toil with a boat in the sea.*

9. ***Desirable is the location of the house near the paved road*** – for ease of access and transportation: *You can't put a road to a izba.*

According to the traditions of Chinese architecture, the house should not face north (做屋不朝北) – it is necessary to orient the house to the south for better lighting and warmth in winter, such a house is more expensive than money: 宁丢家财万贯，不舍房屋面南 – lit. *I'd rather lose ten thousand bundles of coins* (hyperbole – 'of great wealth') *than leave my house facing south.*

10. A **neighbor** in the system of value coordinates in Russian culture occupies a very significant place – ***this is an important factor that must be taken into account*** when choosing the location of a house. A neighbor is almost more important than the dwelling itself – *Do not buy a izba, buy a neighbor; Do not buy a house, but a neighbor.*

A close look at those living nearby is also expressed by Chinese PU: 选房不如选邻 (*Better to choose a neighbor than to choose a house*); 非宅是卜，唯邻是卜 (*Guess not the house, guess the neighbor*).

On the other hand, who, if not a neighbor, can clearly see the quality of someone

else's home – some problems (malfunctions) are noticeable from the outside: *About your house, go ask your neighbor.*

11. The inconsistency of the paremics is manifested in the fact that the paroemia is capable of expressing a meaning that is directly opposite to that contained in other sayings. So, PU *My izba / izba on the edge, I don't know anything* indicates that a separate **house is a way to avoid conflicts**. The speech in PU is not so much about the location of the house “on the edge” [village] – in some respects very successful, but it should also be considered as a commentary on a person's indifferent attitude to public interests, to other people's problems, unwillingness to help anyone. On the other hand, this idea is contradicted by see also PU *my izba is on the edge – I meet the enemy first*.

12. The house was built with the prospect of living in it all year round, so the **ability of a dwelling to store heat is one of its important characteristics**: *A small house is a warm corner, an average mind – you will live a century*. It is no coincidence that a very significant number of paroemias relate to the place and functions of the stove in a peasant's house. In Russian PU, a warm izba is compared to a place pleasing to God: *It is warm in a izba, as God himself lives; So that the brew was boiled down, the izba accumulated warmth* – ‘It became warmer in the izba (to compare the verb *to accumulate*) from cooking on the stove’. The heat in the house can affect the atmosphere in the family and the mood of the owners: *The izba is warm, and the hostess is kind*.

The house is also associated with warmth in Chinese PU: 房大房小，暖和就好 (*The size of the house is not so important, it is enough to be warm*); 只要房子暖，不怕屋子小 (*Although the dwelling is small, there is enough heat in the house*).

13. In Russian PU it is emphasized that **the size of the dwelling is not so important**; *You can live in a cramped house – And the house is cramped, but it is spacious; People live in cramped quarters, but in the open they chase the wolf*.

In the view of the Chinese, on the one hand, a spacious dwelling is valued – it is prestigious and improves a person's reputation: 住房讲宽敞，吃饭讲排场 (*The house must be spacious, the food must be luxurious*); 房子宽敞出贵人 (*There will be a noble person in a spacious house*).

On the other hand, *in comparison with material security*, expressed in the presence of a good home, *the psychological state of a person seems to be more important*: 房子宽, 路子宽, 不如心胸宽; 吃得好, 住得好, 不如心境好 (*not as good as a wide heart; good food and decent clothes are not as important as a good mood*).

A significant number of PUs containing components-denominations of individual components of the house (*roof, window, door, porch, etc.*) indicates their importance and involvement in the process of transferring observations and generalizations made by speakers.

2.2.1.2. Stereotypical representation about the role and functions of individual elements of a residential building

The elements of the dwelling as buildings perform constructive functions and mark the boundaries of the house. From this point of view, A.K. Baiburin distinguishes certain types of house boundaries: the first ones determine the external status of the dwelling (*roof, wall, foundation, corner, cornice*); the latter relate to the internal structure of the house (*matitsa, floor, ceiling, column*); others define the boundaries connecting the interior of the house with the outside world (*door, window, threshold, porch, chimney*) [Baiburin 1983: 133].

Almost all elements of the structure are named in paroemias and participate in the reflection of certain ideas. The importance of parts of the dwelling is emphasized, for example, in the PU *The izba is not without a roof; Houses and walls help; Without a window, the temple is a prison; A house is not built without corners*, etc. Chinese paroemias also speak of this: 无梁不成屋 (*A house is not built without a matitsa*); 一根柱子动, 根根房梁摇 (*One column moves, each matrix shakes*) – figuratively ‘about the influence of one key detail on the whole’; 房有基, 船有舵 (*A house has a foundation, a ship has a rudder*), etc. In this part of the work, we will focus on the transfer of which paroemiaial ideas and the reflection of which stereotypes are involved in the composition of the PU similar components that nominate mandatory and important parts, many of which have not only construction and functional significance. They are attributed in the system of folk ideas “extra-constructive content” [Baiburin 1983: 133-134].

ROOF

The presence of certain elements of the structure and their quality determine the assessment of the dwelling as a whole. The upper boundary of the Russian and Chinese dwellings is the roof / roof, and first of all, in Russian and Chinese PU, the idea of (1) ***the importance of the roof as an obligatory part of the residential building is verbalized: The izba is not without a roof; Every izba is covered with its roof (roof); Though the house is thin, but the roof is strong.*** The roof is also mentioned in Chinese PU: 搭房子铺屋顶 (*Build a house and build a roof*) and others. The quality factor of the roof is one of the criteria for evaluating a home and a guarantee of family well-being: *Buy a sewn fur coat, and a covered izba.* Roof – from the verb to cover (‘To make a cover, a roof over something’ [SRYA.2: 141]). Evidence of the high assessment given to the roof is its location on a par with such a component as *honor (the honor is more expensive than the well-fed, but the izba is covered)*, which is a priority in the system of value orientations of the members of society. In essence, paroemia indicates the importance of two things – the availability of food, that is, satiety, and housing.

The roof is conceptualized as the border between the top (sky) and the bottom (the world of man, peasant), is widely mentioned in PU (2) ***the main function of the roof is to protect the house from bad weather and shelter from wind and rain and keep warm: Kryv [open, ‘roof’, coating’] yes uhitka – a fur coat of a izba (uhitka – from uchichivat, ‘to seduce, prepare for winter; caulk with moss, roll around with manure, earth, protect from cold [D.4: 539]); The wind will go berserk, and the roof will be torn off from the bean izba – that is, will bring the izba into an unusable state.***

Therefore, the idea (3) ***about the need for timely repair of the roof is also important: As long as it doesn’t rain, any roof is good; When it rains, they don’t cover the roof, and they don’t drip into the bucket themselves.***

In PU, a lazy owner whose roof is leaking is negatively evaluated: *It’s not a misfortune that the roof is thin, but grief that it’s too lazy to fix it; The lazy one has a leaky roof and the stove does not bake.*

Chinese PUs also contain a recommendation to regularly take care of the condition of the roof to ensure its protective function: 晴天修屋顶，下雨不补漏 (*Repair the roof*

on sunny days, and do not repair leaks during rain), etc.

The roof must be secure, resistant (4), since a thatched roof ignites easily and therefore does not guarantee a long service life. To compare Russian PU *A restive husband is like a thatched roof, one spark – and the house is destroyed*.

Another criterion for evaluating the quality of a roof was reflected in Russian and Chinese PUs – Grass does not grow on a good roof, that is, **(5) the roof must be in proper condition**, it must not be patched with any material at hand (straw, earth, etc.). To compare Chinese saying 屋顶瓦松一命亡，老少搬家不用想 (*When grass grows on the roof, the elderly and children need to move quickly*), etc.

The **roof** in Russian also **symbolizes the house as a whole and the closeness of the household (6)** – to compare phraseologism *to live under one roof*. It is interesting that in proverbs this metaphor takes on different meanings: on the one hand, one large family, including families of adult children, could live under one roof before – and this was its strength: *A family is strong when there is only one roof over it*. On the other hand, each family has its own roof over its head, its own world and way of life, its own characteristics and problems: *Each roof has its own mice*; to compare: *Each izba has its own rattles*.

Most of the residential buildings of the Chinese peasant are one-story houses with a low eaves. The cornice component is involved in the formation of the idiom *under one cornice (to live)*, similar to the Russian expression and used to refer to people living together in the same house. Interestingly, in Chinese linguistic culture, the phrase under the cornice also refers to the topic “spheres of influence and authorities” – it is part of the rather common PU 人在屋檐下不得不低头 (*A person cannot help but bow his head [passing] under the eaves*), which metaphorically means submission to superiors; we are talking about insurmountable circumstances that force us to submit.

CHIMNEY

Here, it probably makes sense to mention the chimney, which occupies an intermediate position: part of it is located inside the house, and the second part is brought out; it is an ‘empty pole above the stove for smoke to escape’ – a link between the interior of the dwelling and the outside world. There are practically no quality requirements for the chimney – the emphasis in PU is on **(1) the function to bring smoke out: And smoke**

goes straight out of the curved chimney; Chinese. 烟囱歪斜不怕, 只要烟出得去 (*Don't be afraid of crooked chimneys while the smoke is coming*); 灶门口点火, 烟囱口冒烟 (*Fire in the stove, smoke from the chimney*) – emphasizes the causal relationship between fire and smoke (to compare Rus. There is no smoke without fire).

The chimney is important (2) because without it it is impossible to heat the stove and therefore cook food and keep the house warm. In the PU *Wife – that there is a chimney on the izba, the husband – that the head is on the church*, the upper details of the buildings are compared and their importance for each of them is emphasized.

The paroemia also reflects such a feature of a house chimney as **its blackness from soot inside (3)**: *Someone should heat at the stove, and another should clean the chimneys*. The jokingly ironic PU *Give up the dirty business – let's go clean the chimneys*, offers to change one not too pleasant activity, in which hands and clothes probably get dirty, to another, which is no better than the first, since those who talk about the work of a chimney sweep are well aware.

In a Chinese paroemia **(4), dirt in a chimney symbolizes misfortune**: 自钻烟囱自染身 (*Climb into a chimney and become black*), that is, man himself is to blame for his misfortunes; 哪家烟囱没有黑 (*There must be a black chimney in every family*), that is, Every family has its problems or misfortune.

WALLS

The vertical boundaries of the dwelling are the walls. It can be seen that in many Russian and Chinese PU, in relation to walls **(1) the function of a barrier, fence, protection is emphasized**; to compare: to live, to be, to feel like behind a “stone” wall – ‘in complete safety, under protection, under reliable protection’. To be behind the wall means ‘to be protected from the dangers of the outside world’. Walls allow you to hide from prying eyes; to compare: You can't see behind the wall.

The wall as a barrier, a solid barrier is also presented in Chinese PU: 墙高万丈, 挡的是不来之客 (*The wall is so high that it does not let intruders through*); 多个朋友多条路, 多个冤家多道墙 (*A few friends – a few paths, a few enemies – a few walls*). The expression indicates a series of dependencies: ‘the more friends, the more choice; the

more choice of options; the more enemies, the more troubles and troubles'; 邻居高打墙 (*You build high walls between neighbors*) – it is said about the need to build high walls in order to separate from neighbors, you need to keep a certain distance in order to avoid conflicts as much as possible, etc.

Russian PUs reflect the idea of the speakers **(2) about the hardness and strength of the walls**. In PU *Drunk-drunk, and he won't hit the wall with his forehead*, a situation is shown that leads to the conclusion that the “confrontation” of a strong wall and a human forehead is useless. The figurative realization of the idea in the paroemia *You cannot break through the wall with your forehead* indicates the unbearability of the task being solved (set).

In PU *In the native house (House) and the walls help; Houses and four walls heal* indicate not so much the fundamental importance of walls for a dwelling and their protective function, but rather the attitude of a person to his own house, in which the mere fact that this is **(3) his own, familiar home allows a person to feel more confident**. The expression *native walls* already implies a winning position of the speaker, a source that feeds him, a support.

However, the paroemias of both languages also contain a warning that **(4) walls cannot guarantee the safety of secrets and concealment of domestic problems from other people**: *And walls have (have) ears; There are extra knots in the wall (eyes, ears, spies)*. Chinese expressions are quite diverse: 隔墙须有耳, 壁外岂无人 (*The wall has ears, there must be someone behind the wall*); 天下没有不透风的墙 (*There are no windproof walls in the world*); 墙有缝, 壁有耳 (*There are gaps and ears in the wall*); 墙打百板也透风 (*Hundreds of boards nailed to the wall will still let air through*) – the combination of hyperbole (hundreds of boards) and metaphor (letting air through) makes the saying very expressive.

As the Chinese PU says, the wall is **(5) the result of labor** that can only be accomplished through the use of collective power: 大石头离开小石头砌不成墙 (*You cannot build a wall out of large stones without resorting to small stones*).

The paroemias also record **(6) separate rules that were followed when building**

walls: 土多好打墙 (*The more soil, the easier it is to build walls*); 一块青砖难砌墙 (*It is difficult to build a wall out of one brick*), etc. Inattention to trifles can lead to great disasters 虫子多了树空, 窟窿多了墙坏 (*More insects – the trees will be hollow, more holes – the walls will break*); 拔了一颗钉子, 倒了一堵墙 (*Pulled out one nail and knocked down an entire wall*).

FOUNDATION / BASIS

Numerous Chinese PUs emphasize certain parameters: **(1) the depth and width of the foundation of a dwelling are important for the construction of walls** – 多深的地基, 多高的墙 (*How deep the foundation is, how high the wall*) – trans. ‘A good foundation creates the basis for further development.’ 宽打地脚窄垒墙 (*Dig the foundation wide and build the wall narrowly*); 软处好起土, 硬处好打墙 (*Soft places [soils] are better for digging foundations, hard ones for building walls*).

The fundamental role of the foundation in the construction of the building was also reflected in the following Chinese PUs: 房有基, 船有舵 (*A house has a foundation, and a ship has a rudder*); 不怕楼房高, 只要根基牢 (*No need to worry about the height of the building, as long as the foundation is strong*). Pointing to **(2) the inextricable link between the reliability of the foundation and the quality of the dwelling**, the proverbs serve in a figurative sense and confirm the need to lay a solid foundation at the beginning of a business, an event in order to move on with guaranteed success.

MATITSA

Another important part of the structure is the *matitsa*. The word is derived from the word *matitsa* and appears in the meaning of ‘Beam supporting the ceiling (in wooden buildings)’ [CPYa.2: 237], its main functions are bearing and supporting. To compare: *A man in a family is like a matitsa in a izba*. Russians associate with the *matitsa* the head of the family, who has the absolute right to make decisions in the house, in the family: *You can’t spit through the matitsa*, that is, you can’t do anything without the consent of the head of the family⁶.

⁶ *Matitsa* is also found in Russian riddles: *All guts in one pot, one gut across the pot* (*matitsa*); *One hundred fellows sleep on one headboard* (rolling on a *matitsa*), etc.

(1) The decisive role of the matitsa in the construction of a dwelling is also emphasized in numerous Chinese PUs: 无梁不成屋 (*You cannot build a house without a matitsa*); 立屋要好梁柱 (*Building a house requires a good matitsa*); 做屋要靠梁 (*The quality of a house can be judged by matitsa*); 买屋要看梁, 娶妻要看娘 (*Buying a house depends on [the state of] the matitsa, marriage depends on the matitsa*), etc.

The metaphorical perception of the matitsa is reflected in the following ironic Chinese paroemias: 朽木当不了梁 (*A rotten tree cannot be a matitsa*); 杉木尾子做不了正梁 (*Tails [ends of branches] of cedar cannot be used as a matitsa*). **(2) A strict approach to the question of the suitability of the material for the matitsa** is associated with criteria for assessing the ability or inability of a person to take on more responsibility, to become a leader. To compare PU with column component 腐木不可以为柱, 卑人不可以为主 (*A rotten tree cannot be a column, and a vile person cannot be a leader*). The idea of the importance of the team was reflected in the metaphorical PU 一根木头做不成梁, 一块砖头砌不成墙 (*One tree cannot form a matitsa, one brick cannot build a wall*)⁷. Relating to the upper boundary of the dwelling and performing a supporting function, **(3) the matitsa in the minds of the Chinese receives a metaphorical reading of ‘leader, senior’**, which is reflected in the PU, which condemn the unworthy behavior of representatives of the top of power, which also affects subordinates: 上梁不正下梁歪 (*When the upper matitsa is bent, the lower ones are also bent*), that is, **(4) low-quality (spoiled) matrix spoils the whole structure, its less significant details**. Initially, this PU spoke of a strict attitude to the choice of a matitsa during the construction of ancient buildings, but at the present time it more often refers to deviations from the norm in the field of social relations, to situations related to the influence of seniors on subordinates. To compare Russian *The fish rots from the head*.

POST, COLUMN, SUPPORT

Pillars serve as vertical supports in the construction of a house. To compare PU

⁷ In Russian PU this idea is repeatedly expressed by other figurative means: *they take cities by artel; One brand goes out in the oven, and two smoke in the field; One finger is not a fist; One bee does not bring much honey*, etc.

about their importance: *Without poles, the fence is not worth it, and the support of hay does not ask* – the components of the support and the pole perform a similar function, they guarantee the stability of what is being built by man.

(1) The main requirements for pillars are strength, reliability: *The wall is strong, the pillars are thin; The fence is good, the posts are rotten.* As you can see, these PUs can be used both in the literal sense, noting the importance of a quality pillar, and in a figurative sense, indicating errors, inconsistencies in the characteristics of the main, fundamentally important positions in any case. In the dictionary “Proverb of the Russian people” the last 2 PUs are placed in the “Essence – Appearance” section, where units are presented that indicate the frequent discrepancy between appearance and the real state of things.

Columns (pillars, supports) play a decisive role in the construction of a dwelling in Chinese culture: 石看纹理山看路，房子看的是椽柱 (*Stones look at the texture, mountains look at the road, and houses look at the columns*). If the matitsa is considered as a horizontal support, then the columns as a vertical one: 一梁拄一柱 (*One matitsa corresponds to one column*), 一根柱子动，根根房梁摇 (*One column moves, each matitsa shakes*). **(2) The dignity of the column in its immobility, strength, straightness:** 不拔之柱 (lit. ‘An immovable column, a solid foundation of smth.’); 柱石之坚 (‘hard as a column’); 柱正不怕壁歪 (‘A straight column is not afraid of a curved wall’), etc.

PORCH

Interestingly, the porch is the ‘external entrance to the house; a stone or plank platform in front of a house, with steps’ [D.2:205] is practically not covered in paroemias in terms of its importance and functions (a pig scratched on boyar porches as well), but is strongly associated with **(1) the possibility of receiving guests**. The presence of two entrances to the house – front, front and rear – allows you to reflect the idea of welcome and unwanted guests: *Not every guest goes to the front porch (in the front corner)*. Paroemia *From the front porch – refusal, and from the back – you are welcome* can characterize **(2) a hypocrite, a two-faced person**. The combination of the two images in the PU *The front porch is steep, the back porch is flatter*, indicates the possibility of not a

direct, but a secret, roundabout way that can be used to achieve the goal; to compare phraseologism *to come in (run in) from the back porch* – ‘hiding, secretly’ [FSRLYA 2008: 328].

In Chinese culture, the image of a porch symbolizes **(3) an awkward situation**. PU 下不了台阶 (lit. *You can't go down from the porch*) metaphorically indicates the state of a person who feels embarrassed because he does not know what to do and is ashamed of it. Similarly, the PU 有台阶不上 (*There is a porch, but not up*) characterizes a situation where a person does not see a way to get out of an embarrassing situation with dignity.

CORNER

A traditional wooden house was usually rectangular in shape and, therefore, could not do without corners – this is a strictly observed principle: *A carpenter without an ax is like a izba without a corner* – one cannot exist without the other; *Without a trinity, a house is not built, without four corners a izba does not become (not cut)* – we are talking about the outer corners of the building, which, however, implies the presence of inner corners, which are also significant in home improvement.

We did not find paroemias with the *corners* component in the Chinese material.

The internal arrangement of the house also implies the presence of such an obligatory “detail” as the ceiling.

CEILING

Russian PU *It is covered with a roof, but there is no ceiling*, ironically over a house in which – subject to external well-being – the necessary detail is missing, and therefore it is unsuitable for living: **(1) there is no house without a ceiling**. The importance of the ceiling is also emphasized in other PUs. *Take good care of your ceiling; Every house is covered with a ceiling*, etc. **(2) Its ceiling means ‘my house’**, in his house the owner has all the rights: His ceiling, whoever he wants, that ceiling, etc. to compare: *They will let you down under someone else's ceiling and give a different name* and others. The expression *under one ceiling (to live)* is synonymous in Russian with *turnover under one roof*, that is, to live in the same house, as a single family: *To live under the same ceiling, not to raise your hands* – the paroemia hints at the difficulties that are inevitable if you live in a large family.

In the Chinese paremics, such a detail of the structure as the ceiling was not reflected. However, as we have already mentioned, the meaning of ‘living together, one house, one family’ is conveyed by the Chinese phraseological *unit to live under one eaves*.

As you can see, the paremiologically presented house is shown in sufficient detail – both in terms of the importance of the dwelling in the life of a person as a whole, and in relation to the functions of the details of the dwelling as a structure.

2.2.1.3. Linguocultural view of the boundaries between the internal space of the dwelling and the outside world

The Russian izba, with its well-thought-out and organized space, was built according to certain canons, which assumed the presence of doors and windows. **(1) A closed door allows you to delimit life inside from what is happening outside**, hide from prying eyes, preserve the privacy of family life: *Animals climb through unlocked doors; Don't believe everyone, close (lock) the door more tightly (strongerly); Don't slam the door you're about to enter; joke. We will close the doors, we will dissolve the snot, we will not let anyone in, etc.*

Behind closed doors **(2) the family can have frank conversations** that are acceptable in a narrow circle of people: 关起门来说话 (*Speak when the door is closed*); 关起门来是一家人 (*Closing the door, we remain our family*).

On the other hand, closed **doors**, while providing the owners with privacy, **(3) cannot ensure absolute security and non-disclosure of personal secrets**: *Do not be afraid of doors, but be afraid of cracks; 门里说话, 要防门外有人 (While talking inside [closing the doors], beware of people outside); 门有缝, 窗有耳 (The door has cracks and the window has ears)*. This is especially true for the spread of bad news: *好事不出门, 恶事行千里 (Good news stays on this side of the door (does not leak out), while bad news quickly scatters)*.

The Chinese paroemia expresses the important idea that **(4) care should be taken for the well-being of those living in the house**: *好事不出自家门, 肥水怎流外人 (lit. good should not go out the door [leave the interior of the house], fertilizer should not pour on other people's fields)*, that is, you should not miss your good, giving it to strangers

– you need to help your own. At the same time, the PU even lists those vital things that should be taken care of when the doors are opened: 开了大门七件事: 柴米油盐酱醋茶 (*Open the door to seven things: firewood, rice, oil, salt, sauce, vinegar and tea*), that is, with the beginning of a new day, those living in the house are preoccupied with food.

WINDOW

The purpose of the window in paremika is reflected in several directions: it is **(1) *the possibility of making contact with the outside world*** – you can look into the window (*They don't tell you to look through the window, but they don't let you through the door*), or you can look out of it into the street: *Through the window of the whole world don't look back; It's good to tease a bear out the window; So beautiful that she looks out the window – the horse will spin; out into the yard – for three days the dogs bark.*

In Russian, paroemias reflect **(2) *the tradition of serving bread to the needy and the poor through the window***, thereby doing a deed pleasing to God (*Give through the window – give God*), which can be rewarded: *Give it out the window – God will give it to the doorway; God will give and give out the window (window)*. To compare also PU about the response to the help rendered, the kindness shown: *Throw crumbs at the window, a cake will come at the door. Stand under the window, ask under the window* – expressions with the semantics ‘ask for life, ask for Christ’s sake’, that is, associated with begging, with an unenviable share: *Under one window he will beg, under another he will eat*. This determines the meaning expressed in the preferative paroemia *It is better to submit to the window than to stand under the window. Serve out the window* – ‘give alms, share a piece of bread’. To compare PU *You can't give the world out the window; peace*, that is, people do not ask, do not accept alms.

(3) *The window is also a source of rumors*, since communication can also be carried out through the window: *Rumor will fit in the window.*

The Chinese PU 两耳不闻窗外事 (*You can't hear what's happening outside the window*) says that a person who is too busy or enthusiastic does not notice what is happening outside – outside the windows; this is a positive characteristic of a situation of freedom from extraneous influence.

THRESHOLD

Numerous Russian PUs reflect ideas about **(1) the significance of the threshold as a kind of barrier separating the house from the outside world**: crossing the threshold means leaving the house, your lived-in, protected inner space: *Only you are beyond the threshold, and the devil is across; The dead man does not stand at the threshold, but he will take his own.*

The threshold is the beginning of the house, therefore **(2) a dear guest is met on the threshold / at the threshold** (*Honestly call, so meet on the threshold; honestly – ‘with honor, honors’*). And vice versa: as the Russian PUs say, **(3) to indicate the threshold means to expel**, put someone out the door (*Here is the threshold for you, but here are seven roads for you! There is God for you, but here is the threshold! I’ll put it on the threshold and show you seven roads*). There is also a more radical option of escorting an unwanted visitor – *Spit on his threshold so that there are no roads to the porch*; after such a “parting word” new visits of this person are possible.

Paremia *From the threshold to God, from God to the threshold* denotes throughout the house, probably indicates a small distance between the entrance to the house, crossing the threshold, and the Red Corner, where the icons, God’s faces are located.

(4) The high threshold in the house of the Chinese symbolizes wealth – such a representation in Chinese culture is confirmed by PU 门槛高过人, 宅院聚宝盆 (*Your own threshold is higher than others, the house will become an inexhaustible vessel with jewelry*), that is, an inexhaustible source of wealth, a gold mine; cornucopia. The Chinese idiomatic expression 门槛高 (*high threshold*) is also often used when talking about **(5) high requirements** for admission to school, university, and employment. Russian PUs containing this element indicate the absence of input or access to something. To compare: *High thresholds on my feet; Such a threshold that he dragged his legs by force; Drunk and up to the threshold needs help.*

Some of the customs associated with the threshold that exist in Russian culture are reflected in the PU. Thus, the semantics of a culturally marked prohibition is found in proverbs *Over the threshold they don’t greet, they don’t talk; Over the threshold, hands are not served; Others do not stand on the threshold.* This is connected with understanding **(6) the threshold as a “symbolic boundary” between the dwelling and the**

outside world; it is “a border for evil spirits and at the same time a place of residence for evil spirits” [Encyclopedia of Slavic Culture... 2013: 653].

CONSTIPATION, LOCK

The constipation and lock serve to ensure the safety, security of the house and its contents; this important function of them is reflected in such Russian paroemias as *Lock and constipation – a holy cause; Constipation is small to great cities owns; Without constipation and a fence, you can't get away from a thief; Constipation is strong, but dexterity and thieves*, etc.

Unusual in the Russian language is a punning paroemia about a wretched dwelling, in which the enumerated individual components – a *room, basement, porch, roof, seni*, etc. – are accompanied by an indication of a locus that does not suit them, which violates all the canons of traditional construction: *In the middle of an empty courtyard, a room under housing, podklet under the old seni, a porch in a garbage pit, a stove in the entrance, a red window in the roof, a cellar on the ceiling, and a nearby roof around the yard*. As a result, a kind of “fabulousness” is created on the principle of pointing to the incredible (to compare phraseological units *for Turkish Easter, for Russian holiday, when the crayfish whistles on the mountain, a hole from a donut, from a sleeve vest*, etc.). Such a saying can serve as a negative characteristic of the disorderly, ugly, inexplicable organization of someone's living space.

2.2.1.4. Paroemia rules and guidelines for home maintenance

As I testify to paroemias, it is not enough to build a house – you need to keep it in order. **Housekeeping requires serious effort and time**: *The house is small, [and (yes)] does not order to lie (sit, sit, stand); Lead the house – do not shake your sleeve. He needs constant supervision (the House is looked after), and if you save efforts, then the owner will not have a good house: You always rest yourself, so you won't arrange a house, etc.*

Russian PU *negatively assess the behavior of people who do not keep order in the house* – *Woe to the one who lives in disorder in the house; A house is in order, sodom is in disorder; Without a garden, not a house, but a buldyr (a buldyr is ‘an uneven, bad place in a field, poor in vegetation’ [D.1: 142]).*

Chinese PU also contain *recommendations to keep the house in order, to clean*:

屋里屋外勤打扫 (*You should often clean inside and outside the house*); 房子靠打扫, 美人靠打扮 (*House depends on cleaning, beauty depends on dress*). This is not only about daily cleaning inside the house, but also about the repair of the entire building: 三年不经匠, 屋里走了样 (*Three years without repair, the house is out of shape*).

In the mind of Chinese speakers, ***keeping the house clean is good for health***: 无事勤扫屋, 强如上药铺 (*Cleaning the house in your free time is better than going to the pharmacy*). The paroemia also reflected an interesting Chinese tradition – before the New Year, clean the house of dust and “bad luck”, which helps people drive away evil spirits and prevent disasters, as well as attract good luck and happiness to the house (welcome to the house); to compare PU 腊月二十四, 掸尘扫房子 (*The twenty-fourth of December according to the lunar calendar is the day of dusting and sweeping the house*).

In the perception of Russians and Chinese, ***a sign of the order maintained in the house is the cleanliness of the floor***: *Wash the floors – do not spare your back; Who wash the floor, and we pour water; 扫地如清心* (*Sweep the floor like a clean heart*); 不动笤帚地不光 (*Do not use a broom – do not have a clean floor*); 客来扫地不算勤 (*If the host only sweeps the floor before the guests arrive, he cannot be called hardworking*). In a clean house, one could also sleep on the floor: *It is not a shame to sleep on the floor; In a shopless izba and on the floor you will lie down, etc.*

2.2.1.5. Expression in paroemia of a person’s relationship to dwelling

The dwelling is the most important part of the culture of the people, the condition of its existence. The house in which the family lives – often several generations – and everything that happens in it prepares the child for his future independent life. Numerous paroemias make it possible to get an idea of the value of a dwelling in the conceptual and linguistic pictures of the world⁸. One of the signs indicating the importance of the house is the attitude expressed towards it as a room included in the personal sphere of the subject (s). The dwelling itself is “a value as a property and a receptacle of values – family, love,

⁸ One of the indicative value parameters of the concept house is, according to E.V. Gerasimenko, the volume of the derivational nest of the lexeme, which includes 122 derivatives of the 1st, 2nd and 3rd steps [Gerasimenko 2014: 339].

comfort from the hearth, warmth, peace, kinship and closeness of generations, parents and children” [Pravovskaya 2012: 124].

When it comes to the fact that each person has some kind of dwelling, of course, it does not mean a specific type of house (building) – a *izba*, a *tower*, a *izba*, a *cave*, a *monastery*, a *corner*, etc., but a roof over the head, that is, a haven more or less permanent and habitable.

Although we have not found paroemias that directly, briefly and unambiguously express the idea that each person has his own dwelling – this is implied and supported by allegorical expressions – many sayings devoted to housing testify to this. The social status of the owner is not important – The rich build a house for themselves for years, and the poor for days, but a **house**, a **dwelling**, whether built in haste by a poor man or built in accordance with the special needs of a rich man and therefore **not quickly, should be for everyone**. The *izba* – a traditional peasant’s house – is designed specifically for living: *The izba smells of residential (living place, housing)*.

The house occupies an important place in the system of traditional values of Russians and Chinese, who need it in their daily lives. The dwelling is associated with the idea of comfort and warmth, of relaxation, of a friendly family and a friendly hostess. The presence of a dwelling is the norm of life, while the “homelessness” of a person is recognized as asocial, this is a violation of the rules and regulations of society [Ilyin 2005: 25]. Therefore, it is not surprising that the paroemias reflect the **idea of the need to cherish the house and love it**: *Look for good (tire) on the side, and love the house in the old days!* The house is perceived as a fulcrum in the life of a peasant family: *the house is the root, and the side is boasting. A dwelling of any quality is expensive: a yard, like a city, a izba, like a tower – a simple izba is no worse than a tower, and the yard is almost equal to the city.*

There are a lot of units in Russian pareemics emphasizing the **disregard for the quality of one’s dwelling** – its main advantage is the very fact of its presence: *Although a thin izba, but its own corner; Housing with an elbow, and living with a fingernail; Your corner – your space; Though the house is thin, but the roof is strong.* One should feel a sense of satisfaction precisely from what a person has: *What the izba is rich in is what*

makes it happy.

In the expression *Own izba – native womb*, the value of a dwelling is emphasized through the use of a paroemial clichéd fragment with evaluative semantics – to compare *native father* (*Buckwheat porridge is our mother, and rye bread is our father; Our mother is buckwheat porridge: it's not like pepper, it won't break through the stomach*).

Leave your home only when absolutely necessary. In PU *It is better to lose your home than to scold the rich*, the value of a home is emphasized through the expression of the idea of readiness to go to extreme measures – up to the loss of one's own home, in an effort to avoid unwanted conflict with the rich at any cost.

In the view of the Chinese, ***a house is a sign of material well-being***, therefore, according to the paroemia, a person must work, make efforts to protect, preserve his property: 猪困长肉, 人困卖屋 (*Pigs eat, sleep and get fat, and if a person sleeps and is lazy – his house is for sale, that is, he will lose his home – the most valuable thing he has*).

According to the prevailing ideas, ***a house building should be decent, solid in general, and not only look good externally*** (to compare the ironic *house is being built for the facade*), in other words, the contrast between the appearance of the dwelling and the possibility of living in it is emphasized: *It is red to look, but there is nowhere to live*. Boasting of imaginary well-being is also condemned by native speakers of the Russian language, when the state of the house does not confirm this: *Neither a stake, nor a yard, but chiseled ropes* (a rope is a 'pillar on which a gate leaf is hung' [Kuznetsov 1998: 119]), *lattice gateway – there is a discrepancy between individual details of the entire building* – the expression may be used to convict a liar or indicate unjustified waste. It should be noted that the idiom *neither a stake nor a yard*, which is included in a number of paroemias, indicates a person's lack of property and, first of all, his own home: *No stake, no ox, no village, no yard, no belly darling, no image to pray, no bread to choke, no knife than to stab*. The *yard* – according to the metonymic principle – is used as a nomination of the territory around the house and, thus, the house itself. The complete absence of property logically leads to the lack of meaning to live in such conditions. Compare also PU about the complete absence of what is necessary for life in a large dwelling: *In a large*

house, what you don't miss, that (all) is not. Interestingly, the variant replacement of one component significantly changes the meaning of the whole: on the one hand, PU can be understood as lamenting about a significant number of things and a large space that has to be examined in order to find them. On the other hand, it can be a playfully ironic assessment of a dwelling whose size and appearance contrast with the lack of interior decoration and poorly organized household.

In Chinese culture, *tang* 堂 and *shi* 室 are clearly distinguished, and there is an attitude that in a good house each of the rooms is light and spacious, therefore the ironic PU 亮堂屋, 黑卧房 (lit. *Tang is light, and shi is dark*) is based on the contrast of the impression produced a dwelling, since a tan is a place for receiving guests and its real state, that is, it's just about the appearance of well-being.

An old, dilapidated house is negatively evaluated in Russian paroemias: It is easier to throw a chip (throw) to an old house; Hold on to an old friend, and a new one at home, etc.

In addition to material well-being, the Chinese value *psychological comfort, peace*: PU 叹气一口, 宅低三尺 (*Sigh, the house is three feet lower*) advises to treat life positively, otherwise you can lose well-being and wealth – at home. And PU 心宽不在屋宽 (*Breadth of the heart does not depend on the size of the house*) indicates that not the most comfortable living conditions do not prevent a person from being kind-hearted and benevolent.

According to the beliefs of the Russian people, *a brownie lives in the house* – ‘a fabulous creature that lives in the house, an evil or good spirit of the house’ [OSh: 174], PU *I bought a house with brownies; A house is a house, and a brownie is a gift.* Slavic mythology attributed the brownie to the category of creatures that provide “normal family life, health of people and animals, fertility” [Slavic Antiquities.2: 120].

Dwelling requires constant costs and care – and this is in addition to other troubles and labor to provide for the family: *The house is a pit: you will never fill it; The house is small / but does not order to stand (lie down).* Therefore, the hint at the possibility of losing well-being in the house, and the house itself, is not at all accidental: *Let's reduce*

the house to one corner; The house is brought together so that a lock is not needed – since there will be nothing to lock; Let's put the house in a nutshell.

The condition of the dwelling and the well-being of the house depends on the owner. This is evidenced both by the deplorable state of abandoned houses in real life, and by numerous paroemias: *Without an owner, an orphan's house (orphans and widows)* – it is interesting how the system of family ties and human relations is applied to a dwelling. However, not only the fact of the presence of the owner determines the condition of the house, but also the order in the household indicates certain qualities of the owner of the house, his prudence: *The owner is kind – and the house is good; the owner is thin – and in the house too; Every house is good for a good owner (painted, famous), etc.* This is also said by paroemias that speak unflatteringly about bad housewives who do not take care of their home, which leads to its damage and ruin: *A thin uterus is a wrinkle throughout the house; Women's minds destroy houses; If the izba is crooked, the hostess is bad.* It is ***from the head of the family***, who is considered a man, that the ***longevity of the dwelling depends***: Every house has a big head.

The Chinese PU 房子、儿子、孙子，累死老子 (*House, son, grandson, tired old man*) has a philosophical meaning: on the one hand, it is an indication of the sequence of life stages and important priorities. On the other hand, it reflects the ***idea that a member of the older generation prepares a home for his descendants***, primarily for his son. This is also a kind of complaint that all these concerns, including building a house and maintaining it, are fraught with difficulties and cause a feeling of fatigue.

Every house is kept (standing) by the owner (hostess); The owner's house is great; Every house is mostly simple, and the pot is large (simple – in the meaning of heartfelt simplicity, cordiality); bolshak – ‘the main one in any team, the eldest in the house, in the family). PU *Not according to the house the master (owner), but the house according to the master (owner) says that the dwelling shows what kind of owner – good or bad – his owner is, that the house is good as much as its owner wants.* On the other hand, the paroemia admits another idea – It is not the owner's house that paints, but the owner's house – that perhaps the house itself is not so important, whatever it may be, namely the owner, his hospitality and attention.

The Chinese PU 家无主，屋倒竖 also notes the importance of the owner for the house: “When there is no owner at home, everything in the house is upside down.” This PE refers to paroemias that encourage you to take care of the household.

Paroemias that mention female representatives speak more about housekeeping than about maintaining a home, since it was women who were mainly engaged in household chores – this is also indicated by the PU *A man and a dog in the yard, and a woman and a cat in a izba. A woman who does not do housework, which leads to a loss of well-being, receives a negative assessment* in the PU: *A good wife will save the house, and a thin one will shake it with her sleeve*. The Chinese equivalent is 懒媳妇爱打扮自己，勤媳妇爱打扫屋子 (*A lazy wife likes to dress up, a diligent wife likes to clean the house*).

In Russian paroemias related to the home, the conceptual opposition “one’s own – someone else’s” is widely represented, participating in the expression of cultural attitudes. *Own dwelling*, being the main household space familiar to a person, appears in PU as *closer and dearer to his heart: His own izba, like a dear girlfriend; Own izba – native uterus, etc.*

Own home is not only the walls and roof of a residential building, it also *provides a sense of freedom of choice, action and independence* – *Nobody knows in your home; Your house – your space; In my house, I turn what I want; Every master in his house is great; Everyone reigns in his house, etc.* In PU, an evaluative word is used to draw attention to the positive assessment of his house – *It is good for him who is in his house.*

In PU, the setting “*Own house is preferable to someone else’s*” is expressed: *To each his own house is better than someone else’s; Away is good, but home is better, etc.*

In the houses of other people, you *need to follow the rules of the owners*, limiting your own freedom, *not following your habits* (*In a strange house they don’t indicate; In a strange house you won’t fall out of love; In a strange house, the will is not one’s own; In a strange house – not the owner, etc.*). and *do not make critical remarks* (*In a strange house, do not be picky, but be friendly*). PU *negatively assess the stay, and especially living in someone else’s house: It’s bad for someone who lives in someone else’s house.*

An interesting possible reading of the paroemia *Your home is not someone else’s:*

you won't leave it – according to the logic of constructing a PU of this type, its following meaning is possible: “there is no need to leave it” or “alas, you can't leave it – there is nowhere”. Here, the semantic indeterminacy of the paroemia is clearly visible, allowing its interpretation from different angles.

In paroemias *In people Ilya, and at home a pig; The people of Ananya, the house of a scumbag*, reflect the fact that a person behaves differently in people and at home, allowing the ***negative aspects of his character to manifest in his personal space***.

The living space is the place of the main pastime. Private life takes place here, and, according to the Chinese PU, ***the interference of strangers is unacceptable***: 各家自扫门前雪，莫管他家屋上霜 (*Every family sweeps the snow at their gates, do not touch someone else's frost-covered house*).

Since the whole family lived in the house – sometimes very large, spanning several generations, to compare Chinese 大家住大房 (*A large family lives in a big house*), the perception of ***the house as a symbol of the family*** is reflected in Russian and Chinese PU. family members – between husband and wife (*You can't bring the house down with Zhenya's good; Without a husband, the head is not covered, without a wife the house is not covered; When you get married sooner, it will be more difficult in the house, etc.*), parents and children: *The izba is fun for children; A house without children – a grave, a house with children – a market*; 家无子女房空 (*There are no children in the house – the house is empty*).

Paroemias verbalize the idea that ***every house (and family) has its own problems*** (*Each izba has its own poor people*), ***should not devote outsiders to them in order to avoid unwanted gossip***: *Do not take rubbish out of the izba, so there will be less nonsense; Litter is not carried from izba to izba*. Compare Chinese 家丑不可外扬 (*Family troubles cannot be spread outside the home*). In the Chinese PU 一人有福，带挈一屋 (*If one person is lucky, he can benefit the whole house*), the word 屋 (house) here refers to the whole family living in the house.

The most common Russian PU about a izba is the expression *Not a izba is red with corners, but red with pies*: the assessment of a house is determined not only by its

decoration and other signs of well-being, but also by how hospitable the owner is. *Pies* are a very popular unit of the food code in Russian paroemias, serving here as a symbol of the hospitality and skills of the hostess. PU can also serve as a kind of apology for the mediocrity of the master's home and at the same time – inviting guests to the table.

House, izba, khata symbolize, in particular, *hospitality*; to compare: *The guest is in the house, and God is in the house; Your house, yours and guests; We ask for a izba: a red place for a red guest*, etc. In the view of the bearers of Chinese culture, inviting noble guests to oneself will bring good luck to the house – 贵人上宅，柴长三千，米长八百 (*A noble husband comes to the house, firewood grows up to three meters in length, and rice – up to eight hundred katti*). The image of a noble husband was interpreted by Confucius as an image of a person who is guided in his actions not by personal gain, but by the public good, a sense of duty and philanthropy (see more about this: [Confucius “Lun Yu”: 1998]).

Thus, the stability of the image of the house is manifested in the PU: the above paroemias speak of the importance for the bearers of the culture of the house as a symbol of security, freedom, sustainability, prosperity, family and hospitality.

2.2.1.6. Paroemias with components-denominations of premises of a residential building

A village house typical of Russia consisted of a room heated by a stove and a cold seni.

SENI

The seni served as a kind of vestibule between the street and a warm room and had an economic purpose; compare a riddle about the doors that opened from the izba to the seni: *Through the seni, this way and that, but no way into the izba; He walks in the seni, but does not go into the izba.*

PU *Married in the seni, but fell under the seni* verbalizes the idea of an unsuccessful marriage, since the seni, being part of the house, is considered as ***an indicator of the material wealth of a man***. On the other hand, the seni is a utility room, opposed to the living quarters of the izba, its “over-the- seni”, clean, warm part. PU therefore also indicates the attitude towards a married woman who finds herself in an unenviable

position.

The interior arrangement of the izba was simple and functional. As described in the encyclopedia “Russian izba”, the main space of the izba was allocated for an oven, which was located at the entrance, to the right or left of the doors. This is an *oven corner* – a place that was interpreted as dark, unclean and opposed to the opposite, clean.

Above the table, standing in the corner, diagonally from the stove, there was a goddess with icons. This part of the izba – the *front corner*, the *red corner* – was considered clean, “front”. “Motive benches ran along the walls, above them there were shelves cut into the walls. In the back of the izba, from the stove to the wall under the ceiling, a wooden flooring was arranged – a bed. All “this immovable atmosphere of the izba was built by carpenters together with the house and was called a mansion outfit” [Russkaya izba 1999: 9]. Thus, village izbas were built almost according to one generally accepted and time-tested pattern. Furniture, utensils and other decorations of the house were mobile, which, together with the fixed outfit, formed a single whole, which constituted “a whole world for the peasant” [ibid.].

RED CORNER

The *red corner* is “the central place in the house of an Orthodox Christian” [Bezrukova 2000: 166]. Icons are placed here, they communicate with *God sit in a corner so that the devil does not drag away*, therefore PU warns that an unholy deed cannot be done in a izba: *Divination is not threshing: the izba is not red for her*.

The red corner is intended for guests of honor [Mikhelson 1912: 37] – *They accept, take both hands and put them in the red corner*. In paroemias, the value of the red corner and the significance of the received guest are brought into line, which is accentuated by a number of positive evaluative words – *kind, smart, red: A kind person is put in a red corner; A smart man is put in a red corner for honor, a fool for laughter; The red corner is for the red guest, etc.*

GORNITSA

About the temperature in the gornitsa, compared with the temperature of the outside world (in the street, in the yard), “regulated” by God, they say PU *Our gornitsa does not argue with God (does not argue): it’s warm in the yard, and it’s warm in our place; <it’s*

cold outside, and it's the same with us>; The bright gornitsa does not argue with God: it is warm in the yard, and it is hot in it; My room with the street is not a dispute: it's cold outside, I have frostbite. These PUs can also act as an expression of agreement with the general opinion, to which the speaker joins. The explanation of the temperature correspondence of the gornitsa to the street/yard reflected in the PU can be a comment of a specialist on the structure of a traditional izba: the gornitsa is “the front half of a peasant house, usually unheated, connected by a passage with a warm living room” [Pluzhnikov 2011]⁹ .

The gornitsa is a place for receiving guests, as evidenced by the placement of PE *Go to the izba, go to the gornitsa; The izba went along the gornitsa*, the seni along the floor in the “Paroemias of the Russian people” in the section “Guest – hospitality”: they talk about revelry, fun in the event of receiving guests.

KLET', PODKLET', CHULAN

A chulan, a rlet', a porklet' are also important components of the Russian traditional dwelling.

Klet', porklet' – these are the rooms where supplies are stored, this is a *place for storage*. It is not visible to those staying in the main room of the izba, therefore, *ideas about the loss, theft of someone else's good* are realized in the PU. They contain a negative assessment of thieves' behavior – *I did not steal, but found – in someone else's klet'; From whom they stole in the klet', and to us – with a notch; I went into a strange klet' to sing a prayer service; Inadvertently got into the klet', but accidentally picked up an armful*. The klet' is a sign of the prosperity of the house – *A drunkard has seven klet', and oversleep – one wattle fence*, that is,, according to the drunk, he has a lot of everything, but in reality there is nothing. The idea of inconsistency between the content of the speeches of a drunk and the real state of affairs is a motive that is also implemented in other PUs: *The drunken sea is knee-deep, and the puddle is up to the ears. How to oversleep – and the pig is afraid*.

⁹ About the fact that the upper room is a cold room with small windows and a floor raised above the floor of the main hut, in the basement: it “connects directly with the cook and, like her, is given to the women in full possession” [Krasovsky 1916]

The *proximity of the crate to the main living space* is indicated in jokingly ironic PUs, emphasizing the unreasonably long absence of the hostess and, perhaps, her inability or stupidity: *She went into the crate for oil, and went out in the oven; The cage did not open, but the young woman was lost.*

As part of paroemias, the words *gornitsa, seni and chulan* are not necessarily used in their dictionary meaning, they acquire new interpretations and often *serve as synonyms for the words house, izba*: Whoever praises the gornitsa praises the janitor (the housekeeper is the mistress of the house [D.1: 435]), that is, “He who praises the house, he, in fact, praises the hostess.” PU *What is the janitor, such is the gornitsa* indicates the dependence of order and cleanliness in the house on the promptness and efforts of the hostess; expression can serve as both praise and blame.

Do not put our porch in a buldy, put it in a high tower (a *buldy* is similar to a wasteland, this is how they call an empty place with poor quality soil) – this is probably how a proud owner of his house can say about his house. To compare see also: *Our gornitsa feeds on this; The seni is slanting, and the people are barefoot.*

It is no coincidence that a *chulan* is called a second home – a lot of temporarily unclaimed things are stored there that should not be kept in a residential area: *Chulan – a second home (another izba), etc.*

TAN

One of *the most significant and indispensable rooms* in a Chinese home is the hall called 堂 (tang). The PU confirms the idea of the tang as the *central room in the Chinese house, symbolizing the whole house* – 安居不用架高堂 (*To live peacefully, one does not need to build a high tang*). *Tang is a place for receiving guests* – 将入堂，声必扬 (Before entering the tang, the guest must make a sound to inform the owner about this – to make himself known). *Tang reflects the wealth of the owner* – 穷人家看灶堂，财主家看厅堂 (*Look at the kitchen in the house of the poor, look at the tang in the house of the rich*). *The quality of the tang is associated with the prestige of the family* – 不登大雅之堂 (*Do not rise to the tang in a high style*), not be included in high society; it also speaks of something not worthy of being classified in the realm of real art.

On the table in the tan there are memorial tablets (牌位) with the name and title of a saint or an ancestor for worship. Important ceremonies are carried out in the tang – for example, a wedding – 新人拜堂拜正堂 (*The bride and groom must bow in the main tang*). Tan also symbolizes the state of marriage, family relations of husband and wife; Compare PU 糟糠妻不下堂 (*A wife who shares hardships with her husband should not leave the tan*) – that is, the husband should not abandon (drive out of the thane) his wife, who, along with him, endured disasters and grief.

SHI

Another room in a Chinese dwelling – 室 (shi) – is an inner room for rest and sleep, like a bedroom, remote from prying eyes, which is reflected in PU 君子不欺暗室 (*A person of high moral character does not deceive even in dark shi*) – performance of shi, closely associated with the adjective dark, is associated with a person's personal space. 暗室 (*dark shi*) means 'in secret': 暗室亏心，神目如电 (*A bad deed done in shi is clearly visible to God*) – Rus. analog: *You hide from people, but you cannot hide from God*. The expression *dark shi* in PU also has a negative connotation, it can **be interpreted as 'dishonest'**: 明以照暗室，理以照人心 (*Light can illuminate dark shi, truth can illuminate a person's heart*), that is, the truth can reveal dishonesty, the truth can illuminate the mind of a person.

Being a personal space in the house, an integral part of the life of any person, **shi** in PU **symbolizes the family**. To compare PU about the desire to start a family – 男子生而愿为之有室，女子生而愿为之有家 (*A man is born with a desire to have shi (that is, marry), a woman is born with a desire to have a family*); 男儿无妻不成家，女儿无夫不成室 (*A man without a wife cannot start a family, a woman without a husband cannot have a shi*).

In the PU 筑室道旁，三年不成 (*Build shi next to the road, three years impossible to complete*), the lexeme shi expands its meaning and functions as a nomination for the building as a whole.

2.2.1.7. *Paroemias with components-denominations of the courtyard and outbuildings in Russian and Chinese languages*

YARD

The traditional peasant dwelling in Russia and China includes not only the house, but also the territory adjacent to the house – the yard. In the minds of the Russian people, the courtyard is interpreted as “part of the residential, developed space”, and also has the meaning of “house”, “izba”, “family” [Slavic Antiquities.2: 31]. To compare: *Yard, like a city, izba, like a tower; Whose yard, that mansion; Yard/house on site, gate on exit; Do not buy a yard (house), but buy a neighbor; Was at the courtyard, drank water better than enemy honey, etc.*

Chinese PU 大家住大院 (*Large family lives in a large courtyard*); 院里/家里没有梧桐树, 别盼凤凰往家落 (*There is no wutong tree in the yard / house, don't expect the phoenix to fly to your house*). The wutong tree is a Chinese umbrella tree where, according to myths, the phoenix lives. The variability of the house and yard components indicates that the concept of “yard” also implies the inclusion of “house”, and vice versa.

In the “Dictionary of Russian Folk Dialects”, a yard is a ‘house, as well as a family living in it; family economy’ [SRNG 1972: 294]. To compare PU, where the **yard is perceived as the entire area around the house** (*In someone else's yard, even a goose seems like a chicken; Do not point your finger at someone else's yard, they would not point at your yard with a pitchfork*). **The household in the yard also includes buildings** – traditionally wooden, because it is they who can burn in the situation presented in PU *When the comrades' yard is on fire, it makes sense and about their own.*

The yard encloses the space that belongs to the owner of the house and his family, therefore, the paroemias reflect the perception of the yard in a metonymic sense – ‘everyone who inhabits the yard, family, owners’: *Every yard sweep its rubbish; Every yard sweep your rubbish; Let's leave with the whole yard, in chorus, and support the house with a stake, etc.*

The paroemias with the *yard* component continue **the opposition of one's own and the alien**, noted in the PU with the components – the names of the dwelling: *Hang yourself wherever you want, if only not in our yard; What is taken from someone else's*

yard, but brought into your own gates, as if stolen?

The paroemias also emphasize the advantages of their own **yard, which provides not only protection, but also a sense of freedom** that makes any of its inhabitants bold: *In its yard, even a chicken (sliver) beats; In its yard, even a chip beats, etc.*

Despite the fact that the concepts of “house” and “yard” often act as one, approaching the idea of the family and the whole economy, paroemias also show the boundaries of the yard and the house. **In relation to the house, the yard is an “outer” circle**, which is emphasized in the PU, showing the **relationship between natural changes and temperature in the house** (*Drops are dripping in the yard, windows are fogged up in the house; Drops are in the yard, so we have warm*) or, conversely, **observed differences between the living quarters and the space around it**: *It is light in the izba, but in the yard it is lighter than that; There was a Maslenitsa near the yard, but I didn't go into the izba.*

In PU, observations are also noted regarding the way of everyday life of a peasant family. **Women are busy with household chores in the house, and men work in the yard**: *A man and a dog are always in the yard, and a woman and a cat are always in the izba.* The yard also acts as a **place for carrying out some works of the agricultural cycle**: *It threshes in the yard, but it doesn't thresh in the izba.* In addition, the yard delimits the house from the “outside world” – *The izba is strong with constipation, and the yard is a fence* and protects from external dangerous forces: *Give it to the doorway, but don't let it into the yard, etc.*

The main function of the **yard as a place for animals and livestock** is also confirmed in PU: *An extra cow in the yard is an extra strip in the field; From a hundred households – a herd of cows; In two yards, the dog will soon die, etc.* PU *There are a lot of cattle in the yard: three dogs, two cats* jokingly plays up the situation when instead of cattle, the poor have only cats and dogs in the yard.

The yard, or rather, the property placed on it (cattle, buildings, etc.) – acts as **an indicator of the material condition of the owner**: *The rich yard has a belly (that is., property), and the poor have a izba; It's not red for the poor to marry, it's not red in the yard* – “The poor have little to be an enviable groom”; playful *We live richly – it slopes*

from the yard; *The yard is large, but there is no one to live with*, etc. *The gates to the boyar yard are wide, but narrow from the yard* – that is, of that (much) that goes to the rich man, little leaves him; probably, we are talking about the fact that his wealth is increasing.

The absence of property in the yard is also a sign of the owner's laziness: A lazy person has everything in the yard, then on the table. This can also serve as an excuse for not wanting to deal with the worries of running a large household: *Less in the yard, less in the head; Less good in the yard – easier on the head.*

In Russian PUs with the yard component, there are repeated binary pairs connecting two rhyming words “yard – thief” – *What is a yard, then a thief; And the yard, and the thief, and the forest, and the demon; Yard and thief, but a good man; He sentenced me to his yard, but the thief came out; Take something from someone else's yard – and others will be called a thief* – and, probably, not by chance: it is more difficult to steal from a house than from a yard.

According to Chinese traditions, ***the presence of trees in the yard guarantees the well-being and prosperity of the house and its owners.*** This is due to “feng shui” – ideas about how and where the individual elements of the house and yard should be located¹⁰: 院中有五树，子孙一直富 (*There are five trees in the yard, and descendants are always rich*); five trees – peach tree, cinnamon tree, pomegranate tree, wutong tree (date palm) and Chinese sophora, which provide “longevity, wealth, numerous offspring, family well-being and good health” [Ma Zhen 2018: 36].

In Chinese PU, the size of the yard is mentioned: ***it is preferable to have a large yard***, so a small yard is ridiculed in the PU 庭院里跑不出千里马 (*A thousand-horse horse cannot run in the yard*); a small yard becomes a metaphor for small opportunities, limitations that prevent a capable (promising) person from growing. On the other hand, in the PU 院虽小，憋不破；院虽大，没人坐 (*Although the courtyard is small, it can accommodate many people; although the courtyard is large, there is no one in it*)

¹⁰ “According to the Chinese feng shui geomancy, different plants affect the happy family trend in different ways, so there are certain requirements and restrictions on the placement, type and color of plants in the house” [Wang Zhen 2009:68].

emphasizes *the advantage of a small courtyard, but in the presence of a large family*; and a rich man's large court does not guarantee the presence of descendants.

FENCE

*The boundaries of the yard are outlined by a fence – The izba is strong with constipation, and the yard with a fence; Where there is a fence, there is a yard; where there is a gap, there is a bed; 宁可菜园荒，不可篱笆倒 (Better to have an abandoned yard than a fallen fence), etc. Russian and Chinese PU reflect the idea of the **purpose of the fence to delimit the yard from the outside world and protect** it – *Where there is a fence, there is a thief; The fence is high – you won't see; Be friends with your neighbor, and fence the city; Without a fence and without constipation, you will not leave (you will not be saved) from a thief; 篱笆扎得紧，野狗钻不进 (The fence is so tight that wild dogs cannot get inside), etc.**

In Chinese proverbs, the fence not only ensures the safety of the yard and home, but this image allows you to metaphorically emphasize **the need for care and precaution** during work (any activity): inconsistencies in words, actions, methods, etc., give enemies the opportunity to take advantage of these blunders as a weakness; to compare also: 篱笆扎得松，野狗钻窟窿 (*The fence is shattered and wild dogs dig holes under it*); 篱笆低处人易越 (*The fence in its low part is easy for anyone to jump over*), etc.

Chinese PU 有好篱笆才有好邻居 (*Only with good fences can you have good neighbors*) indicates the need to have clear territorial boundaries and stipulated responsibilities and restrictions, which contributes to the formation of good relations between neighbors, this PU can also metaphorically indicate the need for a clear separation work and responsibilities between colleagues.

Russian PU *Do not sit under someone else's fence* can be perceived in two ways: on the one hand, everyone has their own fence, their own space, there is no need to create inconvenience to others and cause some suspicion. On the other hand, PU advises not to do what will be in vain.

The idea of the importance of the team is also reflected in the PU with the fence component – 一个好汉也要三个帮，一个篱笆也要三个桩 (*A great man needs three*

helpers, a fence needs three stakes).

OVIN

Ovin, ambar and khlev as the main Russian outbuildings, which are of great economic importance, are widely represented in the paremics of the Russian language. The *ovin* is a necessary part of the complex and ***serves for drying sheaves, threshing grain***: PU *There is nothing better than expressing joy in front of a ovin and with a threshing machine* that the threshing machine has a use, that is, there is a harvest and in the future – the opportunity to feed a family. PU *For a reminder, as if a sheaf on a ovin* reflects a close connection between a sheaf and a ovin, but hints at the timeliness and appropriateness of the appearance of a person who was talked about and in whom there is a need.

Traditional ovinns consist of two-tier log cabins with a gable roof. Sheaves were placed (planted) on special poles (grids) on the upper tier of the ovin. The lower tier “served as a source of heat and was equipped with a stove without a chimney” [Bazhenova 2019: 45]. The PU reflects the ***idea of the fire hazard of the ovin***: *The ovin burns, and the owner screams; The ovin burns, creates sorrow for the master; The ovin burned between the eyes, and the smoke was gone; The ovin burned out, and the blind overlooked,* etc. PU with concessive relations and an alliance, although (at least) expresses the idea of the need to observe the traditional procedure under any – even the most undesirable – circumstances: *Although the ovin burns and the beer brews; Though the sheep burn, but feed the threshers,* etc.

AMBAR

The ambar is intended for storing grain after threshing: *What you grind, then you put in the ambar; In the ambar for flour, and in the banya for a stick,* etc. The fullness or emptiness of the ambar becomes a metaphor for the effectiveness of agricultural labor: *If you fertilize thickly, the ambar will not be empty.* This is also reflected in the PU *Early sowing to late in the ambar (in the bins) does not go; For nothing – only behind the ambar* is used when they want to respond positively about their attitude to hard work. To compare Chinese analogue of PU 一籽下地，万籽归仓 (*One seed is sown in the ground, and ten thousand seeds are returned to the ambar*). In PU, a full ambar symbolizes the harvest

and prosperity of life: *It would be in the ambar, it will be in your pocket; What is in the ambar, such is in the pocket.*

The Chinese PU reflected the associative connection of the ambar with mice: 老鼠看仓, 看个精光 (*The mouse guards the ambar, and the ambar is empty*) – about a situation when an important task is entrusted and entrusted to a person stealing in his responsible position. In PU 贼人安的贼心肠, 老鼠找的米粮仓 – *A thief has a criminal heart, like a mouse looking for a rice ambar* – the mouse threatens the contents of the ambar, which symbolizes material wealth.

Paremia *On which ambar snow, in that (from that) and buy bread* indicates the sign that the peasants were guided in life: grain must be bought from a specific ambar in which it will be dry; this is indicated by the snow remaining on the roof, which melts rather quickly over the rotten bread [BSRP: 18].

KHLEV

PE *In someone else's khlev, sheep are not counted*, not only indicates that the **khlev is a special room in the yard for livestock** (to compare consider property in someone else's house. In Russian, **a low-quality dwelling is also called a khlev**, you can learn about this from the ironic PU *Chop a khlev – take a fool, and chop a izba – take a rubak* (a *rubak* is a good carpenter). PU *Lives in a khlev, but coughs like a maid* describes a person who imitates the rich – in the absence of grounds for this, since he lives in an unsuitable room for living.

BANYA

Another important building in the local area is a banya, although paroemias, as a rule, do not distinguish between a domestic, personal, and public banya – to compare: *And in the banya there are not without good people; In the tavern and the banya all the nobles.*

A *banya* is both a room (structure) specially designed for washing and steaming, and the whole complex of actions carried out in it (washing the body, etc.). For us, the first of the meanings is more important, since we are talking about buildings in the courtyard.

The banya in the Russian mind is of great importance (*Banya is the second mother;*

Without the banya, we would all be lost): it was available in many households and served various utilitarian purposes, which is noted in Russian paroemias. A banya is not only a **room for cleansing the body from dirt using hot water** (*I will go to the banya black, I will leave the banya red*), but also **a place visited to improve health, to treat diseases**: *The banya is good for many diseases; A Russian person that soars, then rules (heals) – about the banya; The banya is healthy, the conversation is fun.*

According to the Russian bathing culture, **in the bath, not so much washed as steamed** – sometimes there was a special room for this – a steam room, a steam room. Steaming is a necessary element of the whole procedure: *A banya without steam is like cabbage soup without fat; Go to the banya – do not be afraid of a couple; In the banya, parko, but not varco, etc.* For this, hot steam was needed, which had a healing function: *A banya without steam, like cabbage soup without fat; In the banya, the park gets along and strokes.* To compare also: *Hot steam will heal any ailment; Fragrant steam not only heals the body, but also the soul; Steam doesn't break bones.*

At the same time, a **broom was an obligatory and important attribute**, which is expressed in paroemias in a variety of ways: *A broom in a banya is the head of everything; Without a broom, the banya does not soar, and the steam does not fry; A broom in the banya is the boss over everyone.* Preferential structures and comparative constructions are used in PU: *Brooms for a banya, like butter for porridge; In the banya, a broom is more expensive than money. A banya without a broom is like a samovar without a pipe.*

In the spiritual culture of the Russian people, an **invitation by the host to a guest to visit the hosts' home banya is considered a manifestation of cordiality**, hospitality: *He gave drink, fed and put him to bed, and took him to the banya.* There is also a special form of gratitude for the banya: *On soap, whitewash, on a silk broom, raspberry steam.*

On the other hand, the meaning of individual PUs confirms the inconsistency characteristic of paroemias. So, according to PU *In the banya you often take a steam banya – rather you grow old, the steam not only heals, but also harms the human body.* Bathing can be life-threatening; to compare: *Not far from the banya to the graves; I went to the banya on my feet, and from the banya on firewood* – the commentary to PU uses the verb “fueled”, that is, the consequences of too high a temperature and a long stay in

the banya turned out to be too severe for a person.

A visit to the banya gives Russians physical and mental pleasure – A banya broom amuses the soul and the body undead; I washed in the banya, as I was born again.

In the banya, the sins of a person can also be washed away – the Banya will wash away all sins.

A visit to the banya was also included in wedding customs and was associated with signs: *So that the young man does not beat his wife, do not beat the firebrand with a stick in the banya (omen); On the hands, and in the banya (after deciding to marry the young), etc.*

In Chinese PUs, as we have already mentioned, the *banya* component is not found.

2.2.2. Images of residential buildings in paroemias as carriers of ethno-marked symbolic and evaluative meanings

When working on this section, which is devoted to identifying value-oriented cultural attitudes implemented in PU with components-names of a dwelling, materials from a published article are used: [Seliverstova, Wang Yixuan 2021]

In this paragraph, we proceed from the fact that among the lexical nominations of dwelling in Russian and Chinese, a significant number of evaluative words are found: Rus. *palaty, khoromy, dvorets, khizhina, khibara, ugol*, etc.; Chinese 厦, 殿, 茅屋, 草屋, etc. Dwelling nominations are often evaluative not only in and of themselves, but, being included in the composition of PU, they introduce an evaluative sound into the semantics of Russian and Chinese PU, which reflect the different attitude of a person to material and spiritual life, to social phenomena – and even their philosophical understanding.

A view at the PU with components-names of a dwelling from the standpoint of their appraisal potential is promising, since the image of a dwelling, in the totality of ideas about its appearance, internal structure and purpose as a whole, is evidence of the material well-being / disadvantage of the owner and his family, their wealth or poverty, and serves in PU as evidence of the attitude of speakers to property, the scale of values of native speakers of the language and culture. The analysis is aimed at revealing the ideological originality of paroemias and the value perception of the dwelling by the bearers of two cultures.

As the analyzed material shows, the names of dwellings in the PU can be conditionally divided into 3 categories: some components are called residential buildings that are available only to rich people (*khoromy*, *palaty* and *terem*); others, on the contrary, call the dwelling of the poor – wretched, in poor condition (*khizhina*, *corner*, etc.); the third – mainly these are the components of a *house*, a *izba*, a *khata* – are often neutral, that is, they are devoid of signs indicating the material wealth of their owner. Let us turn to the units containing the nominations of the buildings of the rich and the poor, and the ideas expressed by them.

The idea of social inequality, the emphasis on the contrast of fundamentally different opportunities, states and interests of different people, is also realized using images of residential buildings (to compare irony. *And our cabbage soup is not salty, and your pearls are too small*). **Rich housing** is not available to everyone, it is **incomparable with the housing of the poor**, contrasts with him, **causing a feeling of discontent, envy, a sense of injustice**: *The boyars' chambers are red, and the peasants have a izba on their side*. According to O.M. Mysenko, someone else's wealth causes "pathological rejection, envy", a distrustful and ironic attitude, since "you cannot earn wealth in an honest way"¹¹ [Mysenko 2011: 161]. To compare: *To whom are new mansions, but my corners have rotted away*.

The idea of the incompatibility of the housing of the rich and the poor is also continued by the PU with the Stroganov component (note 3): *He applied the izba to the Stroganov yard; He applied the dog kennel to the Stroganov court*. Apply – 'compare' [TSZHVYa. 3: 427]. Incomparable are the *Stroganov Yard* – the palace, the mansion of one of the richest people in Russia¹² – and the *doghouse* – the name of the dwelling, marked by an expressive evaluation component. To compare formed according to the same PU model with the idea of incomparability of buildings of different heights: *He*

¹¹ It is impossible not to notice that we have not found a single proverb in which a rich man would boast of his dwelling, or units, positively, i.e. without irony and contriteness, evaluating chambers or mansions.

¹² The Stroganovs occupied a unique place in the history and culture of Russia. Throughout their history, the Stroganovs "were the backbone of state power, the largest financiers of the Russian government" [Kuptsov 2005: 4] and very rich people who owned, in particular, the salt industry. In St. Petersburg, the merchant Stroganov owned a mansion on Nevsky Prospekt.

applied his tower to Ivan the Great!

On the one hand, the immutability of the contrast in the conditions of existence and property of the haves and the have-nots seems logical. So, in the PU *Moshnyakov's mansions uphill, the poor crawling downhill* indicates the **growth of financial opportunities of the wealthy and the stable deterioration of the home of the poor** (Moshnyakovs from the word *moshna* – ‘1. outdated. Money bag; purse. 2. transl. coll. Money, wealth’) [SRYA.2: 306]. The *uphill shape* here can have both a direct meaning associated with the height of the building (the idea of a mansion excludes, as a rule, a low building), and a figurative one that actualizes the semantics of ‘improvement’ (to compare.: *Things went uphill*), which is also relevant in relation to homeowner.

On the other hand, through the contrast of images of good housing and wretched housing, the **idea of a possible fall, a decrease in the living standards of those who previously lived comfortably is realized: From a box to crumbs, from a tower to a ovin**. The symbol of life’s well-being is verbalized in this PU twice – by the image of a filled box, opposed to the remains, crumbs, and a tower (‘1. A tall – boyar or princely – house in the form of a tower’ [Efremova 2000: 764]), contrasting with the “service” building – a *ovin* not intended for habitation: it is ‘a building for drying sheaves before threshing’ [OS: 442].

The quality factor of the residential building, emphasized by the definitions *boyar, new, stone (native izba is nicer than stone chambers)* increases the distance between inaccessible rich housing and one’s own – very mediocre. However, **its inhabited place is still closer to its owner and is of value to him**.

The Chinese paroemia also illustrates the idea of a **possible loss of social status and material position of the rich**: 富贵无三辈 (*Wealth cannot last three generations*); 朱门生饿殍, 白屋出公卿 (*Children from houses with red doors will starve to death, and younger generations of families living in white houses will become high-ranking officials*). In the literal sense, two types of buildings are opposed here: the Chinese have 朱门 – red gates – are interpreted as a symbol of a rich house, a noble, wealthy, prosperous family, which causes rejection among the poor.

白屋 – white house, that is, unpainted, trans. ‘the house of a poor, beggar man’;

ordinary people live in a building without color decoration and decorations. This may also apply to the displacement of members of rich families by people from poor families. PU allows an interpretation that emphasizes the behavior of people – representatives of families of different material wealth, which entails significantly different perspectives: ‘Wealth often makes people idle, lazy, spenders (there is no need to earn a living)’, and this is assessed negatively, and ‘poverty makes people thrifty, hardworking, which is a positive result (to compare Rus. *Poverty teaches, but wealth spoils; There is a lot of money, but little mind*). The idea of success, achieved by hard work and determination, is widely represented in Russian PUs: *The rich – for money, and the poor – for inventions; Who is not lazy to plow, he will soon be rich*.

The rich are not always exceptionally prosperous, they have their problems, while the life of the poor has its joys, its advantages, which can serve as a consolation to the poor. To compare Russian PU *The rich also cry; The rich man eats sweetly, but sleeps badly; And without gold they live in joy*.

The proverbs also present the universal idea of ***denying the importance of wealth***, which is characteristic of the Russian and Chinese mentality, ***as opposed to other values*** (to compare Rus. *What is the treasure when the family is in harmony*) – health, peace of mind, family harmony, etc.: *A healthy beggar is richer than a sick king*; Chinese. 健康比黄金珍贵 (*Health is more valuable than gold*). In Chinese PUs, the importance of health is emphasized especially often: 有钱难买一身安 (*lit. hard to buy a healthy body with money*); 财主再富汤浇雪, 穷人虽穷硬如铁 (*The rich are rich but brittle like snow poured with hot water, while the poor are poor but hard as iron*); 贫居白屋灾须少, 富住朱门病也多 (*Poor people live in a white house but have fewer problems, rich people live in a mansions with red gates but suffer more from disease*). Indirectly, the idea of hardening of the poor by the difficulties of life, their steadfastness is also expressed here. To compare Chinese rich man’s fears about the fate of his descendants: 不愿金玉富, 但愿子孙贤 (*I don’t want to be rich and have a lot of gold and jade, but only hope that my children and grandchildren will be virtuous and capable*).

PU *Although the mansions are cheerful, but not painfully healthy*, it seems to us

that they can be considered in two aspects: it is possible to indicate problems with the structure itself, which probably needs to be repaired, although outwardly this is not always noticeable. On the other hand, the irony that sounds in PU may concern the way of life of the rich, not approved by the speakers, who pay insufficient attention to existing problems, including health. It's not enough to be rich – it's more important to be healthy.

It is interesting to show the material condition of the owner of the house due to the emphasis on the features of the windows: *where the windows are glass, here the inhabitants are vetlyany* (cheerful, friendly). *Peritoneal fenestra* – ‘covered with a film of processed bovine entrails’; although you could barely see through them, they allowed you to keep warm. Glass windows were not accessible to everyone, and therefore they are seen as a sign of wealth, and with it – the basis for fun.

The absence of decent housing (that is, tangible material wealth) is not, according to many Russian paroemias, a depressing circumstance that deprives a person of hope and joy. It is no coincidence that the idea of a dwelling is verbalized in PUs that affirm the priority of good relationships, love and harmony. The Russian PU *With a sweet paradise and in a izba* about ***the preference for love, the location of the opportunity to live in a rich house of a wealthy, but “unlovable” person***, is also common now. To compare expressions close in meaning: *Even if you live in a forest izba, but be with your loved one; (Without you) the tower is empty*, etc.

The Chinese PU recommends that a girl “*marry a man for love (for an equal), and not for a man's mansion*”: 会嫁嫁对头, 不会嫁嫁门楼. The mansion component symbolizes the wealth and high social status of a person.

The theme of ***preferring a different type of values – a feeling of satiety, a sufficient amount of food – compared to a rich (quality) housing*** is continued by PU. *Like not a piece of bread, so longing [takes] in the tower, and like a land of bread, and under the Christmas tree – paradise. The chamber is white, and without bread there is trouble in it. And a good house is not sweet to the hungry: The chamber of goodness, but without bread, is rotten.*

In Chinese PU, a rich house is compared on a scale of values with a fish head – Xie Yu (one of the delicious Chinese dishes): 宁去累世宅, 不去蟹鱼额 (*generation than to*

discard Xie Yu's fish head). Here is the praise of Chinese cuisine, and the idea of preferring good food to a quality residential building – the second seems rather ironic.

It is impossible to vouch for the fact that the children will adequately dispose of the accumulated parents: What the tank (father, father) hunts, the son and children will drink away in the stone chamber – here the doubt of parents about the reasonableness of their children is verbalized. The image of *stone chambers* symbolizes the status and level of material well-being of the family and indirectly expresses the idea of the insolvency of the spoiled heirs of the rich man.

In Chinese PU, the accents are different: 千间房子万顷地, 就怕没有好子弟 (*Even if a person has a house with a thousand rooms and ten thousand acres of land, children should be afraid that their grandchildren will be ill-mannered and capricious*). In other words, no matter how rich a family is, wealth does not determine the worthy behavior of heirs – children and grandchildren.

In Chinese paroemias, which generally pay ***great attention to education*** (to compare: 宝剑不磨要生锈, 人不学习要落后 – *If a sword is not sharpened, it will rust; if a person does not study, he will fall behind*), with the concept important property for a person is associated with a book, reading: 书中自有黄金屋 (*Through reading (that is, studying) you will gain golden mansions*). The whole phrase *golden mansions* is a vivid metaphor with the semantics of value accentuated by the definition *golden*.

Own housing as the main household space mastered by a person, although ***objectively not always presentable***, appears in PU as close, dear to his soul: *Native izba is nicer than stone chambers*. Native is preferable, albeit beautiful, highly worthy, but ‘other’, ‘foreign’: *Native (Own) izba is better than other people's chambers; A good corner, but a stranger, a bad one, but your own*. The unpretentiousness, crampedness of one's own housing in PU is emphasized by the words *khizhina, corner: It's better to crawl through your own corner at least sideways*. Let not the highest quality, but your own home serves as a reliable protection against external forces: *Though the house is thin, but the roof is strong*.

In the Chinese PU 金窝银窝不如自家的狗窝 (*Your own doghouse is better than*

a golden and silver nest), the value-based images of a doghouse as a symbol of a squalid dwelling and nest are contrasted (in Russian culture, the nest also acts as a metaphor for a house, dwelling; to compare: *family nest*), whose value is emphasized by the definitions of *gold* and *silver*. The preferential nature of one's own primitive dwelling in comparison with a wonderful stranger's is also evident in PU 千好万好，不如自己的土窝窝好 (*No matter how beautiful the strangers' house is, it's still not as good as in their adobe mink*). The Chinese saying 千金难买独自家 says that a house that will become one's own, one cannot simply buy, even if one spends a lot of money.

As can be seen from the above PUs, Russians and Chinese appreciate the place that has become their home, which gives rise to a sense of belonging to it, and, not pretending to a luxurious home, are ready to be content with a simple way of life.

There are many sayings in the Chinese mentality that ***comfort and reassure the owners of a poor dwelling, increasing its significance***. So, for example, ***some aspects of a simple dwelling allow us to see advantages in them***: 茅草棚子不透风，土墙矮屋好过冬 (*A izba covered with reeds does not let the wind through, it is easy to winter in a low dwelling with adobe walls*).

The carriers of Chinese culture also show in their PU the moral and psychological state of the owner of a poor dwelling: 心安茅屋稳 (*When you live with a clear conscience, you also experience feelings of peace and satisfaction in the izba*). ***Bad housing does not prevent a person from living in peace with himself***, to compare *The relatives who live in a izba will not have to be ashamed* – this is what PU 茅屋三间，子孙不嫌 says (*Descendants will not disdain three reed izbas*). The meaning of PU is based on the tradition of transmitting dwellings by inheritance that existed in ancient China: in Chinese history and culture, the concept of 祖屋 has been preserved – houses inherited from ancestors – “hereditary houses”; the descendants lived in the dwellings of their ancestors, so they will not disdain and complain, inheriting only three reed izbas (that is,, they will not have a rich house). On the other hand, according to Chinese ideas, this can serve as an incentive to set and achieve more serious tasks, to achieve success and acquire a different status.

As paroemias show, the *discrepancy between a decent-looking dwelling* – one’s own or someone else’s – to its *real state causes an ironic attitude* among Russian speakers: *the Chamber is white, and (yes) the doors are flimsy; Khoromina is good, but the windows are crooked*. This theme is continued by PU *Khoromishki, that the pots stand: neither a stake, nor a yard*, where the suffix in the word *horomishki* introduces a tinge of derogation. With the help of these expressions, it is possible to express distrust to a person who is trying to throw dust in the eyes of others.

The Chinese expression 亮堂屋, 黑卧房 (*tang is light and shi is dark*) also has an ironic connotation.

The analysis shows that the names of residential buildings used in two languages to assess their size, condition and quality are Russian (*ugol, khizhina, khoromy, palaty, terem, nora*, etc.) and Chinese (“a house with a thousand rooms”, “red door; translated ‘rich house’”, “high and spacious chambers”, “high tower”, “white house; translated ‘poor, beggar's house’”, “thatched izba”, etc.). – are widely represented in PU and serve to indicate the material condition of its owner, as well as to express the attitude to the dwelling and its assessment, to set the value priorities of native speakers of the language and culture.

2.2.3. The role of zoomorphic metaphor in the paroemial interpretation of dwelling

Anthropocentricity as a universal category, “penetrating all spheres of a person’s spiritual life and reflecting the process of a person’s awareness of his special belonging in nature and society” [Leshchenko 2014: 177], manifested in the understanding and evaluation of a person of all kinds and types of “dwelling”. In the course of ubiquitous distribution in the surrounding world, native speakers form a range of ideas about the living conditions of various representatives of the fauna, which are not formed and reflected in the paremiological fund of the language.

On the one hand, man separates himself from the animal world – to compare rows of words present in the vocabulary that nominate a human dwelling (*dom, izba, palaty, ugol*, etc.), and the names of animal dwellings – *kennel, hollow, hole, nest*, etc. On the other hand, the scope of the world as a “universal cultural perception of metaphorization, covering the conceptual frame pictures of the world of individual language groups”

[Marigun 2009: 14].

As E.A. Poturaeva, a house, a missing part of human participation, arising from “physical, realizable, cultural meanings”, and the interpretation “is carried out through many other formations, among which the main place is occupied by anthropomorphic, zoomorphic, phytomorphic and defectomorphic images” [Poturaeva 2010: 72]. .

An analysis of the lexical composition of the PU, which includes the names of the most common objects and objects of the surrounding world, close and encountered native speakers of the language and culture, shows that the names of animals “dwellings” and birds are also conceptualized in paroemias and are found in the expression of specific connotations and assessments. So, in the paroemia *Why are there big mansions for a crow!? Know your nest, crow!* Large mansions, as high-quality housing, not befitting a crow, is opposed to a more familiar nest. The expression of references to too high attendance or servants as a comment on an unsatisfactory assessment of the increase in one’s status, since the ***dwelling must correspond to the status, social position of a person***. On the whole, the motif of the crows’ inconsistency with its lofty claims is quite often verbalized in PU; to compare *Do not fly a crow in a high mansion; A crow flew into the royal (boyar) mansions: there is a lot of honor, but no flight*.

In general, the *socket* component is not marked with exceptional pollution. On the contrary – in stable volumes, *a family nest, a native nest, a connected nest*, and in PU *Every bird loves its nest; Stupid is the bird that does not like its nest* as ‘a place where animals bring their young’ [D.1: 362], it is colored positively: ***one should cherish the dwelling, it is usually loved and cherished***. Here, of course, the quality has a great positive perception of one’s home – regardless of the existing quality of the home – against the background of someone else’s.

The idea of a careful attitude to environmental pollution, housing, characteristic of PU, ***condemning offenses that lead to a violation of order in one’s own home***. There are many paroemias about birds here: Hood and the bird that stains its nest; Stupid is the bird whose nest is disliked; 把自己的窝弄脏的鸟是坏鸟 (*A bad bird soils its nest*). On the appearance of the magpie, a vicious disdain for one’s own home is formulated, a violation of the usual way of life in it: *no magpie in its nest spoils (not dirty)*.

This motive is repeatedly repeated in the PU about housing (*I will not change my old threshold for a yard; yard – ‘courtyard, estate’; Though a thin izba, but its own corner; Everyone’s own house is better than someone else’s; Native (Own) izba is better than other people’s chambers, etc.*, and in sayings on other topics: *Better your bad than someone else’s good; Your own kvass is always tastier; about the family – Though the hubby is bad, but my backbone; I’ll fall for him – I’m not afraid of anyone*), etc. Hence the idea of **bragging about one’s own housing** (*Every bird praises its nest*), although this thought is verbalized in relation to various life spheres: *Every fox praises its tail, Every old man praises his baldness, etc.*

This setting is interestingly presented in the Chinese PU about the advantage of one’s own unsightly and, perhaps, uncomfortable dwelling in comparison even with the reference housing options: 金窝银窝不如自己的狗窝 (*Own kennel is better / more expensive than a gold and silver nest*).

Metaphorically, dwelling, dwelling is represented in PU and through the use of other images associated with the animal world. In the Russian and Chinese languages, a considerable number of nominations for animal dwellings are found, acting in the meaning of ‘uncomfortable, cramped dwelling of a person’: burrow – 2. ‘transl. Dark, unfurnished dwelling. Lives in some kind of hole’ [OS: 421]; kennel – ‘2. trans. A cramped, miserable dwelling (colloquial). | reduce Konurka’ [OR: 292]; barn – ‘2. trans. About a dirty room, dirt in the house (colloquially disapproved). Set up a barn in the apartment’ [OS: 863]. We find some of these words in PU.

So, Russian and Chinese paroemias indicate that **each biological individual has its own dwelling corresponding to it** – this is the law of nature: And the dog is a konurka, and the cat is a stove; 耗子有个洞，麻雀有个窝 (*A mouse has a hole, a sparrow has a nest*). Here the components act in their direct meaning – ‘animal dwelling’. To compare PU *and the mouse drags a crust into its mink*, where the traditional habitat for the mouse is mentioned.

The idea of the **significance of one’s own dwelling** is repeatedly verbalized in PU – albeit not rich, simple, but realizing its main function: *God bring your kennel to the dog; Good and the dog has its own kennel*. These PUs allow in their interpretation the idea of

the importance of one's own home for both the animal and the person.

The trend towards zoomorphism, which expands the scope of interpretation of ideas realized on the example of animal images to the life sphere of people, manifests itself quite consistently. Here, for example, such a linguocultural setting is implemented: **“Creating your own home is painstaking work that requires patience”**: *Little by little, the bird builds a nest.*

An interesting idea, which is absent in Russian PUs, speaks in Chinese paremics about the **permanence of a home, the stability of a place of residence**: 鸟儿不随便换窝 (*Birds do not change nests lightly*). Chinese one-model paroemias are interesting, drawing very different figurative pictures – 跑了猪，跑不了圈 (*The pig will run away, but the pigsty will remain; transl. the temple will remain*), and 跑了和尚，跑不了庙 (*The monk will run away, but the temple will remain*), confirming the immutability and value of a dwelling and, more broadly, a place of residence for a person. There is nothing better than an already settled, familiar place, even if not a new one, say Chinese PUs, for example: 兔子满山跑，还得回自己老窝 (*Rabbits run all over the mountain, but they eventually need to return to their old hole*).

In Russian and Chinese PUs, the idea of caution recommended in order to avoid **drawing attention to the place of one's residence is verbalized** – this can be dangerous, for example, for offspring: A fox does not walk near a hole; 兔子不吃窝边草，老鹰不吃窝下食 (*Rabbits do not eat grass near their nests, eagles do not eat food under their nests*). Therefore, the generally recognized talkativeness of the magpie is condemned in the PU: *The magpie itself will tell where the nest is built.*

The Russian saying attracts attention, where the dog's dwelling, acting as a symbol of primitive, uncomfortable and, finally, simply unworthy housing, definitely intended for the poor, is opposed to the rich man's house: *He applied a doghouse to the Stroganov yard*. The meaning of the paroemia is to point out the inconsistency of the fact of comparing two incomparable objects: the *Stroganov yard* is a palace, a mansion of one of the richest people in Russia (to compare expressed differently: *I compared a fly with a tower!*). The proverbial binomial “kennel – yard” reflects stereotypical ideas about the

contrast between the dwellings of the poor and the rich, causing a feeling of discontent, envy, a sense of injustice.

The statement about the importance of one's home, in which or next to which anyone feels brave, strong, free, absolutely right, is widely represented in the paremics. *Every dog in his kennel is fierce; In his kennel and the dog is a tiger; In its nest: and the crow pecks out the eyes of the kite; On its ashes, a chicken scratches*, etc. In these PUs, a combination of two components is consistently presented – a zoonym and the name of an animal (bird) dwelling, which make up the semantic basis of the PU, that is, paroemia binomial.

This “animal-dwelling” binomial is used in Chinese PUs to express the idea that people's habits and behavior are only truly seen when a person is at home, because there he feels free and his behavior is not regulated by anything: 买猪看圈, 娶媳妇看院 (*Buy a pig, take care of the pigsty, get married, watch the bride's yard*).

In Russian paroemias, other stereotypes are also noted using components – the names of animal dwellings: ***about the variability of the situation, which can be either worse or better***: *Time up the hill, and time into the mink*; climbing a hill is associated with difficulties, and the possibility of some kind of prey carried into a mink is associated with good luck. To compare also *For the time being – at the hole, and at the right time – into the hole*. Paremia also hints at the need for patience, since, as you know, *there is a time for everything (its hour)*. Here, probably, we should talk about the philosophical approach to the concept of timeliness: *We wait for the time, so we are out of the hole <and in time again into the hole>; Until the time they sow no seed; You can't hold time with your hands*, etc.

As noted above – in the PU about the crow and the mansions – the image of the dwelling of animals in the PU is used to emphasize the importance of understanding one's own situation. Paremias are taught ***to understand one's place in life and society and not to claim more, not deserved***: *Sit, dog, in your kennel; Small birds also make small nests*; Chinese 有什么鸟, 有什么窝 (*Like a bird, like a nest*).

It is interesting to see such a property of paroemias as their inconsistency in the following examples. On the one hand, 狗窝里养不出金钱豹 (*Impossible to grow a*

leopard in a dog kennel) metaphorically conveys the idea that in ***an unfavorable environment and / or with a low level of quality of life, talent will not come out of a person***, his greatness will not manifest itself (to compare also Chinese PU: lit. “*A phoenix does not fly out of a hen’s nest*”). On the other hand, a similar result is not excluded, as evidenced by such expressions as 鸡窝出凤凰 (*Phoenix grew up in a chicken coop*); *Phoenix* in Chinese culture and mythology is a symbol of nobility and wealth; he “has long been revered by the Chinese as a bird divine and highly ominous” [Somkina 2008: 288]. The paroemia 烂猪窝里出好笋 (*Good bamboo shoots grow out of a rotten pig’s nest*) verbalizes the same idea.

The idea that ***two identical individuals cannot live in one place*** coincides in two cultures. To compare Russian *Two bears do not live in the same den (do not get along)*; *You can’t put two geese in one nest*. To compare Chinese PU 一山不容二虎 (*Two tigers cannot live on the same mountain*), which excludes the possibility of coexistence of two competing in strength and other parameters and therefore incompatible. This is a situation in which the possibility of losing to one of the competitors is excluded. A lair, a nest, tight for two, can denote a team, field of activity, area of interest, etc. There are many other PUs in the Russian language that indicate the impossibility of joint actions of different individuals, for example: *It is inconvenient for a wolf to trade with a fox; A bull and a goose will not go together*.

It is also impossible to place a predator and its potential prey in one “dwelling” (one place of residence). Compare: *It is bad when a wolf lives in shepherds, a fox lives in poultry houses, a pig lives in gardens*, that is, the wolf is dangerous for sheep, the fox for chickens (*poultry house* – a room for keeping and raising poultry), and the pig for vegetables growing in the garden. Echoes this paroemia and the Chinese saying 羊和狼住不进一个圈里, 鸡和鹞子住不进一个窝里 (*Sheep and wolf cannot live in the same sheep pen, chicken and harrier cannot live in the same nest*).

There is also an example of a ***mythological, sacred understanding of a dwelling*** in Russian paremics – we are talking about an empty hollow: *From an empty mansion, either an owl, or an owl, or Satan himself*, which can usually be occupied by a bird or a

squirrel. In this case, all three competing components are called representatives of the night, dark world – therefore, dangerous to humans.

2.3. Binary relations between the components of paroemias about dwelling as the basis of their content

Among 629 Russian PUs and 318 Chinese PUs about dwelling, selected from the phraseological and paremiological dictionaries of the Russian and Chinese languages, there are 389 Russian PUs and 145 Chinese PUs in which we noted binary relations between the components, which confirms the relevance of studying paroemia binomials and their participation in shaping the meaning of PU and encourages us to dwell on this issue separately.

We have identified in the material three types of relations between the parts of the paremic binomial: relations of thematic generality, semantic contrast and synonymic proximity.

The largest category is made up of paroemias about housing, the components of which are in the relations of thematic community.

2.3.1. Relationships of thematic commonality between parts of the paroemial binomial

When working on this section, the materials of the article published by the author of the thesis are used: [Wang Yixuan 2022: 168–173].

In PU, the names of dwellings enter into a variety of binary relationships with other components, which show a wide range of associative-thematic relationships and create a convincing picture of the features of a dwelling as a structure and its functions.

The names of various types of buildings intended for living are considered by us as a stimulus word, and the element associated with it within the framework of the PU – mainly this is one component – makes up with it a very stable paroemia pair – a *binomial*. This allows us to build the following typology of proverbial binomials, in which separate categories are distinguished depending on the aspect in which the speaker considers the dwelling.

The *first group* consists of binomials that reflect ideas about a dwelling as a structure, about its structure and the necessary parts of it, and its place in the economy.

In Russian PU there are a number of verbs associated with the work of building a

dwelling – for example, a **house – build / chop / put up**: *The house is being built for the facade; The fool built the house, but the clever one bought it; What should we build a house: draw – we will live; Than dig a hole for an enemy – build a house for a friend; And a small house is put up with great difficulty; Put up a house – sell everything, etc.*

In Russian PUs, the material from which the izba is built is not named, but it is indirectly indicated by the verb *to chop*, the tools that appear in these PUs, and the mention of the professions of house builders: *Without taking up an ax, you cannot cut down the izba; Without four corners, the izba is not cut; A carpenter without an ax is like a izba without a corner.*

Noted in paroemias about residential buildings and material – mainly used brick and wood; **house – wood/brick**: 鲁班无木难造屋 (*Master Lu Ban has trouble building a house without wood*); 一块砖垒不成墙，一根椽子盖不成房 – *You can't make walls out of one brick, you can't build a house out of one wooden pole, etc.*

In many PUs, the necessary parts of the dwelling are named as buildings – **house / izba – roof / matitsa / window / doors / ceiling**: *Although the house is thin, the roof is strong / covered; A house without a roof lives – it does not rot, etc., A man in a family is like a matitsa in a izba, Every house is covered with a ceiling, Khoromina is good, but the windows are crooked; The chamber is white, but the doors are rotten; He walks around the izba, but he can't find the door.*

In Chinese PU, the mat and foundation appear as important parts of the structure; **house / building – matitsa / foundation**: 立屋要好梁柱 (*Building a house requires a good matitsa*); 架桥靠桩，做屋靠梁 – (*The quality of a house can be judged by matitsa*), 房有基，船有舵 (*A house has a foundation, and a ship has a rudder*); 不怕楼房高，只要根基牢 – *The height of the building is not terrible, as long as the foundation is strong.*

A separate binomial is made up of components that establish a clear connection between the main building and its ancillary premises adjacent to the residential part of the izba and intended for household needs; **izba – seni / chulan / klet' / podklet'**: *The izba walks, the seni speaks; Chulan – another izba; In the izba he guards, but in the klet' he*

does not know. Against the *izba* and *klet'*, etc.

It was reflected in the PE and an idea of the living quarters of the house and other mandatory components provided for during construction; *izba – gornitsa*, *izba – bed*: *Walk, izba, go, gornitsa, and the stove and the bench are dancing. The izba went along the gornitsa, the seni along the floor.* In Chinese paremics, this is a binomial *tang – shi*, acting in this context as an antonym: 亮堂屋, 黑卧房 (lit. *tang is light, and shi is dark*). Tang is “showy”, open to others, and shi is secret, hidden from prying eyes.

The angle component, which is included in the binomials *izba – corner, mansions – corner*, is very peculiar in Russian PUs and receives different meanings. On the one hand, a square or rectangular structure cannot do without corners: *A carpenter without an ax is like a izba without a corner; Without the trinity, the house is not built, without the four corners the izba does not become (is not cut)* – we are talking about the outer corners of the building. In PU *To whom are new mansions, but for me the corners* are rotten corners are mentioned as a sign of dilapidation of housing.

On the other hand, according to the Slavic tradition, each inner corner in the *izba* has a certain cultural significance and function. *The red (holy, front) corner* is the most significant place in the *izba*, since icons and lamps are placed there. *Furnace (baby, hearth) corner* – a place where food is prepared. This is also a place where garbage intended for burning accumulates (*Do not take copy out of the izba, but [sweep it] into a corner rake / mine*).

PU with the angles component show some contradiction; to compare: *The izba is red with corners, lunch is with pies; In his izba and corners help; In your home, walls / corners help; The izba is not cramped with corners – [but] cramped with minds.* The corners here realize the meaning ‘interior decoration, order, cleanliness’. On the other hand, this characteristic of the dwelling is not so important in comparison with the treat with which the owners greet guests: *The izba is not red with corners, but with pies.* In Russian, the corner also has the meaning ‘dwelling, shelter’ (usually in combinations own corner, own corner, have a corner, etc.) [CRYA.4: 459]. To compare: *At least a thin izba, but its own corner.*

Of the elements of the internal structure of the house noted in Russian PUs, the

most significant is the *stove*, which reflected in the PU the idea of **main function – to warm the house and those living in it**: *Kurna izba, and a heat oven; Good speech is that there is a stove in the izba; Do not boast of a stove in an unheated izba; He's still not blind, if he felt the stove in the izba*, etc. The stove is also a place to sleep, more often reserved for children and the elderly: *In the izba on the stove, yes, there are kalachi very well*, etc. (see more about the functions of the stove in: Seliverstova 2012; Chernyshova 2003).

The Chinese PU 房中炉, 屋里炕 (**Stove [should be] in the house and kang in the room**) indicates the source of heat in the dwelling – the stove and kang.

The **second group** consists of binomials, reflecting the idea of housing as a place where a person and his family live, where everyday life takes place and important life events take place. To compare:

Russian the **izba – owner (hostess), house – owner (hostess)**: *Take someone else's debt with goodness to the owner in the house; The house is being painted by the owner; If the izba is crooked, the hostess is bad; The izba is warm, and the hostess is kind*; Chinese 屋 – 主: 家无主, 屋倒竖 – *There is no owner, the house will turn over*, that is, without a master, there is no order in the house.

Russian **izba – neighbor, house – neighbor**: *Do not buy a house, and buy a neighbor; A pacer on the road is not a comrade, and a sick person in a izba is not a neighbor*; Chinese 没有木头支不起房子, 没有邻居过不好日子 (*You can't build a house without a tree, you can't live without neighbors*). In the PU of both languages, the idea of the importance of choosing a neighbor, and not the house itself, is verbalized; to compare. *Don't buy a izba, buy a neighbor* and a Chinese 房/宅 – 邻: 选房不如选邻 – *It is better to choose a neighbor than a house*; 非宅是卜, 唯邻是卜 – *Not a house – guess, only a neighbor – guess*;

Russian **house – wife**: *Buy a covered house, an embroidered caftan, and a wife – unopened; It's a bit long at home, the wife will have to pawn ('mortgage')*; Chinese 屋 – 妻: 人若无妻, 如屋无梁 – *A man without a wife is like a house without a matitsa* – the intersection of two binomials is interesting here, also realizing the metaphorical

perception of the wife as the basis of the house;

Russian *izba* – **children**: *The izba is fun for children*; Chinese 房/茅屋 – 子弟/子孙: 千间房子万顷地, 就怕没有好子弟 – *Even if a person has a house with a thousand rooms and ten thousand acres of land, children should be afraid that grandchildren will be ill-mannered and capricious*; 茅屋三间, 子孙不嫌 – *Descendants will not disdain three thatched izbas*.

In many PUs it is represented by a bin connecting the idea of a *house (izba)* with **guests**: *Guests are not invited to an unfinished izba*; *We ask for a izba: a red guest a red place*; *The guest in the house is God in the house*; *A guest in the house is like a bad tooth*. To compare Chinese 在家没客人, 在外没主人 – *If you do not receive guests at home, you will not be received elsewhere*.

In Russian, the home component is often found in PUs that speak of the perception of one's own and that of others. The concept of "one's own home" is fraught with more than one meaning: it is not only a building, but also a family way of life, a routine, a supported family tradition. To compare PU, emphasizing the inner freedom and independence of the owner in his house: *Do not take your own house*; *Your home – your own and will*; *Your house – your space*; *Everyone reigns in his own house*; *Even a chicken scratches in its yard* – that is, on its territory, a person experiences a sense of security and peace.

Russian PUs approve of the idea of a prosperous existence in any dwelling, if a person experiences positive emotions, lives next to loved ones: *With a sweet paradise and in a izba*; *Without you, the high tower is empty*; *At least live in a forest izba, but be with your loved one*; *Don't chain me, matitsa, to the stone chamber, chain me, mother, to the girl's bed!*

In Chinese PU, the relationship between the psychological state of the owner and his home is reflected as follows: 屋 / 茅屋 – 心: 心安茅屋稳 – *When you live with a clear conscience, you feel safe even in a thatched izba*. Poor housing does not prevent a person from living in peace with himself: 宁叫心宽, 不叫屋宽 – *Better a wide heart (that is, a joyful perception of life) than a spacious house*.

In Chinese paremics, the house appears as wealth, but not material, but spiritual; to achieve it, training is required: 房 / 屋 – 书: 书中自有黄金屋 – *The golden house is hidden in books.*

Among the names of the territory adjacent to the house / dwelling, the most prominent place is occupied by the courtyard: *courtyard* – *izba* / *mansions* / *house*. To compare: *Yard, like a city, izba, like a tower; Whose yard, that mansion.* The yard delimits the house from the “outside world”: this is confirmed by PU *It is light in the izba, and in the yard it is lighter than* the one where the parts of the binomial participate in the expression of opposition; *The izba is strong with constipation, and the yard with a fence; Drops will drip in the yard, the windows in the house will fog up; There was a Maslenitsa near the yard, but it didn't go into the izba* (Maslenitsa is a building ‘a holiday that symbolizes the border between winter and spring, promising warmth’, which, contrary to expectations, is not observed in the izba).

Thus, the study of paroemias of two languages shows that dwelling (house, izba, etc.) is perceived in both cultures as vital, a guarantee of human existence. The PU reflects the idea of a dwelling as an object of the domestic sphere – this applies, in particular, to the rules observed during the construction of a dwelling, and its necessary components, typical for a residential building of a folk type. More often than others, the *izba* appears here in Russian PU as a value-neutral “representative” among the names of dwellings and a house, which is considered both as a residential type structure and as a place of residence for people, families, although in general the range of dwelling names in paremika is very wide (*shalash, izbushka, dom, ugol, terem, khoromy*, etc.). At the same time, the PU also reveals the perception of the house as a spiritual value that guarantees freedom and security, as an area for the manifestation of certain mental states and emotions, established relationships.

2.3.2. The relationship of semantic contrast and synonymic proximity between the components of the binomial

In numerous Russian PUs that indicate differences in human behavior in one's own home and outside one's home, binomials with **antonymic relations** between its parts most often appear: ***at home*** (‘in one's own house’) – ***in people*** (‘in a strange house’):

*Houses, as I want, but **in people**, as they say; Love at **home** what you want, and **in people** – what they give; An angel **in people**, but a devil at **home**; He drinks **in people**, and does not pour **at home**; There is no bread at **home**, so it will be new **in people**; Ananya is **in people**, but you won't find **houses** (and houses are rascals).*

A separate group consists of pairs of components that reflect the comparison of two types of housing in order to emphasize the contrast they create on the basis of the quality and wealth of their owners: Rus. *The boyars' **chambers** are red, and the peasants' **izba** are on their sides; Native **izba** is nicer than stone **chambers**; own **izba** is better than other people's **chambers**.*

Antonymic relations between parts of the binomial are also noted in Chinese PUs: 朱门生饿殍, 白屋出公卿 – lit. *Children from **houses with red doors** will starve to death, and younger generations of families living in **white houses** will become high-ranking officials*; 贫居白屋灾须少, 富住朱门病也多 – *Poor people live in a **white house**, but have fewer problems, while rich people live in a **mansions with red gates**, but suffer more from diseases*. For the perception of a dwelling from the standpoint of its value, reflected in such PUs, see paragraph 2.2.2.

In addition to the relations of semantic contrast, **synonymous relations** are also found between the names of the dwelling as components of the binomial in the PU: *A **house** cannot be built without a trinity, a **izba** does not become without four corners*, etc.

The analysis of frequency binary relations between the components of the PU about housing confirms the presence of a variety of associative links on which the ideas and attitudes expressed by paroemias are based; they recreate the image of the dwelling, reflected in the expressions of folk wisdom. Binomes, as well as paroemia ideas, serve as an indicator of cross-cultural differences and similarities in the vision of objects of the surrounding world.

2.4. Conclusions of Chapter 2

Let's summarize the results of the study.

1. Referring to the data of the explanatory dictionaries of the Russian and Chinese languages made it possible to determine the paradigm of lexical units that nominate as

themselves dwellings of various types intended for living (*terem, dom, izba, khoromy, shalash*, etc.; Chinese 房, 屋, 宅, 白屋, 茅屋, etc.), and their details (matitsa, corner, roof, walls, etc.) and premises (*ovin, ambar, khlev*, etc.), as well as the yard as an integral part of the dwelling adjacent to the house and belonging to the owner, and outbuildings (barn, barn, barn). All together, these lexical units form a cumulative idea of the house – this applies to both Russian and Chinese dwellings.

Differences, of course, are observed in the frequency of inclusion of a certain component in the composition of paroemias: in the Russian material, such active components are *izba, truba, potolok, ugol, porog, seni, krasnyy ugol, gornitsa, klet', chulan, ovin, khlev* and *banya*, and in In Chinese paroemias, in comparison with Russian ones, the frequency components are 房檐 “cornice”, 地基 “foundation/basis”, 堂 “tang” and 室 “shi”.

2. In the coverage of the dwelling as a structure, a significant part of the stereotypical representations identified in the PE in Russian and Chinese linguocultures coincides. This applies to the materials chosen, the importance of choosing a place to place a dwelling, the importance of neighbors, the inevitable and tangible labor costs when building a house, the ability of a house to store heat, etc. It is interesting that the idea of the uselessness of empty talk instead of real actions is verbalized in both Russian and Chinese, just like the view of the size of a dwelling, which is not so important for an acceptable life.

At the same time, however, differences in the views of Russians and Chinese are also revealed. The Russians note the shape of the house and the typical tool of a carpenter chopping a house (*axe*), the importance of the skill of the builders, while for the Chinese the spaciousness in the house, the psychological state of the owner are important. The results obtained are visually presented in Table 3 (see Appendix).

3. The PU of both languages repeatedly emphasizes the importance of various components of a residential building, their main functions, the symbolic interpretations they receive, the attitude of a person towards them and possible associations. The commonality of views on housing is seen in the recognition of:

– roofs are the most important part of the house – reliable, weatherproof and in

need of constant monitoring by the owner;

- the importance of the pipe – if there is a stove in the house;

- the enclosing function of the walls, which, however, do not save either the Russians or the Chinese from leakage of important information about the family and its affairs outside the house; the same applies to doors;

- the decisive role of the matitsa;

- the functions of doors as a boundary between the home and the outside worlds.

At the same time, firstly, the details of a residential building called in Russian and Chinese PUs differ – in Russian there are no PUs with a *cornice* component, and in Chinese there is no PU with such details as a *corner* and a *ceiling*, which are important for Russian proverbs. The accents placed in PU are also different: for example, the idea of strength and reliability of a house is associated among Russians with the idea of walls, and among the Chinese – mainly with such components of the structure as pillars (columns), foundation and matitsa.

The associative-symbolic meanings of the details of the dwelling can both coincide – this is how Russians and Chinese figuratively perceive the door as a border between two worlds, personal, their own and someone else's – or not coincide, which allows us to talk about their nationally specific understanding. Thus, the Russians associate a window with the possibility of making contact with the outside world, while the threshold, on the contrary, is intended to serve as a barrier for those who come from outside and a symbolic sign when escorting unwanted visitors. It is no coincidence that Russian superstitions are also associated with the threshold. In Chinese culture, the perception of the threshold is completely different: a high threshold symbolizes both high status and wealth. Dirt in the chimney, generally seemingly inevitable, is used by the Chinese as a symbol of bad luck. The results of the analysis of PU, indicating the reflection of the ideas of Russians and Chinese associated with the details of the dwelling, are presented in Table 4 (Appendix).

4. The internal layout and division of traditional Russian and Chinese houses are different: it is interesting that the main living quarters of the Russian izba did not have a special name; the *gornitsa* was called a room similar to the Chinese *tang* for receiving guests; ethnographers characterize it as summer, unheated. Among the Chinese, the *tang*

also testifies to the authority of the owner and symbolizes marriage and the relationship between husband and wife. A special part of the Russian house is the *red corner* – this is not only a sacred place where the faces of the saints were located, but also a part of the room, where, as paroemias testify, only very respected guests were located. For the Chinese, the *shi* room is a symbol of personal space and the possibility of solitude.

Thus, according to paroemias, in the structure of a Russian house, such parts as a *seni* and a *red corner*, as well as rooms for storage, warehousing – *klet'*, *podklet'*, *chulan*, are not correlated with the Chinese ones. Nationally marked are two rooms in a Chinese house, widely represented in paroemias – these are *tang* and *shi*. Data on these stereotyped notions that do not coincide in two cultures, verbalized by paroemias, can be seen in tables 5 and 6 (Appendix).

5. Stereotypical representation about the courtyard and outbuildings in Russian paroemias are presented more widely than in Chinese paroemias. The explanation for this is seen in the differences in the traditional structure of the peasant economy and the use of the territory of the yard. The PU mainly emphasizes the functions of the courtyard and outbuildings used for keeping livestock, carrying out certain types of work within the agricultural cycle, drying sheaves, storing grain, etc. The ideas expressed in PU about the yard as an external territory in relation to the house are also important. but belonging to the owner of the house and providing protection to the living. The ability of the yard to serve as an indicator of the owner's well-being and diligence is also significant – in this case, the yard is perceived as the totality of all buildings, taking into account their quality and content.

With a very significant number of paroemias about the bath in general, the bath as a structure is relatively rarely covered in paroemias, with the exception of an indication of its general function. Much more attention is paid by native Russian speakers to the peculiarities of visiting a bathhouse, the purpose and benefits of a bathing procedure, and its assessment.

Coincidences between Russian and Chinese paroemias are found in the interpretation of the courtyard as a territory near the house and the function of a fence around it, in indicating the function of a barn and the danger of mice for grain supplies.

Outbuildings appear less frequently in Chinese PU.

Cases of metaphorical comprehension of the elements of the courtyard are also noted in paroemias. So, among the Russians, the barn acquires a metaphorical meaning as a symbol of a dirty, untidy room. For the Chinese, the rethinking concerns the fence, perceived as a necessary precaution – already out of touch with the yard area and as the main element of something that needs support with auxiliary details (“*A great man needs three helpers, a fence needs three stakes*”). The results of identifying stereotypes associated with the courtyard and outbuildings in the PU of the two languages are presented in Table 7 (Appendix).

6. The commonality of representatives of Russian and Chinese linguistic cultures is expressed in the coincidence of a number of ideas: about the instability of the state of the rich and the possible change of well-being by poverty, about the irony-worthy discrepancy between an outwardly decent dwelling and the real state of the building itself and / or its owners (*the Chamber is white, but the doors are rotten*; Chinese “*Tan is spacious and light, and shi is dark*”), about the lack of guaranteed well-being of the descendants of wealthy homeowners.

Russians and Chinese see the indisputable value of any home, even an unsightly one, but evoking a feeling of freedom and independence, the permissibility of any home with other values – love, marriage for love, lack of hunger.

The nationally marked priorities of the Chinese are the good mental state of the owners of poor housing and the possibility of obtaining a good education. According to the Chinese PU, the poor man’s dwelling is a good incentive in striving to achieve success in life. In Russian PU, the importance of health and love, harmony is emphasized.

7. In the use of words – the names of the dwellings of animals and birds in the composition of Russian and Chinese paroemias, there is much in common: they act both in direct meanings when characterizing the habits of wild and domestic animals, and as a metaphor for a human dwelling. At the same time, universal conclusions are revealed – about the importance of housing in human life, about the impossibility of coexisting in one place, on the one hand, two identical individuals, and on the other, two individuals that are in the relationship of “predator” and “prey”, about the importance of maintaining

order in your home and protect your home from aggression and destruction, etc.

Nationally marked are the ideas of Russians about the difficulty of creating a dwelling, boasting about their home, about the volatility of the position of the owner of housing, about the inconsistency of the fact of comparing two houses of a rich man and a poor man, about the danger of an empty dwelling.

Lacunar in relation to the Russians are such paroemiaial ideas of the Chinese: about the commitment to the existing dwelling, about the typical behavior of the inhabitants in their own dwelling.

In their metaphorical comprehension, the images of animal dwellings reveal both similarities – they serve, in particular, as an indication of a person's low social status – and differences: the PU about two bears in one den is applicable to various fields of activity and areas of interest. In Chinese PU, poor housing is a metaphor for a difficult environment that determines a person's eventual success.

Many PUs are marked with an ironic tinge – they condemn a person's claims to an inappropriate social position, the desire to develop talents without being provided, the lack of order in one's own home.

8. The analysis of binary relations between the components of the PU about housing confirms the variety of associative links underlying the paroemias; they recreate the image of the dwelling as it appears in the expressions of folk wisdom – from the point of view of its features as a building, its location, structure, internal organization, etc., and from the point of view of understanding its functions and significance for a person.

CONCLUSIONS

The study of paroemias expressing the idea of a person's dwelling shows that it is perceived in both cultures as vital – a guarantee of a person's existence, his security and freedom.

The importance of housing as an undoubted value is confirmed, firstly, by the number of paroemias that speak about the most diverse aspects of this material attribute of human life. Secondly, this is evidenced by the number of possible housing nominations observed in the vocabulary of the two languages and used as components in paroemias. Thirdly – and this seems to us the most weighty argument – evidence of the importance of the dwelling is the multidimensionality of its coverage in the paremiological space. The dwelling is shown as a *product of human activity* – a building carried out in compliance with the conditions prevailing in the culture; as a *phenomenon of material culture*, which combines the experience of construction and the traditions of maintaining a house; as *evidence of the manifestation of the degree of human sociality* (“ours” – “strangers”, “family” – “neighbors”, etc.); as a *manifestation of the way of life and character of a person* (“industriousness” – “laziness”, “bragging”, “modesty”, “unpretentiousness”, etc.).

We consider the most important result to be the identification of a set of ideas reflected in paroemias and indicating the way of thinking and value priorities of speakers of two languages and cultures.

The dwelling, as an important architectural object for a person, is undoubtedly an important part of the national culture, and although the basic elements of the structure in Russian and Chinese cultures largely coincide – the presence, in particular, in the house of a roof, walls, mats, etc., and at the house – the courtyard with its buildings – there are big linguistic and cultural differences between seemingly close concepts. This is determined by the natural-geographical and socio-economic conditions of the ethnic group's life, customs and traditions, experience in creating residential and courtyard buildings. Such differences are also accentuated in dictionary definitions, and are found in stereotypical representations embodied in PU.

Russians and Chinese largely agree in their views on housing (including the

territory of the yard surrounding it) as a necessary – albeit equipped to varying degrees – place of habitation, human being, his personal space.

Inconsistent ideas are also revealed, explained by differences in the development of an ethnic group, its history and culture, in the traditions of housing construction, in the criteria for determining human well-being, etc. and the constant growth of the well-being of the wealthy, etc. Special in Chinese PU are the ideas about the hardening of the poor by life's difficulties, about the possibility / impossibility of raising a worthy person in conditions that are hardly suitable for this. The Chinese are generally concerned about the future of their descendants, which is also manifested in the PU about housing: “Children from houses with red doors will die of starvation, and the younger generations of families living in white houses will become high-ranking officials”, the inclusion of installations in the system of ideas about housing feng shui philosophy. Ethno-marked and stable images of houses with red doors – in Russian PU, the symbolism of poor housing was assigned to the components of a *shalash*, *khizhina*, *konura*.

National features of the interpretation of the dwelling, its individual parts and functions are also found in the metaphorical (symbolic) understanding of individual components of buildings – walls, doors, thresholds, pipes, windows, supports (columns), etc., and in binary constructions that demonstrate – in the presence of a tangible similarities (“home/dwelling – owner”, “home – children”, “home – wife”, etc.) are significant differences, expressed in the absence of verbalization of certain associative links – in particular, in the Chinese PU of the binomial “dwelling – klet’ (podklet’, chulan)”, “dwelling – gornitsa”, etc. This manifests both the extralinguistic specificity of the residential building, and the peculiarities of the worldview, which determines the arrangement of ethno-marked accents regarding the value of the dwelling.

Acquaintance with the priority attitudes of the speakers of Russian and Chinese linguistic cultures, with the peculiarities of their awareness of the boundaries of living space, the importance of all types of buildings included in this concept, and their elements, with the system of associative links contributes to a deeper understanding of the culture of foreigners and the success of cross-cultural communication.

REFERENCE LIST

1. Alekseeva O. P., Davydocheva M. A. Paremias: on the issue of terminology in linguistic knowledge // Humanitarian Scientific Bulletin. – 2020. – №. 4. – pp. 79–83.
2. Alefirenko N. F. Scientific and ordinary in the linguistic picture of the world // Vestnik ChelGU. – 2011. – №.24. – pp.11–14.
3. Alefirenko N.F. Language stereotypes of ethnocultural space / N.F. Alefirenko // Philology and culture. – 2014. – №.3. – pp. 11–20.
4. Andreeva I. V. Value picture of the world as a linguistic and philosophical category // Analytics of Cultural Studies. – 2006. – №.6. – pp. 7–13.
5. Apresyan Yu. D. Selected works. Vol. 1: Lexical semantics: Synonymic means of language. – M.: Shk. “Yaz. Russian culture”; Publishing company “Vost. lit.” RAN, 1995. – 472 p.
6. Apresyan Yu. D. The image of a person according to language: An attempt at a systematic description // VYa. – 1995, – №.1. – pp. 91-98.
7. Akhmanova O. S. Essays on General and Russian Lexicology. – M.: Uchpedgiz, 1957. – 295 p.
8. Bazhenova T.E. Vocabulary of Samara dialects on a common Slavic background: names of buildings and structures for drying sheaves // Volga Pedagogical Bulletin. – 2019. – №.2 (23). – pp. 44–51.
9. Baiburin A. K. Dwelling in the rituals and ideas of the Eastern Slavs: a monograph. – L.: Nauka, 1983. – 191 p.
10. Bayramova, L.K. Interpretation of phraseological units in dictionaries in the light of cognitive science and axiology // Phraseology and cognitive science: mater. 1st Intern. nauch. conf. (Belgorod, May 4-6, 2008): in 2 vols. – Vol. 1: Idiomatics and cognition. – Belgorod: Belgor Publishing House. state university teacher. un-ta, 2008. – pp. 298-302.
11. Bartminsky E. Stereotype ethnocentrism: Polish and German students about their neighbors // Slavic studies. M.: Indrik, – 1997. – №. 1. – pp. 12–24.
12. Bartminsky E. Language image of the world: essays on ethnolinguistics. Translation from Polish. Comp. and resp. ed. CM. Thick. – M.: Indrik. – 2005. – 527.

13. Bartminskiy E. Basic stereotypes and their profiling // Stereotypes in language, communication, culture: Sat. Art. / comp. and resp. ed. L. L. Fedorova. – M.: RGGU, – 2009. – pp. 11–21.
14. Blagova G.F. Paroemia and life: Personal fund of Russian paroemias in historical and folklore retrospective. – M.: “Eastern Literature” of the Russian Academy of Sciences, 2000. – 222 p.
15. Bratchikova N. S. Color picture of the world in the Finnish and Russian language consciousness: Dis. ... Dr. Philol. Sciences. – M., 2006. – 349 p.
16. Bredis M. A. Money and wealth in the proverbs of different peoples (on the material of Russian, Latvian, German and English languages) // Bulletin of the Oryol State University. university – 2012. – №.4. – pp. 234-238.
17. Bredis M. A. Ideas about monetary relations in proverbs (based on Russian, Latvian, Lithuanian, German and English languages): dis. ... cand. philol. Sciences. – M., 2017. – 346 p.
18. Budko A. A. The role and place of geomancy in the construction business of traditional China // Society and the state in China. – M.: Vost. literature, 2000. – pp. 241-253.
19. Bulanova L. Yu. Language and mentality: specificity of mutual correlation. Language and mentality: collection of articles [Text]; resp. ed. M.V. Pimenov. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2010. – 696 p. (Series “Slavic World”. Issue 5). – pp. 15–20.
20. Buslaev F.I. About teaching the national language / F.I. Buslaev. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. – 266 p.
21. Weisgerber L. Native language and the formation of the spirit. – M., 1993. – 232 p.
22. Wang Andi. Phraseologisms and paroemias with a zoonym component in the lexical-semantic field “Reservoirs” // Izvestiya RGPU im. A.I. Herzen. – 2019. – №.191. – pp. 109–116.
23. Wang Yixuan. Paromic binomial as a manifestation of stereotypical ideas (based on Russian and Chinese proverbs about housing) // Modern scientist. – 2022. – №.6. – pp. 168-174.

24. Wang Yixuan. Stereotypical ideas about the Russian hut in the mirror of proverbs // Scientific Thought of the Caucasus. – 2022. – №.1 (109). – pp. 117–122.
25. Vinogradov V. V. On the main types of phraseological units in the Russian language // Modern Russian language: lexicology. Lexicography: reader and study tasks. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. un-ta., – 1996. – pp. 181-191.
26. Vorobyov V. V. Linguistic and cultural studies. – M.: RUDN, 2006. – 331 p.
27. Vorobyova L. B. Symbolic meanings of somatism language in Russian and Lithuanian proverbs // Bulletin of NovSU. – 2014. – №.77. – pp. 105 – 107.
28. Vorontsova T. I. Picture of the world in the text of an English ballad: Cognitive basis and linguistic representation: Dis. ... Dr. Philol. Sciences. – St. Petersburg, 2003. – 398 p.
29. Galimullina R. I. Cognitive-semantic interpretation of proverbs with a zoonym component in the Tatar, Russian and English languages. Science and education: preserving the past, creating the future: collection of articles of the XI International Scientific and Practical Conference. – Penza: ICNS “Science and Education”, 2017. – pp. 92–94.
30. Glyants M., Pimenova M. A., Potapenko V. V. The role of the Russian stove in the life of the Eastern Slavs // National priorities of Russia. – 2017. – №.5 (27). – pp.30–36.
31. Grichenko L. V. Features of semantics and functioning of phytonyms in Russian proverbs // Humanitarian and social sciences. – 2019. – №.5. – pp. 122–129.
32. Grishaeva L.I. Tsurikova L.V. Introduction to the theory of intercultural communication: textbook, manual. 3rd ed., corrected – M.: Information Center “Academy”, 2006. – 300 p.
33. Dzhimbeeva L. V. Axiological component of the linguistic picture of the world // International journal of professional science. – 2016. – №.1. – pp. 141–147.
34. Dobrenkov V. I., Kravchenko A. I. Sociology. – M.: “Infra-M”, 2001. – 624 p.
35. Zaykina Z. M. Universal and idioethnic features of the paremiological field “labor”: contrastive-dynamic and combinatorial-semantic aspects: author. dis. ... cand. philol. Sciences: 10.02.19 / Zaykina Zlata Mikhailovna. – Kemerovo, 2018. – 24 p.
36. Zaitseva A. A. House in the system of traditional values of Russian merchants //

- Journal of the Heritage Institute (network scientific peer-reviewed publication).
Humanitarian research. –2015. – pp.1–5.
37. Zinovieva E. I. Cultural linguistics: from theory to practice. Textbook. – St. Petersburg: St. Petersburg State University; Nestor-History, 2016. – 182 p.
38. Zinovieva E. I., Rokhlina E. K. Stereotypical idea of a smart person in Russian linguistic culture // International Scientific Research Journal. – 2016. – №.9-4 (51). – pp.135–143.
39. Zinovieva E. I., Cao Jiaqi Linguistic and cultural description of Russian proverbs with the component-name of an insect (against the background of the Chinese language) // Uchenye zapiski Novgorod State University. – 2020. – №.2 (27). – pp.14–18.
40. Ivanova E. V. Proverbial pictures of the world: (on the material of English and Russian proverbs). – St. Petersburg: Philol. Faculty of St. Petersburg State University, 2002. – 155 p.
41. Ilyin V. V. Axiology. – M.: Publishing House of Moscow State University, 2005. – 216 p.
42. Kalmykova E. L. Paremiological picture of the world as part of the linguistic picture of the world and the category of linguoculturology // Bulletin of the Bashkir University. – 2010. V. 15, – №.3 (I). – pp. 286–288.
43. Karasik V. I. Cultural dominants in language // Language circle: personality, concepts, discourse. – Volgograd: Change, 2002. – pp.166-205.
44. Kasevich V. B. Language and text knowledge // Questions of linguistics. – 1990. – №.6. – pp. 98–101.
45. Kovshova M. L. Comparative analysis of phraseological units: linguoculturological approach // Philology and culture. – 2014. – №.4. – pp. 115–120.
46. Kolesov VV Language and mentality. – St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2004. – 240 p.
47. Kolshansky GV Communicative function and text structure. – M.: Nauka, 1984. – 175 p.
48. Kolshansky GV Objective picture of the world in knowledge and language. – M.: “Nauka”, 1990. – 107 p.

49. Confucius “Lun Yu”: Research., trans. from Chinese, comment. / L. S. Perelomov; Fax machine. text “Lun Yuya” with comments. Zhu Xi; RAN. Institute Dal. East. – Moscow: “Eastern lit.” RAN, 1998. – 588.
50. Kopylova V. E. Phraseology of the Russian language as a reflection of the linguistic picture of the world // Linguistic Culturology. – 2010. – №.4. – pp.89–93.
51. Kornilov O. A. Language pictures of the world as derivatives of national mentalities / O.A. Kornilov. – M.: CheRo, 2003. – 175 p.
52. Kravtsov S. M. The picture of the world in Russian and French phraseology (on the example of the concept “Human Behavior”): dis. ... Dr. Philol. Sciences. – Rostov n / D., 2008. – 391 p.
53. Krasilova L. A. Russian hut – traditions and modernity // Bulletin of ISTU. – 2011. – №. 7 (54). – pp. 49–55
54. Krasnykh VV Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures. – M.: ITDGK “Gnosis”, 2002. – 284 p.
55. Krasovsky M. V. The course of the history of Russian architecture: Part 1 / Mikh. Krasovsky, teacher Institute of Civil eng. imp. Nicholas I. – Petrograd: R. Golike and A. Vilborg. 1916. – 402 p.
56. Kuznetsov A. M. Cognitology, “anthropocentrism”, “linguistic picture of the world” and problems of research of lexical semantics // Ethnocultural specifics of speech activity. – 2000. – №. 2000. – pp. 5–12.
57. Kuznetsova I. V. Once again about the equivalence of proverbs in different languages // Rossica Olomucensia XLVI-II. Olomouc : Univerzita Palackého, – 2008. – pp. 363 – 366.
58. Kulkova M. A. Cognitive-semantic space of folk signs: author. dis. ... Dr. Philol. Sciences: 10.02.01, 10.02.20. – Kazan, 2011. – 52 p.
59. Kumakhova J. B. Estimated categorization of reality in the proverbial picture of the world (based on the Kabardino-Circassian and Russian languages): author. dis. ... cand. Phil. Sciences. – Nalchik, 2011. – 28 p.
60. Kuptsov I. V. The Stroganov family. Chelyabinsk: Publishing House “Stone Belt”, 2005. – 224 p.

61. Levi-Strauss K. Raw and cooked. – Chicago: University of Chicago, 1969. – 229 p.
62. Leshchenko O. I. Anthropocentricity as a universal principle of organizing the linguistic picture of the world // Svitoglyad – Philosophy – Religion: a collection of scientific practices. – 2014. VIP. 5. – pp. 171-179.
63. Lin Yutang. The Chinese: my country and my people. – M.: Eastern literature, 2010. – 335 p.
64. Lomakina O.V. Paremiias in the texts of L.N. university – №.6 (14). – 2010. – pp. 217-221.
65. Lomakina O. V. The study of proverbs in line with the value paradigm: research methodology and criteria for evaluating // Uch. app. Crimean Federal University. IN AND. Vernadsky. Philological Sciences. Science Magazine. Volume 7 (73). – №.1. – pp. 97–107.
66. Lomakina O.V. Essays on Rusyn phraseology: monograph / O.V. Lomakina, V. M. Mokienko. M.: RUDN, 2021. – 97 p.
67. Lu Weijie, Solovyov A.K. Features and condition of traditional housing in Northern China // Housing construction. – 2010. – №.11. – pp. 20–23.
68. Malenova E.D. Is there a linguistic picture of the world? // Omsk Scientific Bulletin. – 2004. – №.4 (29). – pp.51–54.
69. Marigun N. I. The concept of “dog” as an element of the Russian linguistic picture of the world // Language and Culture. – 2009. – №.2. – pp. 11–30.
70. Maslova V. A. Linguoculturology. – M.: Academy, 2001. – 208 p.
71. Maslova V. A. Linguoculturology – a visionary project of V.N. Teliya // Language, culture, creativity: World practice of studying. Collection of scientific articles for the 90th anniversary of Professor Veronika Nikolaevna Teliya / otv. ed. I. V. Zykova, V. V. Krasnykh. – M.: Gnosis, 2020. – pp. 689–698.
72. Natkho O. I. English proverbs in the linguistic picture of the world // Language. Text. Discourse: scientific. alm. – Stavropol, 2009. – Issue. 7. – pp. 433-439.
73. Nikitina T. G. Proverbs with astionymic components: lacunarity and interlingual parallelism // Bulletin of Pskov. state university Series: Social and Humanitarian Sciences. – №.4. – 2014. – pp. 111-115.

74. Nikolaeva T. M. Generalized, concrete and indefinite in proverbs // Small forms of folklore: collection of articles. Art. in memory of G.L. Permyakova / ed. EAT. Meletinsky, S.Yu. Neklyudova and others – M.: Ed. firm “Eastern Literature”, – 1995. – pp. 311-324.
75. Nichiporchik E. V. Reflection of value orientations in proverbs. – Gomel: GSU im. F. Skorina, 2015. – 358 p.
76. Obrezkov A. A. Linguistic picture of the world: a view from the inside // Noospheric research. – 2015. – №.1-2 (9-10). – pp.119–128.
77. Paremiology without borders: monograph / E. N. Antonova, M. A. Bredis, T. E. Vladimirova and others; ed. M. A. Bredis, O. V. Lomakina. – M.: RUDN University, 2020. – 244 p.
78. Perevalova D. A. Stereotype “House” in different types of discourse // Vestn. Volume. state university – 2014. – №.384. – pp. 27–31.
79. Permyakov G. L. Fundamentals of structural paremiology. – M.: Nauka, 1988. – 235 p.
80. Petrova A.P. Ethno-cultural specificity of speech behavior of the Sakha // Philological Sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, 2013. – №.12. Part 2. – pp. 156–160.
81. Pluzhnikov V. I. Terms of the Russian architectural heritage: An architectural dictionary. – M.: Art-XXI century. 2011. – 424 p.
82. Podyukov I. A. Semiotic aspect of paroemia text // Linguistic and aesthetic aspects of text analysis. – Solikamsk. 1999. – 169 p.
83. Popova Z. D., Sternin I. A. Cognitive linguistics. – M.: AST: East West, 2007. – 314 p.
84. Popova Z. D., Sternin I. A. Essays on cognitive linguistics. – Voronezh: Origins, 2001. – 98 p.
85. Potapova N. A. Analysis of the concepts of “proverb” and “saying” in modern linguistics // MNKO. – 2016. – №. 6 (61). – pp. 358–361.
86. Potebnya A.A. Thought and language // Potebnya A.A. Word and myth. – M.: Pravda, 1989. – 203 p.

87. The role of the human factor in language. Language and picture of the world / Ed. Ed. B. A. Serebrennikov, E. S. Kubryakova, V. I. Postovalova and others. – M.: Nauka, 1988. – 216 p.
88. Rtishcheva O. V. Comparative analysis of the linguistic and scientific picture of the world // Bulletin of KazGUKI. – 2012. – №.3-2. – pp. 118–121
89. Savenkova L.B. Russian paremiology: semantic and linguoculturological aspects. – Rostov n / a: Publishing house Rost. un-ta, 2002. – 240 p.
90. Sausheva E.V. The role of the linguistic picture of the world in the process of communication // Bulletin of KSU. – 2017. – №.3. – pp. 196–170.
91. Seliverstova E. I. The experience of identifying the proverbial binomial and the problem of variance // Russian language in scientific coverage. – №.1. – 2009. – pp. 182-200.
92. Seliverstova E. I. Vectors of associations as components of paroemia concept // National-cultural and cognitive aspects of the study of units of language nomination: Mat. intl. scientific and practical. conf. / scientific ed. A.M. Melerovich. – Kostroma: KGU, 2012. – pp. 94–96.
93. Seliverstova E.I. The space of the Russian proverb: constancy and variability / E.I. Seliverstov. – 2nd ed., Rev. and additional – M.: Flinta: Nauka, 2017. – 345 p.
94. Seliverstova E. I. Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of a nationally marked vision of the world // New studies of Tuva. – 2022. – №.1. – pp. 115-130.
95. Seliverstova E. I. Rhyming binomial as the basis of a proverb // Izvestiya VSPU. – 2009. – №.10. – pp. 63 – 66.
96. Seliverstova E. I., Wang Yixuan Residential building as evidence of material wealth / poverty in Russian proverbs against the background of Chinese ones // Bulletin of ChGPU im. I.Ya Yakovlev. – 2021. – №.3 (112). – pp. 90–99.
97. Seliverstova E. I., Tseng Kun-jiao. Russian and Chinese proverbs with a zoosemic component // Cognitive factors of interaction of phraseology with related disciplines: Sat. scientific tr. – Belgorod: Ed. house “Belgorod”, 2013. – pp. 451-456.
98. Semashko T. F. Stereotype as a fragment of the linguistic picture of the world.

- Philological sciences // Tambov: Diploma, 2014. – №.2 (32): in 2 parts. Part II. – pp. 176–179.
99. Semenenko N. M. Problems of the linguistic status of proverbs and sayings // Linguistic and methodological foundations of the philological training of a language teacher: mater. intl. scientific method. Conf.: in 2 volumes. Stary Oskol, – 2005. – V.1. – pp. 201–208.
100. Semeneko N. N. Cognitive-pragmatic paradigm of paremic semantics (based on the Russian language): dis. ... doc. philol. Sciences. – Belgorod, 2012. – 417 p.
101. Semenenko N. N., Lisitsyna G. A. Mental stereotype as a meaning-forming factor in value paremic representations // Bulletin of VyatGU. – 2015. – №.12. – pp.85–91.
102. Semenenko N. N., Krivosheev G. S. Paremic picture of the world as a conductor of an ethno-cultural stereotype // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. – 2019. – №.4. – pp. 32–41.
103. Semenenko N. N. Axiology of proverbs in the focus of the problem of cognitive-discursive modeling of the semantics of Russian proverbs // Vestnik RUDN University. Theory of language. Semiotics. Semantics. – 2020. – T. 11. – №.2. – pp. 213–232.
104. Sapir E. Selected works on linguistics and linguoculturology. – M., 1993. – 656 p.
105. Seregina M. A. Speech mentality: semantic-pragmatic level of functioning (on the example of proverbs) // VESTNIK VSU. Series: Philology. Journalism. – 2012. – №.2. – pp. 106–108.
106. Simashko TV Denotative class as the basis for describing a fragment of the world. – Arkhangelsk: Pomor Publishing House. state un-ta im. M.V. Lomonosov, 1998. – 337 p.
107. Skornyakova R. M. Linguistic and cultural concept of modeling the linguistic picture of the world: dis. ... Dr. Philol. Sciences. – M., 2010. – 530 p.
108. Sokolova E. E., Gurina R. V. On the correlation of linguistic and scientific pictures of the world // Knowledge. Understanding. Skill. – 2010. – №.3. – pp. 83–88.

109. Solonchak T. Yu., Pesina S. A. Linguistic picture of the world in the cultural aspect // *Fundamental and applied research: problems and results*. – 2014. – №.12. – pp. 149–153.
110. Sorokina N.V. Methodological typology of stereotypes as a component of the content of teaching foreign languages at a university // *Language and Culture*. – 2013. – №.3 (23). – pp. 120–139.
111. Sosedova V. S. Correlation between the concepts “Linguistic picture of the world” and “Mentality” in modern linguistics // *Vestnik MGIMO*. – 2013. – №. 6 (33). – pp. 275–279.
112. Sukhareva Yu. V. Interdependence of the picture of the world and the linguistic picture of the world // *Bulletin of SUSU. Series: Linguistics*. – 2012. – №. 2 (261). – pp. 110–113.
113. Xu H. Russian proverbs with a zoonym component in the linguoculturological aspect (against the background of the Chinese language): dis. ... cand. philol. Sciences: 10.02.01. – St. Petersburg, 2012. – 137 p.
114. Teliya VN *Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguistic and Cultural Aspects*. – M., 1996. – 288 p.
115. Ter-Minasova S. G. *Language and intercultural communication*. – M., MSU Publishing House, 2005. – 146 p.
116. Tikhonova M. A. Evaluative vocabulary of the Russian language: problems of lexicography // *Vestnik MGUP*. – 2015. – №.2. – pp. 352–358.
117. Tlekhatuk S. R. Paremias with zoocomponents in different system languages: general and specific in their semantic structure and interpretation // *Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and art history*. – 2013. – №.1 (114). – pp. 172-179.
118. Khabibulin D. A., Romanov P. Yu. Value attitude: approaches to research // *Bulletin of SUSGPU*. – 2011. – №.12-2. – pp. 173-183.
119. Kholomeenko O. M., Kolycheva A. S. Ethnocultural and language stereotypes: features of interaction // *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. – 2021. – №.6. – pp.1900–1905.

120. Chekanova S. A. The role of stereotypes in intercultural communication // Modern science: actual problems of theory and practice. Series "Humanities". – 2017. – Issue. 12. – pp. 263–265.
121. Cherkassky M. A. Experience in constructing a functional model of one particular semiotic system (proverbs and aphorisms) // Paremiological collection: Proverb. Riddle (Structure, meaning, text). – M., – 1978. – pp. 35–52.
122. Shvedova N. Yu. Theoretical results obtained in the work on the "Russian Semantic Dictionary" // Problems of Linguistics. – 1999. – №.1. – pp. 3–16.
123. Shvets E. I. Stereotypical representations in phraseology (based on the French language) // Lecturer XXI century. – 2016. – №.2. – pp. 349–358.
124. Shiryaeva T. A., Baginyan A. Yu., Natkho O. I. The wisdom of centuries in the language of business. Paroemias in the English-language popular scientific business discourse. Cognitive-discursive aspect. – Kazan: Buk, 2017. – 64 p.
125. Shchekotikhina I. N. Stereotype: aspects and prospects of research // Bulletin of Leningrad State University. A.S. Pushkin. – 2008. – №.5 (19). – pp. 69–80.
126. Yusupova L. G., Kuzmina O. D. Animal paremiological units with designations of wild animals in Russian and German languages // Philological Sciences. Questions of theory and practice. – 2017. – №.3-3 (69). – pp.193–196.
127. Yakovlev A. A. Linguistic picture of the world as a linguistic concept: a review of Russian publications in recent years // Vestn. Novosib. state university Series: Linguistics and intercultural communication. – 2017. – T. 15. – №.2. – pp. 5–20.
128. Yakovlena E. S. To the description of the Russian linguistic picture of the world / E. S. Yakovleva // Russian language abroad. – M.: Business media, 1996. – №.1-2-3. – pp. 47–56.
129. Yakubinsky L.P. A brief outline of the origin and initial development of the Russian national literary language // Yakubinsky L.P. Selected works. Language and its functioning. – M., 1986. – pp. 128-158.
130. Gallo Jan. Cognitive aspects of anthropocentric modeling of the linguistic picture of the world // Philological class. – 2018. – №.1 (51). – pp.39–42.
131. Yasin A. M. Linguistic picture of the world and national mentality // Uchenye

- zapiski Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. – 2012. – №1-1. – pp. 477-480.
132. 王德春. 词汇学研究. 济南: 山东教育出版社. 1983年 330页. Wang Dechun. Lexicological research. – Jinan: Shandong Enlightenment Publishing House, 1983. – 330 p.
133. 王韧. 古今结合浅谈植物造景中的风水讲究 // 南方农业. 2009年. 第6期. 68–70页. Van Zhen. Talk about feng shui in plant gardening, combining antiquity and modernity // Southern agriculture. – 2009. – №6. – pp. 68–70.
134. 王寅. 歇后语的体认性 – 基于体认语言学的思考. 当代修辞学 2020年第5期. 29-36 Wang Yin. Reality and cognition sekhoyuy – Reflections on reality and cognition based on linguistics // Modern rhetoric. – 2020. – №5. – pp. 29–36.
135. 王勤. 俗语的性质和范围—俗语论之一. 湘潭大学学报. 1990年第4期. 107-111页. The nature and scope of the saying is one of the theories of the saying. // Bulletin of Xiangtan University. – 1990. – №4. – pp. 107-111.
136. 王艳林. 国际中文教育中的跨文化互动与生成. 语文教学通讯. 2021年9月第9期. 83-85页. Wang Yanlin Intercultural interaction and generation in international Chinese education. Chinese Language Newsletter. – 2021. – №9. – pp. 83–85.
137. 马真. 园林绿化中植物风水学的运用分析. 现代园艺. 2018年第8期. 35–38页. Ma Chen. Analysis of the use of plant feng shui in landscaping // Modern gardening. – 2018. – №8. – pp. 35–38.
138. 武占坤, 高兵. 试论谚语俗语之分. 汉字文化. 2005年第3期. 19-20页 Wu Zhankun, Gao Bing. On the differences between proverbs and sayings // Culture of Chinese characters. – №3. – 2005. – pp. 19–20.
139. 冯忠良. 教育心理学. 人民教育出版社. 2010.598页. Feng Zhongliang. Psychology of education. Beijing: Public Education Publishing House, 2010. – 598 p.
140. 胡文仲. 跨文化交际学概论. 外语教学与研究出版社. 1999.209页. Hu Wenzhong. Introduction to intercultural communication. Beijing: Publishing House

- of Literature on Teaching and Learning Foreign Languages, 1999. – 209 p.
141. 屈朴. 俗语古今. 石家庄: 河北人民出版社. 1991年 262页. Qu Pu. Past and present proverbs. – Shijiazhuang: People's Publishing House of Hebei, 1991. – 262 p.
142. 张宏. 中国古代住居与住居文化. 湖北长江出版社. 2006年. 326页 Zhang Hong. Housing and culture of living in ancient China. – Hubei: Hubei Changjiang Publishing House, 2006. – 326 p.
143. 赵爱国. 言语交际中的民族文化定型. 中国俄语教学. 2001 (04). 55-62页. Zhao Aigo. National-cultural stereotypes in speech communication. Teaching Russian in China. – 2001(04). – pp. 55–62.
144. 赵晨星. 刻板印象理论与对外汉语教学. 北方文学. 2017年 36期. 第 178–179页. Zhao Chenxing. Theory of stereotypes and teaching Chinese as a foreign language // Northern Literature. – 2017. – №36. – pp. 178–179.

LIST OF DICTIONARIES AND SOURCES

1. Bezrukova V. S. Fundamentals of spiritual culture (encyclopedic dictionary of a teacher). – Ekaterinburg: Business book, 2000. – 523 p.
2. Dal V. I. Proverbs of the Russian people. – M.: State. ed. thin Literature, 1957. – 992 p.
3. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: dictionary: in 4 volumes. – M.: TERRA, 1995. – 723 p.
4. Efremova T. F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational. – M.: Bustard: Rus. yaz., 2000. – 1233 p.
5. Krylov. G. A. Etymological dictionary of the Russian language. – St. Petersburg: LLC “Polygraph services”, 2005. – 432 p.
6. Kuznetsov S. A. Big explanatory dictionary of the Russian language [Text]: A-Z / RAS. Institute of Linguistics research – St. Petersburg: Norint, 1998. – 1534 p.
7. Mikhelson M. I. Russian thought and speech. Yours and someone else’s. Experience of Russian phraseology. Collection of figurative words and parables. T. 1. Walking and well-aimed words. Collection of Russian and foreign quotations, proverbs, sayings, proverbial expressions and individual words (allegory). – St. Petersburg: type. Ak. Sciences, 1912. – pp. 37.
8. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. A large dictionary of Russian proverbs. – M.: OLMA Media Group, 2010. – 1026 p.
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions // Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradova. – 4th ed., add. – M.: LLC “A TEMP”, 2006. – 944 p.
10. Proverbs, sayings, riddles ... 1986 – Proverbs, sayings, riddles / Comp., author. foreword and comment. A.N. Martynova, V.V. Mitrofanov. M.: Sovremennik, 1986. – 510 p.
11. Semyonov A. V. Etymological dictionary of the Russian language. Series “Russian language from A to Z”. – M.: publishing house “UNVES”, 2003. – 704 p.
12. Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary. – M.: Ellis Luck, 1995. – 416 p.

13. Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols. Vol. 1 / ed. ed. N.I. Tolstoy. – M.: Intern. relations, 1995. – 575 p.
14. Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols. T. 5 / under the general. ed. N. I. Tolstoy. – M.: Intern. relations, 2012. – 729 p.
15. Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: Dictionary: in 5 vols. T. 2 / under the general. ed. N. I. Tolstoy. – M.: Intern. relations, 1999. – 702 p.
16. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. T. 1 – 4 / RAS, Institute of Linguistics. research; Ed. A. P. Evgenieva. – 4th ed., Sr. – M.: Rus. lang.; Polygraphic resources, 1999. Vol. 1 – 696 p. T. 2 – 736 p. T. 3 – 751 p. T. 4 – 800 p.
17. Ushakov D. N. Big explanatory dictionary of the Russian language: modern edition. – M.: House of the Slavic Prince, 2008. – 959 p.
18. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes – V.3 (Muse – Syat) / Per. with him. and dol. O. N. Trubacheva. – 2nd ed., erased. – M.: Progress, 1987. – 832 p.
19. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes. T.4 (T – foot and mouth disease) / Per. with him and O. N. Trubacheva. 2nd ed., erased. – M.: Progress, 1987. – 864 p.
20. Chernykh P. Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 volumes – 3rd ed., stereotype. – M.: Rus. yaz., 1999. V.1: A – Pantomime. – 624 p.
21. 程荣. 同义词大词典 (辞海版). 上海: 上海辞书出版社. 2010 年 10 月 1151 页
Cheng Rong. Big dictionary of synonyms. – Shanghai: Shanghai publishing house of dictionaries, 2010. – 1151 p.
22. 窦文宇, 窦勇. 汉字字源. 吉林: 吉林文史出版社. 2005 年. 536 页 Dou Wenyu / Dou Yun. Origin of Chinese characters. – Jilin: Jilin Literature and History Publishing House, 2005. – 536 p.
23. 高兵. 汉语熟语的民族研究特色. 河北大学学报. 2005 年.第 30 卷第 6 期第 64 页. Gao Bing Ethnic Research Characteristics of Chinese Idioms. Journal of Hebei University. – 2005. – Vol. 30. – No. 6. – pp. 64.

24. 罗竹风. 汉语大词典. 上海辞书出版社. 2020 年第二版第 17 卷. 934 页. Luo Zhufeng. Large Dictionary of the Chinese Language. Shanghai: – Shanghai: Shanghai Dictionary Publishing House, 2020. – 2nd ed. T. 17. – 934 p.
25. 马国凡, 武占坤. 谚语. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社. 1998 年 377 页. Ma Guofan, Wu Zhankun. Proverb. – Hohhot: People's Publishing House of Inner Mongolia, 1998. – 377 p.
26. 南致善, 黄长霏. 大俄汉词典. 北京: 商务印书馆. 1985. 2737 p. Nan Zhishan, Huang Changpei. Big Russian-Chinese Dictionary. – Beijing: Commercial Press, 1985. – 2737 p.
27. 宁架. 谚语. 格言. 歇后语. 武汉: 湖北教育出版社. 1985 年 77 页. Ning Ju. Proverbs. Aphorisms. Sehouuy. – Wuhan: Hubei Enlightenment Publishing House, 1985. – 77 p.
28. 新华成语词典 (第二版). 北京: 商务印书馆 2015 年 4 月 1185 页 Commercial Press Dictionary Research Center. Dictionary of phraseological units Xinhua. 2nd ed. – Beijing: Beijing Commercial Press, 2015. – 1185 p.
29. 王捷, 徐建华, 刁玉明. 中国俗语. 上海文艺出版. 1992 年 402 页. Wang Jie, Xu Jianhua, Diao Yuming. Chinese sayings. Shanghai: Literature and Art Publishing House, 1992. – 402 p.
30. 温端政. 歇后语. 北京: 商务印书馆. 1985. 147 页. Wen Duanzheng. Xie Hoyu. – Beijing: Commercial Press, 1985. – 147 p.
31. 温端政. 2011 年 638 页 Wen Duancheng. A large dictionary of Chinese proverbs. – Shanghai: Shanghai Dictionary Publishing House, 2011. – 638 p.
32. 温端政, 周荐. 二十世纪的汉语俗语研究. 上海: 上海出版社. 2000 年 408 页. Wen Duanzheng, Zhou Jian. A study of a Chinese proverb of the 20th century. – Shanghai: Shanghai Publishing House, 2000. – 408 p.
33. 温端政. 汉语语汇学. 北京商务印书馆 2005. 451 页. Wen Duanzheng. Chinese lexicology. – Beijing: Commercial Press, 2005. – 451 p.
34. 温端政. 中国俗语大辞典. 上海: 上海辞书出版社. 2011 年 1137 页. Wen Duanzheng. A large dictionary of Chinese sayings. – Shanghai: Shanghai Dictionary

- Publishing House. 2011. – 1137 p.
35. 温端政. 谚语. 北京: 商务印书馆. 2000. 142 页 Wen Duanzheng. Proverbs. – Beijing: Commercial Press, 2000. – 142 p.
36. 徐宗才. 俗语词典. 北京: 商务印书馆. 1994 年 1043 页. Xu Zongcai. Dictionary of proverbs and sayings. – Beijing: Commercial Publishing House, 1994. – 1043 p.
37. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典(第七版). 北京:商务印书馆. 2016 年 9 月. 1800 页. Dictionary edition of the Institute of Linguistics of the Chinese Academy of Social Sciences. Dictionary of Modern Chinese (7th ed.). – Beijing: Commercial Press, 2016. – 1800 p.

LIST OF USED ABBREVIATIONS

1. BSRP – Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. A large dictionary of Russian proverbs. – M.: OLMA Media Group, 2010. – 1026 p.
2. D – Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: dictionary: in 4 volumes. T. 1 – 4. – M.: type. M.O. Wolf, 1880-1882. T. 1 – 808 p. T. 2 – 810 p. T. 3 – 582 p. T. 4 – 710 p.
3. OSh – Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions // Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradova. – 4th ed., supplemented. – M.: LLC “A TEMP”, 2006. – 944 p.
4. SRNG – Dictionary of Russian folk dialects [Text]: dictionary: in 46 issue. Issue. 7 / ed. F.P. Filin and F. P. Sorokoletov. – L.: Publishing house “Nauka”, 1972. – 356 p.
5. SRYA – Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. T. 1 – 4 / RAS, Institute of Linguistics. research; Ed. A. P. Evgenieva. – 4th ed., Sr. – M.: Rus. lang.; Polygraphic resources, 1999. Vol. 1 – 696 p. T. 2 – 736 p. T. 3 – 751 p. T. 4 – 800 p.
6. SSKYA 现代汉语词典（第七版）. 北京:商务印书馆. 2016年9月. 1800页.
Dictionary edition of the Institute of Linguistics of the Chinese Academy of Social Sciences. Dictionary of Modern Chinese (7th ed.). – Beijing: Commercial Press, 2016. – 1800
7. TSZHVYA – Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: Dictionary: in 4 volumes – M.: TERRA, 1995. – 723 p.
8. TSSRYA – Ushakov D. N. Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. – M.: Adelant. 2014. – 800 p.

LIST OF ELECTRONIC SOURCES

1. BRKS – Big Chinese-Russian Dictionary [Electronic resource]
<https://bkrs.info/?ysclid=lambzushah232545895>.
2. Kolesov V. V. 2004 – Kolesov V. V. Language and mentality. – St. Petersburg:
Petersburg Oriental Studies. – 2006.
https://royallib.com/read/kolesov_vladimir/russkaya_mentalnost_v_yazike_i_tekste.html#40960.
3. Nikitina 1993 – Nikitina S. E. Oral folk culture and linguistic consciousness. – M.:
Science. – 1993; http://philologos.narod.ru/nikitina/Part_25.htm.

APPENDIX. Tables showing the results of the analysis of stereotyped representations (sections 2.2.1.1.–2.2.1.3, 2.2.1.6.–2.2.1.7.)

Table 3. Stereotypical representation about housing (Chinese 房, 屋, 宅) in Russian and Chinese paroemias

Stereotypical representation	in Russian paroemias	in Chinese paroemias
The main material is wood	+	+ (and brick)
The main tool in construction is an ax	+	–
Quadrilateral (rectangular) shape	+	–
The Importance of Craftsmanship in Construction	+	–
Requiring effort, financial and time costs	+	+
Empty talk does not build a house	+	+
Preferred Location	+ (высокий, недалеко от проложенной дороги)	+ (house not facing north)
The Importance of the Neighbor	+	+
Housing as a way to avoid contact (and conflict) with other people	+	–
Ability to store heat	+	+
The secondary size of the dwelling (it is not important)	+	+ (the psychological state of a person is more important)
Spacious housing improves the reputation of the owners	–	+

Table 4. Stereotypical representation about individual elements of a residential structure in Russian and Chinese paroemias

Housing elements	Stereotypical representation	in Russian paroemias	in Chinese paroemias
roof	The importance of the roof as an indispensable part of a residential building	+	+

	protection from bad weather	+	+
	The need for timely roof repairs	+	+
	The roof must be reliable, durable	+	+
	Roof needs to be maintained	+	+
	The roof symbolizes the house as a whole and the closeness of the household	+	-
cornice	<i>Under the cornice</i> is a symbol of the house as a whole; trans. indication of status and authority	-	+
pipe	Function: bring smoke out	+	+
	The importance of the pipe	+	-
	Blackness from soot inside	+	-
	Dirt in the pipe symbolizes misfortune	-	+
walls	The function of the barrier, fence, protection	+	+
	Hardness and strength	+	-
	Reliability, familiarity: allows you to feel confident and supported	+	-
	Walls do not guarantee the safety of secrets and problems	+	+
	A symbol of the result of labor, which can only be realized through the use of collective force	-	+
	Rules to be followed when building walls	-	+
foundation	The depth and width of the foundation of the dwelling are important for the construction of walls	-	+
	The inextricable link between the reliability of the foundation and the quality of the home		+
matitsa	Strict approach to the question of the suitability of the material for the matitsa	+	-
	The decisive role of the matitsa in the construction of a dwelling	+	+

	Poor-quality mat spoils the whole structure, its less significant details. Metaf. 'leader, senior'.	-	+
	matitsa is associated with the head of the family	-	+
pole / column /support	The importance of the pillar / column during construction	+	+
	The main requirement is strength	+	+
	The dignity of the column in its immobility, strength, straightness	-	+
porch	The porch is connected with the possibility of receiving guests	+	-
	Metaf. hypocrite, two-faced person	+	-
	Awkward situation	-	+
corner	Importance of angles	+	-
ceiling	The importance of the ceiling	+	-
	Your ceiling as your home	+	-
door	A closed door allows you to delimit the life inside from what is happening outside.	+	+
	Behind closed doors, the family can have frank conversations	-	+
	Doors cannot provide absolute security and non-disclosure of personal secrets	+	+
	Good should not go out the door (you need to help your own)	-	+
window	Ability to communicate with the outside world	+	-
	The tradition of serving bread to the needy and needy through the window	+	-
	Window is the source of rumors	+	+
	What happens outside the window affects the concentration of a person	-	+
threshold	The significance of the threshold as a kind of barrier separating the house from the	+	-

	outside world		
	The threshold is the beginning of the house; meeting a guest on the doorstep / at the doorstep – a sign of special respect	+	–
	To set a threshold means to expel someone.	+	–
	The threshold as a “symbolic boundary” between the dwelling and the outside world	+	–
	A high threshold is a symbol of wealth	–	+
	Metaf. high threshold – high requirement	–	+
lock	Ensuring safety, home security	+	–

Table 5. Stereotypical representation about the premises of a residential building in Russian paroemias

The names of the premises of the Russian residential building	Stereotypical representations in Russian paroemias
seni	Do not underestimate the dwelling of another From the seni you can judge the dwelling as a whole
red corner	The red corner is for honored guests
gornitsa	unheated room
	Place for receiving guests
klet', podklet', chulan	Storage areas There is something to take in the klet' (the thief) The proximity of the klet' to the main living quarters
gornitsa, seni, chulan	Synonyms for <i>house, izba</i>

Table 6. Stereotypical representation about the premises of a residential building in Chinese paroemias

The names of the premises of the Chinese residential building	Stereotypical representations in Chinese paroemias
Tang	Significant and obligatory premise
	The central room in the house of the Chinese, symbolizing the whole house
	Place for receiving guests

	Tang reflects the owner's wealth
	The quality of tang is associated with family prestige
	Tang symbolizes the state of marriage, family relations of husband and wife
Shi	Shi is associated with a person's personal (secret) space
	Dark shi stands for 'in secret' and 'dishonest'
	Shi symbolizes family
	Shi expands its meaning as a nomination for the building as a whole

Table 7. Stereotypical representation about the courtyard and outbuildings in Russian and Chinese paroemias

	Stereotypical representations	in Russian paroemias	in Chinese paroemias
Yard	The yard is the area around the house / at the house, belonging to the owner of the house and his family	+	+
	The farm in the yard includes buildings	+	-
	The yard is strong by the owner	+	-
	The courtyard provides benefits: protection, a sense of freedom and strength to the living	+	-
	In relation to the house, the yard is an "outer" circle	+	-
	men working in the yard	+	-
	Location of some works of the agricultural cycle	+	-
	Yard – a place where animals and livestock are kept	+	-
	Indicator of the owner's financial condition	+	-
	The absence of property in the yard is a sign of laziness of the owner	+	-
	The presence of trees in the yard guarantees the well-being and prosperity of the house and its owners.	-	+
	The yard is preferable to have a large one	-	+
The inconvenience of a small yard is compensated by the presence of a large family	-	+	
Fence	The yard is fenced	+	+
	The purpose of the fence is to delimit the yard from the	+	+

	outside world and protect		
	Metaf. Main element held (stable) by auxiliary parts	–	+
	Metaf. precaution	–	+
Ovin	Serves for drying sheaves, threshing grain	+	–
	ovin fire hazard	+	
Ambar	The ambar is designed to store grain after threshing.	+	+
	A full ambar is an indicator of prosperity	+	+
	Associative connection of the ambar with mice	+	+
Khlev	khlev – a special room in the yard for livestock	+	–
	Poor quality housing	+	
Banya	Room for body cleansing from dirt using hot water	+	–
	A place visited for health promotion, for treatment	+	
	The banya is not only for washing	+	
	An invitation by the host to a guest in a banya is a manifestation of cordiality, hospitality	+	
	A visit to the banya gives physical and mental pleasure.	+	
	The banya can wash away the sins of a person	+	